

В. М. МОКИЕНКО

В ГЛУБЬ ПОГОВОРОКН

*Рассказы о происхождении
крылатых слов и образных выражений*

Авалон
Азбука-классика
Санкт-Петербург
2005

УДК 80 + 087.5
М74

Мокиенко В. М.

М74 В глубь поговорки: Рассказы о происхождении крылатых слов и образных выражений. — 3-е изд., перераб. — СПб.: «Авалон», «Азбука-классика», 2005.— 256 с.

ISBN 5-94860-019-X («Авалон»)

ISBN 5-352-01349-9 («Азбука-классика»)

Книга посвящена фразеологии — интереснейшему разделу языкознания. Автор в увлекательной форме рассказывает о происхождении образных слов и крылатых выражений, сравнивая русские поговорки с поговорками других народов.

ISBN 5-94860-019-X («Авалон»)

ISBN 5-352-01349-9 («Азбука-классика»)

© Мокиенко В. М., 2005

© «Авалон», 2005

© «Азбука-классика», 2005

© Васильев М. К., оформление серии, 2005

От автора

Перед вами популярная книга о *фразеологии* — разделе языкознания, изучающем устойчивые сочетания слов. Фразеологией называют и совокупность таких сочетаний — *фразеологизмов*. Что такое фразеологизм? Учёные не дают пока однозначного ответа на этот вопрос. Одни относят к фразеологизмам лишь такие сочетания слов, которые имеют обобщённо-переносное значение, неразложимое на части (*бить баклуши* 'бездельничать', *сламя голову* 'стремительно'). Другие считают фразеологизмами или фразеологическими единицами все сочетания, воспроизводимые в готовом виде, — даже такие «словесные штампы», как *добро пожаловать*, *уважаемые дамы и господа* и подобные. Третьи, наконец, относят к фразеологизмам пословицы, афоризмы, литературные цитаты типа *без труда не вынешь и рыбку из пруда* или *рукописи не горят*.

В данной книге под фразеологизмом понимается такое сочетание, которое может воспроизводиться в готовом виде, обладает слитностью значения составляющих его слов и экспрессивностью. Воспроизводимость в готовом виде — это регулярность употребления такого сочетания (*съесть собаку на чём-либо*, *валить дурака*). Слитность значения — способность сочетанием нескольких слов выражать одно неделимое понятие (*без царя в голове* 'глупый', *семи пядей во лбу* 'умный') или тесная «привязка» зна-

чения одного из слов сочетания к другому (*крошечная тьма, скоростижная смерть*). Экспрессивность — выразительность, эмоциональная окрашенность фразеологизмов, во многом обусловленная их образностью.

И в названии книги, и в ходе изложения употребляется и другой термин, равный по значению фразеологизму, — *поговорка*. Автор даже нередко предпочитает это хорошо знакомое и понятное каждому русскому слово специальному термину «фразеологизм». Современные фразеологи дают поговорке самые разные толкования — от однословной присказки до безобразного народного афоризма-изречения. Тем не менее, употребляя слово *поговорка* как синоним фразеологизма, автор следует русской фольклористической традиции. Известный собиратель пословиц и поговорок В. И. Даль в своём «Напутном» к «Пословицам русского народа» так определял поговорку: «Поговорка — окольное выражение, переносная речь, простое иносказание, обиняк, способ выражения, но без притчи, без суждения, заключения, применения; это одна первая половина пословицы. Поговорка заменяет только прямую речь окольною, не договаривает...»¹ Далее знаток русского слова приводит иллюстрации в виде типичных фразеологизмов: *у него не все дома, один как перст, лыка не вяжет* и подобные.

Далевская характеристика поговорки как «одной первой половины пословицы», которую признаёт и большинство современных языковедов, особенно важна при рассказе об истории фразеологизмов-по-

Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1957, с. 20.

говорок. Именно поэтому в книге приводится много пословиц и часто употребляется термин «поговорка». Чем же отличается пословица от поговорки? Прежде всего законченностью мысли. Поговорка выражает понятие, пословица — суждение. Чаще всего это суждение имеет назидательный характер, выраженный образно (*Лучше шишка в руках, чем журавль в небе*). От пословиц целесообразно отличать народные афоризмы-изречения, не имеющие переносного значения (*Ждать да догонять — нет хуже*).

Фразеология изучает немало сложных проблем, связанных с сочетаемостью слов. Задача этой книги — рассказать лишь об одной из них — проблеме происхождения фразеологизмов. Однако раскрыть перед читателями методику исторического анализа фразеологизмов так же методологически чётко, последовательно и увлекательно, как это сделано для этимологии слов профессором Петербургского университета Ю. В. Откупщиковым в книге «К истокам слова»¹, к сожалению, невозможно прежде всего потому, что историческая фразеология — одна из самых неразработанных областей теории устойчивых сочетаний.

Автору не хотелось строить свою книгу как словарь-справочник «крылатых слов», подобный увлекательной книге писателя Э. Вартаньяна «Из жизни слов» или фундаментальному сборнику филологов Н. С. и М. Г. Ашукиных «Крылатые слова». Он избрал другой путь: не отказываясь от принятой традиции изложения истории поговорок в виде отдельных

¹ Откупщиков Ю. В. К истокам слова. М., 1973; СПб., 1986 г.

занимательных очерков, попытайтесь объединить их различным способом, прежде всего тематически. В рамках такой тематической группировки была сделана попытка ответить на некоторые вопросы образования фразеологизмов, которые могут быть интересны читателю: как слова сливаются в устойчивые сочетания и кто чаще всего оказывается автором поговорок (первая глава); как влияет профессиональная речь и социальная среда на их формирование (вторая глава); как образуются синонимические ряды фразеологизмов (третья глава); как рождаются фразеологические образы, и какое место в таком рождении занимают «стержневые слова» (четвертая глава); как собственные имена, в принципе безобразные единицы, участвуют в создании фразеологизмов и крылатых слов (пятая глава). Наконец, сделана попытка обобщить некоторые приёмы исторического анализа устойчивых сочетаний, уже знакомых читателю (шестая глава).

Чем же, собственно, эти вопросы могут заинтересовать читателя, особенно школьника и студента? Прежде всего тем, что ответы на них прямо связаны и с культурой речи, и с историей русской культуры. Ведь в шести названных главах книги предлагается как собственно лингвистическая, так и культурологическая методика анализа происхождения фразеологизмов. Конечная цель этого анализа — реконструкция первоначального образа таких оборотов. Образ же того или иного фразеологизма часто является зеркальным отражением фактов русской истории, фольклора и литературы. Это языковое зеркало во многом подсказывает нам ответ на извечный вопрос «Правильно ли мы говорим?»

Методы научного анализа исторической фразеологии лишь начинают вырабатываться. Но ценители и знатоки народной мудрости В. И. Даль, И. М. Спирёв, Ф. И. Буслаев, А. А. Потёбня, В. В. Виноградов, Б. А. Ларин и многие другие накопили богатый материал и немало глубоких наблюдений, открывающих путь к истокам фразеологизмов. Если автору удастся приобщить читателя к частице этого богатства, он будет считать свою задачу выполненной.

Предлагая читателю новое, исправленное издание, автор считает приятным долгом поблагодарить своего учителя Г. А. Лилич, свою супругу В. А. Мокиенко и знатока древнерусских текстов А. И. Кривенко за бесценную помощь по совершенствованию этой книги.

Язык неистощим в соединении слов

Разум неистощим в сообщении понятий, как неистощим язык в соединении слов.

А. С. Пушкин

Этот афоризм А. С. Пушкина метко отражает одну из основных особенностей слова — его употребление в контексте, в тесной связи с другими словами. Эта связь может быть бесконечно свободной и предельно ограниченной. В первом случае количество соединений слов может оказаться почти беспредельным: *дать воды* и *дать хлеба*, *дать тумака* и *дать пощечину*, *дать подумать* и *дать поспать*, *дать сыну* и *дать отцу*. Правда, и здесь «почти беспредельная» способность глагола *дать* вступать в соединение с другими словами имеет всё-таки свои пределы: мы не можем, например, сказать «дать столу» или «дать о семье». Это ограничение обусловлено тем, что глагол *дать* сочетается с дательным падежом лишь одушевлённых существительных или с существительными, которые могут метафорически осмысляться как одушевлённые (например, *предать огню*), а также особенностями его управления.

Во втором случае возможности соединения ограничиваются одним-двумя словами. Произнеся слово *зажмурить*, я на сто процентов убеждён, что вы продолжите — *глаза*, а употребив глагол *витать*,

я уверенно ожидаю — *в облаках*. Правда, в особых языковых ситуациях стопроцентная гарантия может подвести.

Как жмурятся цветы и витают звери

В деревне Дубокрай на Псковщине мне довелось слышать, как старушка, поливая цветы, поэтически сказала о них: *зажмурились*. Образное мышление жительницы этой деревни, видимо, допускает необычную для нас сочетаемость *зажмурить лепестки цветка*. Сферу же сочетаемости глагола *витать* можно расширить и на литературном материале. Некоторые из вас, вероятно, вспомнят и вариант выражения *витать в облаках* — *витать в эмпириях*, которое означает также 'предаваться бесплодным фантазиям'. Заглянув в Академический словарь русского языка, вы найдёте там авторское преобразование этого выражения А. Ф. Писемским: *У Долгова была удивительная способность нигде ничего не видеть настоящего и витать где-то между небом и землёй* («Мещане»).

В облаках, в эмпириях, между небом и землёй — вот, пожалуй, и все «соединительные» возможности глагола *витать*. Валентность (так называют лингвисты способность слов вступать в связи с другими словами) этого глагола чрезвычайно низка.

Для лингвиста, который исследует употребление таких словесных соединений, вполне достаточно констатации низкой валентности глагола *витать*. Это даёт основание для выводов о стилистическом характере таких выражений и позволяет найти им место в классификации по признаку спаянности.

Но для историка лексики такой констатации недостаточно. Ему необходимо установить причины этой низкой валентности, вскрыть значение глагола *витать*, необъяснимого с точки зрения современного языка, логически увязать найденное исходное значение с одним из трёх зафиксированных в современном языке соединений глагола *витать*.

Анализ происхождения подобных устойчивых выражений часто приводит учёных к выводу: низкая валентность таких сочетаний — результат их исторического развития. В языке были периоды, когда слова в таких сочетаниях соединялись свободно, значение их не было так тесно привязано к одному фразеологическому контексту.

Так было и с глаголом *витать*.

В «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина читаем: *В глуши дремучих лесов витают пушистые звери*. Как видим, во времена Карамзина «соединительные» возможности этого глагола были гораздо шире. А поскольку он не был, как говорят лингвисты, связан контекстом, то и значение его было более широким и вместе с тем более конкретным. *Витать* обозначало не 'предаваться бесплодным фантазиям', а 'жить, обитать'. Именно это — более древнее — значение и сохранили русские народные говоры. В Лядском районе Псковской области диалектологи записали такую фразу: *Медведь сичас гуляит на лесу, у нас многа их витаит*.

Как же произошло сужение сочетаемости глагола *витать*?

В древнерусском языке он мог сочетаться с более широким кругом слов, что было обусловлено его более широким значением. Это значение под-

держивалось связью глагола *витать* с целым рядом его производных, например старославянские **ВИТАТЕЛЬ**, **ВИТАНИЕ**, **ВИТАЛИЩЕ**, **ВИТАЛИЦА**, **ВИТАЛНА**, **ПРЕВИТАТИ**, **ПРЕВИТАНИЕ** и т. д.¹ Постепенно из таких производных особо выделилось одно — **обвита-ти*². Сочетание *бв* упростилось, и это слово приняло знакомую нам форму *обитать*. Фонетическое изменение **обвита-ти* в *обитать* разорвало формальную связь между последним глаголом и глаголом *витать*. Они становятся синонимами. Как абсолютные синонимы их употреблял ещё в прошлом веке И. С. Тургенев: *Стенушка и не жил у садовника: он обитал, витая на огороде* («Малая вода»).

Два синонима для обозначения нейтрального понятия 'жить, проживать' — это уже нарушение языковой экономии. Один из них должен был приобрести какие-нибудь дополнительные признаки, уточниться, специализироваться, стать более экспрессивным.

Эта судьба и постигла слово *витать*. Постепенно оно утратило все свои производные. Многие из них удержались в языке, лишь «перебежав» на сторону глагола *обитать*: старославянское **ВИТАТЕЛЬ** превратилось в *обитатель*, **ВИТАНИЕ** — в *обитание*, **ВИТАЛИЩЕ** — в *обиталище* и т. д. Это укрепило позиции глагола *обитать* и оттеснило глагол *витать* на языковую периферию.

В конце концов конкуренция этих двух синонимов одного происхождения привела к сокращению

¹ Старославянская буква *щ* читается как *шт*, а *ж* — как *ен* (е-носовое).

Знак * означает, что такая форма слова в письменном языке неизвестна, но может быть реконструирована на основе лингвистических данных.

до минимума сферы употребления глагола *витать* в литературном языке. Эта сфера — сочетание *витать в облаках*. В рамках этого сочетания, употребляемого, вероятно, с самого начала переносно, иронически, и происходило то сужение, та специализация значения слова *витать*, которая обеспечила его дальнейшее существование в языке. *В эмпиреях, между небом и землёй* — позднейшие синонимические замсны второй части этого выражения, свидетельствующие о его активности. Предпосылки для развития «воздушной» специализации значения глагола *витать* были, вероятно, созданы ещё до того, как он вступил в тесную связь со словами *в облаках*. В. И. Даль в своём словаре подчёркивает, что птицы *витают*, а звери *скитаются*.

Так конкуренция синонимов привела к ограничению сочетаемости одного из них, а ограничение сочетаемости привело к изменению значения. Глагол *витать* 'жить', превратившись в несотъсмлемую часть сочетания, в буквальном смысле слова оторвался от жизни и стал означать 'бесплодно мечтать'.

Итак, пройдя через горнило синтаксического ограничения, глагол *витать* потерял прежнее значение, но сохранил прежнюю форму. Он остался самостоятельным словом, его можно спрягать, как любой другой глагол русского языка.

История фразеологии знает и обратные примеры: ограничив способность сочетаться с другими словами до минимума, слово сохраняет первичное значение, но теряет исходную форму, переходит из одной грамматической категории в другую.

Можно ли собрать дребезги?

В «Повести о моём друге Игоре» детский писатель Н. Н. Носов делится наблюдениями над речью своего маленького внука. Вот одно из них.

Игорь рисовал цветным мелком и, уронив его на пол, разбил вдребезги.

— Ну, ничего. — говорит, — положим все дребезги в коробочку.

Ребёнок ещё не освоил языковые исключения, в нём очень сильна уверенность в закономерности тех немногих грамматических моделей, которые он воспринял и которым подражает. В самом деле, если мы говорим *в ключья, в щепки, в лоскутки, в лохмотья* и т. д. и все эти части бывшего целого можно собрать в кучу, то почему же и с «дрезбзгами» нельзя поступить так же? И четырёхлетний Игорь употребляет эту языковую модель.

Но мы, взрослые, знаем, что никаких «дрезбзгов» не бывает. Ведь потому мы и пишем *вдрезбзги*, а не *вдрезбзги*, что речь здесь идёт не о каких-то конкретных кусочках, черепках. Это слово — наречие, характеризующее глагол *разбить* и подчёркивающее как бы высшую степень «разбивания», его завершённость: полностью, окончательно, вконец.

У М. Ю. Лермонтова читаем: *Я думал, она [лодка] ударится с размаха об берег и разлетится вдребезги* («Тамань»). Видимо, рассказчик боялся, что лодка будет сильно повреждена бурей, буквально разбита о берег в щепки — «дрезбзги». Но главное всё-таки не в этом, а в том, что лодка может быть бурей полностью уничтожена, пойти ко дну вместе с теми, кто в ней плывёт.

И всё же конкретное первоначальное значение этого наречия выдаёт его сочетаемость. Человек, владеющий русским языком, знает, что это слово теснее всего связано, с одной стороны, с глаголом *разбить*, *разбиться*, с другой — со словами, обозначающими бьющиеся предметы: *разбил вдребезги тарелку, стакан, разбилась вдребезги чашка*. Невольно возникает желание «перевести» наречие *вдребезги* предложным сочетанием «на кусочки, на черепки».

И действительно, в русских говорах мы найдём слово *дребезги* без приставки *в-*, делающей его наречием. *И дребезгов не соберёшь* — в таком контексте записал это слово В. И. Даль, определив в «Толковом словаре» его значение как 'черепки, осколки'. В. И. Даль связывал слово *дребезг* с глаголом *дребезжать* 'глухо звенеть'. Однако современные этимологи считают более правильным возводить его к глаголу *дробить*. Иначе трудно объяснить такие, например, «недребезжащие» «дребезги», память о которых сохранила древняя поговорка: *Когда дуб в дребезги упадет, кто хочет щепки ломает*. Да и сочетания *в дробь*, диалектное *в дребь* очень сходны по значению с наречием *вдребезги*. Вот ещё одна псковская запись: *Три дома в дребь разбило вихром* (Островский район). Далеко не всегда можно связать с дребезжащим звуком и ближайших иноязычных «родственников» нашего «дребезга»: польское *drobiazg* 'безделушка, мелочь', литовское *drebczna* 'осколок, заноза', *drābanas* 'тряпьё', *drabažas* 'отвалившаяся кора'

В том, что слово *дребезг* имеет значение 'звон, звук' и т. д. и в этом значении довольно широко известно в народном языке, нет ничего удивительного: попробуйте различить значения 'ударять' и 'звучать при уда-

ре' в таких глаголах, как *стукнуть* или *треснуть*. Во Второй Псковской летописи (под 1363 и 1364 гг.) даже рассказывается, как жители разламывали городскую стену, а звук — да-да, именно звук! — выносили в рску Великую. Под словом *звук*, однако, летописец имел в виду именно мусор, щебень, «дребезги».

Итак, четырёхлетний внук писателя Н. Н. Носова оказался прозорливым этимологом. Усвоенная им синтаксическая модель не подвела: приставка *е-* действительно была предлогом, а *дребезги* — существительным, которое когда-то свободно склонялось.

Таких предложных конструкций, превратившихся в наречия, в русском языке сколько угодно: *вверх*, *вдоль*, *взахлёб*, *вразброд*, *наобум*, *набекрень*, *начеху*. Многие из них стали основой устойчивых оборотов.

Преступны ли границы слова?

На первый взгляд, вопрос о слитном или раздельном написании таких, например, конструкций, как *в щепки*, *в дым*, *вдребезги*, *в стельку*, *вдрызг* и т. д., чисто орфографический, условный. Но за этой условностью лежит одна из основных проблем науки о слове, лексикологии, — проблема границы слова.

Что, в самом деле, перед нами — одно или два слова? Какими принципами руководствовались законодатели русской орфографии, установившие слитное написание для наречия *вдрызг* и раздельное для наречия *в лоск*?

Если в основу написания подобных конструкций положить принцип смысловой слитности, то все они как имеющие наречное значение могут быть приравнены к одному слову и писаться так же слитно, как наречие *вдребезги*.

Видимо, в основу такого разграничения положен прежде всего формально-смысловой принцип: если слово может употребляться без предлога, то предпочитается раздельное написание, если нет, то наречие пишется слитно. Впрочем, у этого принципа масса исключений, узаконенных лишь орфографической традицией (*вверх, вниз, набок* и т. п.).

С исторической же точки зрения перед нами два слова — служебное и знаменательное. Уже сам грамматический термин «служебное слово» подчёркивает его второстепенность, несамостоятельность, неполноценность. Некоторые лингвисты так и зовут их — частичными, зависимыми, несамостоятельными, формальными, пустыми словами. Слитное написание этих слов с самостоятельными, знаменательными словами лишь ещё более подчёркивает их несамостоятельность. На наших глазах происходит одно из самых безобидных «преступлений»: преступаются границы слова, два слова сливаются в одно.

Может быть, такое «преступление» характерно лишь для служебных слов? А два знаменательных не могут так тесно слиться в одно слово?

Оказывается, могут, но только для такого слияния нужно больше времени.

Местоимение, как известно, относится к знаменательным словам. А суффикс *-ся* в возвратных глаголах типа *умываться* не что иное, как бывшее местоимение, краткая форма местоимения *себя*. Современники автора «Слова о полку Игореве» обращались с нынешним суффиксом весьма свободно, они отрывали его от возвратного глагола, ставили перед ним, отделяли от глагола другими словами: **ТѸ ѿ копѣмѣ**

прилагать, тѣмъ же мѣломъ потрѣтити о шеломи половецкыя¹, — пишет автор «Слова».

Немало подобных примеров и в русских летописях. Так, в Новгородской Первой летописи XIII в. читаем: **И Ѹбѣша СбышкѸ Вологовнца и Негочевнца Завнда и Монглава Половнца имн пѸтѸяники, а дрѸзини кѸнами же откѸпиши.** При переводе последней фразы, как и при переводе отрывка из «Слова», местоимение *ся* следует соединить с глаголом: *а другіе кунами² откупились*. Впрочем, в переводе возможна и замена безударного местоимения *ся* его полной формой: *себя выкупили*. Ведь в древнерусском языке оно ещё занимало как бы промежуточное место между знаменательным и незнаменательным словом.

В большинстве славянских языков эта форма до сих пор сохраняет способность не сливаться с глаголом, а стоять перед ним и после него или отделяться от глагола другими словами. Вот, например, как переводится название книги Н. Островского «Как закалялась сталь» на некоторые славянские языки — польский: «*Jak hartowała się stal*»; чешский: «*Jak se kalila ocel*»; словацкий: «*Ako sa kalila ocel'*»; болгарский: «*Как се каляваше стоманата*»; сербский: «*Како се калио челик*»; словенский: «*Kako se je kalilo jeklo*».

Следы подобной самостоятельности *-ся* довольно долго сохранялись и в русском языке. В одной из грамот XVII в. читаем: *с воры ся ему не водити*, т. е. 'с преступниками ему не водиться'

¹ *И коньям претомитъся тут, и саблям иступитъся тут о штемы половецкые.*

² Куна — древнерусская денежная единица, равная 1/22 гривны.

Утрата *-ся* самостоятельности вызвана многими причинами, и среди них — потерей ударности и объектности (т. е. способности быть прямым дополнением), «выветриванием» самостоятельного значения. Эти и другие факторы привели к постепенному превращению местоимения в суффикс.

По происхождению суффикс *-ся* — застывший винительный падеж местоимения *себя*. Как видим, в русском языке он прошёл путь от знаменательного слова до несамостоятельного, чтобы в конце концов раствориться в слове, стать частью возвратного глагола.

Ещё большей степени несамостоятельности достигли местоимения в составе полных русских прилагательных. Кто будет сейчас утверждать, например, что в сочетании *доброму коню* — три слова? Историки языка, однако, без колебаний разделят русское прилагательное *доброму* на два слова: краткос прилагательное *доброу* и местоимение *ему*. По мнению академика А. А. Шахматова, наши далёкие предки употребляли сочетание *dobru kon'у* тогда, когда конь не был известен говорящим, и *dobručetu kon'у*, когда речь шла об известном коне.

Не правда ли, такое употребление местоимения *ему* в этом случае очень похоже на употребление артикля в английском, немецком или французском языке? И не удивительно, ведь определённый артикль в этих языках не что иное, как бывшее указательное местоимение. Не случайно немецкий артикль *der* и местоимение «этот» формально не отличаются друг от друга.

Само слово *артикль* этимологически связано с латинским *artus* 'сустав, сочленение костей, гнездо,

в котором сочленяются кости', и восходит к древней грамматической традиции Аристотеля. По мнению греческого философа, артикли в предложении играли роль, подобную роли коленного или локтевого сустава: в гнёздах суставов-артиклей двигались все остальные члены предложения. Так, в предложении типа *Кто бы это ни сделал, он за это пострадает* греческие грамматики назвали бы указательное местоимение *он* первым сочлнением, а относительное местоимение *кто* — вторым.

Местоимением-артиклем в более современном понимании этого слова было исконное славянское местоимение *jь 'он' (сравните его «осколки», сохранившиеся в косвенных падежах: *его, её, ей* и т. д.). Одну из падежных форм этого местоимения — форму дательного падежа — мы видим в сочетании *dobrujemu kon'u*. Оно превратилось из самостоятельного слова в несамостоятельное, а затем стало частью слова — суффиксом, образующим полное прилагательное. И в этом суффиксе уже почти не осталось следов не только этого самостоятельного местоимения, но и артикля — иначе он не создавал бы нам таких трудностей при изучении иностранных языков.

Но чтобы всё это произошло, потребовалось время. Много времени — больше тысячелетия.

Деревянное здоровье и сердитое сердце

Может быть, и не стоило бы вспоминать такую древность. Но подобные процессы происходят в языке постоянно. Именно они приводят к образованию устойчивых сочетаний, и именно они — как это ни парадоксально — ведут к их исчезновению, превращению в одно слово.

Слияние бывшего местоимения *ся* с глаголами — процесс, на первый взгляд, чисто грамматический: он подчинён категории залога. Но нередко за суффиксом *-ся* стоят не местоимения, а совершенно самостоятельные, полнозначительные слова. Что такое с исторической точки зрения возвратные глаголы *таращиться*, *пялиться* 'смотреть на что-либо с удивлением', *трепать* 'болтать', *скалиться* 'смеяться, хохотать; насмехаться'? Это бывшие сочетания *таращить глаза*, *пялить глаза*, *трепать языком*, *скалить зубы*. Суффикс *-ся* заменил слова *глаза*, *язык*, *зубы*, создающие эти сочетания, и тем самым уничтожил фразологизмы как таковые.

Но расстанемся, наконец, с суффиксами и артиклами. Вот устойчивые сочетания *сию минуту*, *сию секунду*. Самостоятельное значение местоимения *сей* 'этот' в них уже основательно «выветрено», выражения понимаются в целом как 'быстро, немедленно'. Такая потеря самостоятельности и превращает слова *сей* и *минуту* в тесно спаянные единства.

Но вот наступает момент, когда эта смысловая спаянность становится настолько сильной, что происходит её окончательное формальное закрепление: превращение в одно слово. И тогда граница слова и сочетания нарушается. Слово *сейчас* ни по значению, ни по своей структуре не отличается от сочетаний *сию минуту*, *сию секунду*. Но оно прошло через трансформатор интенсивной смысловой спаянности и перестало быть сочетанием. А. Н. Толстой отдельным написанием этого слова подчёркивает специфику языка Петровской эпохи: *Комиссар!* — кричал [Гаврила Бровкин], *вращая глазами*, — *сей час — тройку!* («Пётр Первый»).

Не думайте, что такое слияние происходит лишь с предложениями и местоимениями. Мы легко производим слова от многих устойчивых сочетаний, состоявших некогда из слов, имеющих самостоятельное значение: *тянуть канитель* → *канителиться*, *считать ворон* → *проворонить*, *бить баклуши* → *баклушничать*. А сколько устойчивых сравнений скрыто во многих словах! *Петушиться* ← *задираться*, как *петух*; *приголубить* ← *быть с кем-либо ласковым*, как *голубь*; *ершиться*, *ёжиться*... не к каждому такому слову подберёшь соответствующее сочетание. Следы многих подобных сочетаний затаились в самой сердцевине слова.

П. И. Мельников-Печерский сравнивает большого и сильного мужика с дубом: *...здоровенный... ровно из матёрого дуба вытесан*. У многих славянских народов подобные сравнения устойчивы: белорусское *здоровенны (здаровы) як дуб*, чешское *zdravý jako dub* или *zdravý jako buk (здоровый как бук)*, польское *chlōp jak dąb* (буквально *парень как дуб*, т. е. 'здоровый'). Такие сравнения показывают, что этимологи правы, единодушно относя само слово *здоровый* к тому же корню, что и *дерево*. Видимо, первоначально оно и означало 'крепкий, как дерево'

Употребляя слова *сердиться* или *осерчать*, мы уже не обращаем внимания на их формальное сходство со словом *сердце*. А ведь в основе их лежит, наверное, какое-нибудь сочетание с этим словом. В русских деревнях и сейчас можно услышать фразы вроде *У него сердце на меня*, т. е. 'он на меня сердится'. Да и в литературном языке ещё употребительно выражение *сделать что-нибудь в сердцах*, т. е. 'в гневе, рассердась'.

Почему дают стрекачей и хватают дроздов

А. А. Потебня, один из основоположников науки об устойчивых сочетаниях — фразеологии, уже в конце XIX в. убедительно доказал, что многие слова рождаются из образных, или, как он говорил, «поэтических», минимальных контекстов. Последние, в свою очередь, являются конденсированным продуктом более широкого текста, например басни с законченным сюжетом. Басня (или притча, связный рассказ) → пословица → поговорка (т. е. устойчивое сочетание) → слово — вот схема развития образной лексики, очерченная А. А. Потебней.

Мы убеждаемся в правоте этой схемы, вспоминая выражения *слона-то я и не приметил*, *Демьянова уха*, *услужливый дурак*, *жемчужное зерно*, *ни пава ни ворона*, *кукушка хвалит петуха* и многие другие, восходящие к басням Крылова. Можем вспомнить и мини-осколки крыловских басен — слова *моська*, *попрыгунья*.

Конечно, как и любая схема, способ превращения басни в поговорку не даёт нам универсальной этимологической отмычки к каждому устойчивому и образному выражению. При историческом анализе устойчивых сочетаний *сию минуту* или *сию секунду*, разумеется, поиски большого сюжетного контекста будут излишни, так же как окажутся безуспешными попытки найти аллегорическую основу выражений *дать порки*, *дать ходу* или *дать стрекача*. В этих сочетаниях самостоятельное значение глагола *дать* уже «вывыстрилось» не меньше, чем значения приводимых выше местоимений. Эти сочетания — лишь перифрастические, «расщеплённые» варианты соответствующ-

щих глаголов: *пороть* — *дать порки*, *уходить* — *дать ходу*, *стрекать* (а такой глагол есть в русских говорах, и значение его 'прыгать, скакать') — *дать стрекача*.

В подобных случаях поиски утраченной сочетанием образной мотивировки могут завести этимолога в тупик.

Вот выражение *дать дрозда*. Его значение — 'сильно обругать кого-нибудь'. Попытка найти басню, в которой кто-то кому-то даёт настоящих дроздов и при этом ругает сго, не увенчается успехом. Выражение *дать дрозда* образовано таким же «расщеплением» глагола, как и *дать порки*, *дать ходу* и т. д. Оно связано с глаголом *дрызнуть* 'ударить' (**drozdn-uti*), известным в русских говорах: *Сычас как дрызну на башке, ня будиш азаравать* (Опочецкий район).

Можно взять и более прозрачный пример — народное выражение *хватит дроздов* 'назябся, прозяб', где связь *дрозда* с глаголом *дрожать* очевидна.

Примеров подобного безобразного происхождения образных выражений вы немало встретите в языке. К сожалению, историки русской фразеологии не уделяли должного внимания такому способу образования устойчивых сочетаний, что приводило нередко к ложным этимологическим результатам.

Впрочем, можно ли так решительно утверждать, что выражения *дать дрозда* или *хватит дроздов* безобразны? Ведь именно ассоциация с дроздом и внутренняя противоречивость составляющих их слов и делает эти сочетания экспрессивными. И вполне возможно, что именно стремление к этой вторичной, каламбурной в своей основе образности и привело к их созданию. Согласитесь, какой-то, хотя и трудноопределимый, образ чувствуется и в «стрекаче», уси-

ливая экспрессию этого фразеологического синонима глагола *бежать*.

Оказывается, прав всё-таки был А. А. Потебня, отводивший образности принципиальную роль в создании фразеологии, если даже исконно безобразные сочетания стремятся к ней. Многие фразеологизмы проходят сложный путь от свободного сочетания к устойчивому именно через образное переосмысление первого. Это убедительно показали исследования основоположников советской фразеологии — академиком В. В. Виноградова и Б. А. Ларина.

Кто создаёт образы?

По мнению А. А. Потебни, образ, первоначально содержащийся в басне, постепенно, путём «сгущения мысли», становился поговоркой и поговоркой. Это «сгущение мысли» могло происходить двумя способами.

В одном случае от басни оставалась лишь мораль, а сама басня могла в любой момент всплыть в памяти того, кто употребил эту мораль-поговорку, и послужить её иллюстрацией. Так, из басни И. А. Крылова «Пустынник и Медведь», повествующей о том, как Медведь, отгоняя назойливую муху от спящего друга, проломил ему увесистым булыжником голову, осталась фраза *медвежья услуга*. И даже когда басенный источник её забывается, ирония или неодобрительная оценка напоминают об услуге, оказанной Пустыннику: *В наш нервный век мы рабы своих нервов; они наши хозяева и делают с нами, что хотят. Цивилизация в этом отношении оказала нам медвежью услугу* (А. П. Чехов. Дуэль).

Второй способ «сгущения мысли» — когда всё содержание басни делается пословицей или поговоркой. Но это не нравоучительный вывод басни, а одна из наиболее метких, афористичных её частей. Такой частью может стать как само название басни, например *демянова уха*, так и отрывок из её текста, например фраза *Ай Моська! знать, она сильна, что лает на слона?*

«Сгущение» может идти и по линии самостоятельного синтезирования содержания басни без точного цитирования. Таково выражением *ни пава ни ворона 'человек, который по своим взглядам отошёл от одних и не примкнул к другим'*, конденсирующее содержание басни Крылова «Ворона».

Примеры такой конденсации басенных и литературных афоризмов и превращения их в устойчивые образные выражения в изобилии приводят Н. С. и М. Г. Ашукины в сборнике «Крылатые слова».

Крылатое слово, пущенное в оборот талантливым поэтом, баснописцем, писателем, часто становится достоянием народного языка. Наш язык хранит немало выражений, авторы которых точно известны.

И. А. Крылов: *а ларчик просто открывался; соловья баснями не кормят; рыльце в пуху; сильнее кошки зверя нет.*

А. С. Грибоедов: *шумим, братец, шумим; подписано, так с плеч долой; числом поболее, ценою подешевле; сюда я большие не езду; дым отечества.*

А. С. Пушкин: *у разбитого корыта; не мудрствуя лукаво; дела давно минувших дней; любви все возрасты покорны; привычка свыше нам дана.*

М. Ю. Лермонтов: *без руля и без ветрил; в минуту жизни трудную.*

Н. В. Гоголь: лёгкость в мыслях необыкновенная; есть ещё порох в пороховницах; пошла писать губерния; большому кораблю — большое и плавание.

М. Е. Салтыков-Щедрин: применительно к подлости; карась-идеалист; гнилой либерализм; сие от него не зависит.

А. П. Чехов: как бы чего не вышло; на деревню дедушке; человек в футляре; лошадиная фамилия.

М. Горький: в карете прошлого далеко не уедешь; рождённый ползать летать не может; кочка зрения.

М. А. Булгаков: Аннушка уже разлила масло; правду говорить легко и приятно; осетрина второй свежести; рукописи не горят; нет документа, нет и человека; разруха сидит не в клозетах, а в головах.

А. И. Солженицын: архипелаг ГУЛАГ; страна должна знать своих стукачей; жить не по лжи; как нам обустроить Россию; одно слово правды весь мир перетрянет.

В. С. Высоцкий: значит, нужные книги ты в детстве читал; на братских могилах не ставят крестов; жертва телевидения; чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее; возвращаются все — кроме лучших друзей; жираф большой — ему видней; я не люблю фатального исхода.

Б. Ш. Окуджава: дураком быть выгодно, да очень не хочется; бери шинель — пошли домой; а иначе зачем на земле этой вечной живу? давайте говорить друг другу комплименты; возьмёмся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке.

Вошли во фразеологический арсенал русского языка и выражения, восходящие к классикам мировой литературы: золотая середина (Гораций), ры-

царь печального образа (Сервантес), *синяя птица* (Метерлинк).

Но все ли образные выражения имели автора? На этот вопрос издавна отвечают по-разному.

Одни считали, что пословицы и поговорки — это бывшие изречения «высших людей»: жрецов, пророков, старейшин, царей и императоров. Их изречения во время выступлений в храмах, судах, дворцах становились достоянием народа и обращались в житейскую мудрость. Так думал, например, известный собиратель русского фольклора И. М. Снегирёв, описавший, однако, и другие источники фразеологии.

Известна и диаметрально противоположная точка зрения. «Лучшие идиомы (т. е. образные выражения. — *В. М.*) попадали в английский язык не из библиотек и не из великосветских салонов, а из мастерских, кухонь и скотных дворов». Это мнение английского фразеолога Л. Смита.

Иные исследователи, не противопоставляя столь резко изречений «низших» и «высших», тем не менее настаивали на том, что фразеология — это результат индивидуального творчества. «Именно в этой индивидуальности творцов пословиц и поговорок — секрет их оригинальности, неповторимости и образности», — утверждали они.

Собственно говоря, противоречивость этих мнений лишь кажущаяся. Во фразеологической сокровищнице каждого языка можно найти подтверждение и «низкого», и «высокого» происхождения крылатых слов и образных выражений. И действительно, трудно не согласиться, что кто-то когда-то где-то не произнёс первым то или иное сочетание слов.

Очень часто, однако, автор афоризма или меткого выражения — не создатель, а лишь преобразователь, новатор, отталкивающийся от известных языковых моделей. Мы знаем, например, что хлесткое выражение, характеризующее мещанскую узость кругозора, — *кочка зрения* — принадлежит М. Горькому. Впервые он употребил его в статье «О кочке и о точке», написанной в 1933 г. Нарочито прозрачна модель, по которой это выражение образовано, — *точка зрения*. Ни автора, ни даты возникновения последнего словосочетания точно не установишь. Можно лишь констатировать, что эта модель не менее широко распространена в европейских языках (ср. французское *point de vue*, английское *point of view*) и, вероятнее всего, попала в русский язык из французского.

Вот другая находка русского писателя — *дворянское гнездо*. Её автор известен всем. А. М. Бабкин в книге «Русская фразеология» показал, какой тонкой стилистической жизнью живёт это тургеневское выражение в русском литературном языке. Оно прошло путь от поэтического, идиллического воспевания дворянских усадеб до иронического и насмешливого символа помещичьих хозяйств.

И это индивидуально-писательское выражение создавалось на базе знакомой русскому читателю модели. Оно было подготовлено многовековой народной традицией — называть гнездом дом, жилище, «логово» человека. *Без рук, без топорёнка построена избёнка* — одна из русских загадок, основанная именно на этом сравнении человеческого жилища с птичьим гнездом. *Родное гнездо, домашнее гнездо, разбойничье гнездо, воровское гнездо* — все эти свободные со-

четания — прототипы устойчивого выражения, созданного И. С. Тургеневым.

Выходит, индивидуальное во фразеологии сверкает тем ярче, чем увереннее её создатель опирается на коллективное, народное, сложившееся веками. Не случайно во фразеологическую кладовую русского языка вошли прежде всего выражения тех писателей, которые были превосходными знатоками народного языка. И нет ничего удивительного в том, что, встретив в книге какое-нибудь меткое словцо, принадлежащее народу, мы приписываем его автору этого произведения.

Вот нехитрое сочетание *сказки говорить*. Не правда ли, сразу вспоминается Пушкин:

Пойдёт направо — песнь заводит,
Налево — сказки говорит...

Может быть, поэт по-своему употребил народное выражение *сказки сказывать*? Оказывается, нет: Пушкин лишь очень точно передал это народное сочетание, находящееся на рубеже свободных и связанных соединений слов. В картотеке Псковского областного словаря оно встречается неоднократно. И, пожалуй, больше всего — именно в записях, сделанных в Пушкиногорском районе.

В поход за львиной долей

В истории фразеологии нередки случаи, когда поиски автора пословицы или поговорки уводят в итоге в гущу народа.

Помните басню Крылова «Лев на ловле»? Собака, Волк, Лиса и Лев сообща охотились на оленя. Наконец

пришло время дележа. Лев не особенно церемонился со своими сообщниками:

Вот эта часть моя
По договору;
Вот эта мне, как Льву, принадлежит без спору;
Вот эта мне за то, что всех сильнее я;
А к этой чуть из вас лишь лапу кто протянет,
Тот с места жив не встанет.

Это и называется *львиной долей*. Сейчас мы употребляем выражение *львиная доля* в значении 'большая и лучшая часть чего-нибудь'. Выходит, и это выражение родилось под пером русского баснописца?

Оказывается, не совсем так. Русская литература знает и другие басни на ту же тему — это басни В. Тредиаковского, А. Сумарокова и И. Хемницера. В них, правда, действуют другие животные, например в басне В. Тредиаковского «Лев, Телица, Коза и Овца».

Заглянув в словари, мы найдём выражение *львиная доля* во многих языках: английское *the lion's share*, немецкое *Löwenteil*, итальянское *la parte del leone* и др. Французам оно известно по басне их соотечественника Ж. Лафонтена «Тёлка, Коза и Овца в содружестве со Львом». Она-то и была переведена на русский язык В. Тредиаковским и творчески переработана И. Крыловым.

Но и Лафонтен не был автором этой басни. Её сюжет стал популярным ещё в средневековой Европе, когда в школах одними из первых хрестоматий по античной литературе стали латинские сборники басен «Ромул» и «Аноним», автором которых был баснописец Федр (I в.).

В басне Федра всего два действующих лица — Лев и Осёл. После охоты Лев разделил добычу на три части и все три взял себе.

— Постой, — удивился длинноухий. — Взял бы ты себе две доли, было бы понятно: так сказать, за работу по совместительству. Одну — как участник охоты, другую — как царь зверей. Но третью-то за что?

— *Quia potior leo*, — кратко и безапелляционно ответил Лев. — «Ибо я называюсь Лев».

Ответ Льва тоже стал поговоркой, но она употреблялась исключительно по-латыни.

Римский баснописец, однако, тоже не является автором этой басни. Он лишь по-своему пересказал греческую басню легендарного Эзопа, автора басен о животных, впервые собранных примерно около III в. до н.э. По-своему — потому что у Эзопа три действующих лица: Лев, Лисица и Осёл.

Но и легендарный Эзоп, вероятно, не был первым сочинителем басни. От арабов можно услышать древнюю восточную притчу о Льве, Шакале и Лисице, смысл которой в том, что лев всегда получает львиную долю.

В течение веков менялся «состав исполнителей», уменьшалось и увеличивалось их число. Но смысл басни, «сгущённой» в выражении *львиная доля*, остался неизменным. Автором этого, как и многих других выражений, оказался народ.

глава вторая

Дело и слово

Написано: «В начале было Слово» —
И вот уже препятствие готово:
Я Слово не могу так высоко ценить.
Да, в переводе текст я должен изменить.

Но свет блеснул — и выход вижу, смело
Могу писать: «В начале было Дело!»

*Гёте. Фауст
(пер. Н. А. Холодковского)*

Еще пор о том, кто был основным создателем фразеологизмов, можно решить и не опираясь на древние басенные сюжеты. «Трудовая книжка» многих образных выражений открыта для каждого. Проплистаем же в ней несколько страниц. *Выбивать из колеи, пятое колесо в телеге, идти на поводу, поворачивать оглобли, прибрать возжжи к рукам, держать на привязи, брать в шоры, дым коромыслом, наломать дров, садиться не в свои сани* — вряд ли кто усомнится в крестьянском происхождении этих метких оборотов.

Не менее красноречивы слова и выражения, отразившие чуть ли не все ремесленные и прочие «специальности» города и деревни. Столяры (*ни сучка ни задоринки, снять стружку*), кузнецы (*доводить до белого каления, между молотом и наковальней*), литейщики (*лить колокола, лить пули 'лгать'*), слесари (*подкручивать гайки, клещами тянуть*), маляры

(*подгонять всех под один колер*), портные (*на один покрой, метать петли, трещать по швам*), парикмахеры (*стричь под одну гребёнку*), шофёры (*дать газ*) и даже космонавты (*выводить на орбиту*) — какие только профессии не оставили в языке свои следы! Рыбаки и охотники, моряки и купцы, кучера и официанты, военные и художники, учёные и спортсмены, писцы и церковнослужители, врачи и юристы, почтенные чиновники и бездомные бродяги — все они вносили свою долю во фразеологическую копилку. Даже цари оставили образные выражения с намёком на «царскую» профессию.

Калифы и выдвиженцы

Калиф на час — так мы называем человека, получившего власть лишь на короткое время.

Л. Раковский в романе «Кутузов» пишет: «Михаил Илларионович говорил в кругу своей семьи:

— Я — калиф на час. Император не любит меня. Он очень злопамятен и мелочен».

Только военная необходимость заставила Александра I дать нелюбимому им полководцу большую власть, чем бы ему хотелось.

Выражение *калиф на час* связано с именем калифа Гарун-аль-Рашида — светского и духовного главы Багдада, который ради шутки временно передал свою власть другому. Выдав себя за приезжего купца, желающего осмотреть Багдад, калиф попал в гости к молодому багдадцу Абу-Гассану. Хозяин, не подозревая о высоком сане своего гостя, поделился с ним своей самой сокровенной мечтой: хоть один раз отведать сладостей калифской жизни.

Подсыпав Абу-Гассану в вино снотворнос, Гарун-аль-Рашид приказывает перенести юношу во дворец и оказывать ему калифские почести. Проснувшись, новоиспечённый калиф начинает вкушать райские плоды дворцовой жизни и распоряжаться, как настоящий правитель. Незнание придворного этикета делает положение этого временного калифа комичным.

Не случайно эту арабскую сказку «Тысяча и одной ночи» композитор Оффенбах сделал сюжетом весёлой оперетты, название которой «Калиф на час» во многом способствовало популярности самого выражения.

На этом, однако, его история в русском языке не кончается. Очень скоро «калифское» содержание стало выветриваться из этого устойчивого оборота. Общее значение 'человек, временно попавший не на своё место' в нём настолько усилилось, что сделало возможной замену слова *калиф* другими словами. Одним из первых на такую замену решился Н. А. Некрасов в стихотворении «Рыцарь на час». Лирический герой стихотворения полон высоких стремлений, но не способен ни к какому действию.

Суждены вам благие порывы,
Но свершить ничего не дано...

Рыцарь на час — это уже не человек, получивший на время власть, а слабовольный благородный мечтатель.

Так, оторвавшись от арабской сказки и в то же время основываясь на ней, Н. А. Некрасов создал ещё одну русскую крылатую фразу.

А фразеологическая модель *калиф на час*, или, как алгебраически сформулировал её московский линг-

вист Б. С. Шварцкопф, *х + на час*, продолжала активно завоевывать всё новые и новые профессиональные сферы. И вот мы уже встречаемся с *факирами на час* (В. Амлинский), *преьерами на час* (Л. Любимов), *выдвиженцами на час* (И. Ильф и Е. Петров) и даже *удачниками на час* (Г. Куницын). Так современные русские писатели снимают даже «временный» царственный блеск с этого выражения.

С копыт или с копылов?

Впрочем, не оставались неизменными и другие «профессиональные» обороты. Легко распознать, в какой среде родились выражения *вить верёвки* или *другой коленикор*. Но без специального анализа уже не расшифруешь профессиональную основу древних сочетаний *быть под ярмом* или *ходить под игом*. И слово *ярмо* и слово *иго* когда-то обозначали деревянный хомут для упряжки крупного рогатого скота. Но переносное значение этого слова 'бремя, тяжесть', 'угнетающая, поработаживающая сила' постепенно, веками, вытесняло первоначальное, непосредственно связанное с крестьянской жизнью значение. И если для слова *ярмо* это первоначальное значение ещё ощущается нами как устаревшее, то для *ига* его приходится этимологически реконструировать, сопоставляя многие языки.

Вот слово *копыл*, вошедшее в литературную фразеологию в составе двух выражений: *поднять всё вверх копылом* 'взбудоражить', 'перевернуть всё вверх дном' и *с копылов (копыльев) долой* 'упасть' или 'умереть': *Похворала, похворала [старуха] да и с копыльев долой* (С. П. Подъячев. Мытарства).

Что оно значит? Из какой профессиональной среды попало в литературу? И на этот раз ответ дают народные говоры, где *копыл* — 'короткий брусок, вставляемый или вдалбливаемый в полозья для опоры верхней части саней'. Народный язык отдал литературному лишь два выражения, в состав которых входит крестьянское слово, оставив себе гораздо больше: *скрипит, как копыл в дровнях* 'сильно скрипит' или, переносно, 'ворчит'; *выйти из копыльев* 'прийти в совершенное расстройство'; *на копыл поставить* 'привести в беспорядок, опрокинуть вверх дном'; *под копыл* 'на бок'; *копылом стряхнуть* 'очень мало'; *всё копылом пошло* 'всё стало совершенно иначе'; *два брата копыл да лопата* 'два разнохарактерных брата'; *при царе Копыле* 'очень давно'; *копыл копылом* 'навыорот, без толку, зря' (материалы известного специалиста по русским диалектам Т. С. Коготковой). А в словаре сибирской фразеологии, составленном новосибирскими филологами Н. Т. Бухаревой и А. И. Федоровым, находим сочетания *с копылков долой* 'о сбитом ударом человеке' и *с копыльев сшибить* 'сбить с ног' и 'сбить с толку'. Образность всех этих фразеологизмов легко раскрывается, если знаешь значение слова *копыл* — опора в полозьях для верхней части саней.

Но раскрыть образность фразеологизма не всегда означает полностью понять его историю. «Переведа» сочетание *с копылов долой* как 'с саней долой', мы выяснили, почему оно означало 'упасть'. Но почему оно значит и 'умереть'?

За разгадкой придётся обратиться к древнерусскому языку. **На санѣхъ сѣда, безлѣпци си молвилъ** — так начинается Владимир Мономах своё «Завещание». Дословный перевод таков: «Сидя на санях, глупость

эту сказал». Но значит эта фраза нечто иное: 'Готовясь к смерти...' Так объяснял это место основатель ленинградской лексикографической школы Б. А. Ларин. Подтверждение такого толкования находим и в белорусском народном выражении, записанном минским фразологом Ф. М. Янковским: *глядзецъ на паповы сани* 'собираться на тот свет, быть в предсмертном состоянии'

Связь саней со смертью в этих оборотах не случайна: она отражает древний обычай отвезить покойника к месту погребения на санях — безразлично, были похороны зимой или летом. Об этом сообщает уже «Повесть временных лет» — древнейшая русская летопись: **Възложыше на сани, везоши и' Киевѣ, попове поше шьбычныѣ пѣсни, плакшима по немъ людѣ** («Возложив на сани, везли сго по Киеву, попы пели погребальные песни, а народ причитал по нему»). Слова Мономаха свидетельствуют, что уже в XII в. «сидеть на санях» было устойчивой метафорой.

Эта метафора объясняет и выражение *с копылов долой* — это 'снять с саней', 'понести на кладбище'.

Обычай отвезить на кладбище гроб с телом покойника на санях сохранился в наши дни лишь у гуцулов. На Руси он давно забыт. Мало кто из городских жителей знает точное значение слова *копыл* — не случайно в разговорном языке вместо *с копылов долой* можно услышать *с копыт долой* или просто *скопытиться* 'умереть'. Но и в этих — пусть искажённых непониманием — формах древняя традиция продолжает теплиться в языке. Традиция, имеющая в конечном счёте трудовую, крестьянскую биографию.

Секреты производства и производственные травмы

Как видите, под «профессиональной» фразеологией в историческом плане понимается довольно широкий круг устойчивых выражений. Не случайно поэтому многие этимологи к этой группе причисляют чуть ли не весь фразеологический фонд некоторых языков.

Можно сужать или расширять границы профессиональной фразеологии — это зависит от критерия «профессионализма».

Однако гораздо важнее чётко разграничить две группы фразеологизмов по иному признаку: профессиональному содержанию одних выражений и оценке той или иной профессии в другой среде.

Первая группа выражений создаётся в гуще какой-либо профессиональной среды, отталкивается от специальной терминологии, отражает профессиональный язык этой среды, её «секреты производства». Так, смысл выражения *тянуть канитель* становится понятным, если знать, что в золотошвейном деле это сочетание обозначало длительный, нудный и кропотливый процесс изготовления тонкой медной, золотой и сербряной нити. Мотивировка переносного употребления сочетания *попасть впросак* ясна, когда известно, что *просак* — это станок для витья верёвок или канатов. Впрочем, станок не в современном понимании этого слова, ибо верёвки натягивались через всю улицу или деревенскую площадь. Попасть в такой просак было небезопасно, поэтому выражение и стало обозначать 'попасть в затруднительное положение'.

Выражения второй группы лишь отражают отношение «непрофессионалов» к какой-либо профессии. Оно часто отрицательно, как в русской поговорке, записанной В. И. Далем: *Портной вор, сапожник буян, кузнец пьяница.*

Каждому ясно, что такие характеристики не могли родиться в соответствующей профессиональной среде. Конечно, не сапожники придумали устойчивое сравнение *пьёт как сапожник*, которое известно многим славянским языкам, и не пожарники авторы ходкого разговорного сравнения *спит как пожарник*.

Вряд ли любители-рыболовы выдумали злую поговорку *На одном конце червяк, на другом — дурак.* «Морское» английское выражение *tell it to the marines* 'Вздор! Расскажи это кому-нибудь другому', буквально означающее 'расскажи это морским пехотинцам', родилось, конечно, из житейского наблюдения за моряками, которые любят «потравить баланду».

Разумеется, такое отношение к той или иной профессии, отражающееся в устойчивых выражениях, — отношение субъективное. В любой профессии, а не только среди сапожников и пожарников найдутся любители выпить и поспать. Эта субъективность особенно видна при сопоставлении фразеологии разных народов. Так, русскому *пьёт как сапожник* в чешском языке соответствуют выражения *пьёт как щёточник, как старый гренадер, как торговец сукном* (*pije jako štětkář, starý granátník, soukeník*), в немецком — *пьёт как щёточник* (*trinkt wie ein Bürstenbinder*), в английском — *пьян как лорд, уличный скрипач или как вольтыжник* (*drunk as a lord, as a fiddler, as a piper*). А во французской фразеологии целых восемь представителей разных профессий стали синонимами пьяницы:

пить как музыкант, как певчий, как пожарный, как гренадер, как рыцарь-храмовник, как звонарь, как солевар и как жнец (boire comme un musicien, un chantre, un pompier, un grenadier, un templier, un sonneur, un saunier, un moissonneur). Но, как ни странно (для русских, конечно), среди них нет ни одного сапожника.

Кто кого толкал в зуб ногой

Субъективная оценка той или иной профессии часто является гербовым щитом, на котором вычеканено родословное древо фразеологизма. Правда, нередко от этого щита остаются лишь заржавленные обломки, и лингвистам приходится немало потрудиться, чтобы восстановить первоначальный гербовый рисунок.

Он в английском — ни в зуб ногой; Он в нашем деле — ни в зуб — такие фразы никого не удивят. Каждый русский знает, что ни настоящий зуб, ни настоящая нога к английскому языку не относятся. Но каким образом соединение слов *зуб* и *нога* дало значение 'абсолютно не разбираться в чём-либо, ничего не смыслить' — это известно немногим.

Выражения *ни в зуб*, *ни в зуб ногой* действительно обломки. Обломки, как считают некоторые лингвисты, более длинного и более понятного сочетания *ни в зуб толкнуть не смыслить*, которое употреблялось ещё в прошлом веке: *Я к Гинзбургу — не понимает! Я — к Розенталю — в зуб толкнуть не смыслит! Я — туда-сюда. Никому ни до чего дела нет! Вот и живи в таком обществе* (М. Е. Салтыков-Щедрин. Современная идиллия).

Принимая гипотезу академика В. В. Виноградова, что сочетание *ни в зуб* — результат «сжатия» кон-

струкции *ни в зуб толкнуть не смыслить*, Б. А. Ларин предположил, что этот оборот относится ко времени крепостничества. И первоначальное его значение было совсем в духе того времени: 'не уметь при надобности даже «поощрить» крепостного зуботычиной' Действительно, крепостник, который не умеет дать зуботычину, в помещики не годится. 'Не умеющий рукоприкладствовать крепостник' → 'неумящий и не разбирающийся в деле человек' — таково развитие значений этого оборота. Позднее, для усиления экспрессии, к сочетанию *ни в зуб* добавили ещё одно слово *нагою*.

Любопытно и не совсем обычно, что это выражение «специализировалось» довольно узко: почти всегда оно относится к ничему не смыслящим ученикам или студентам: *Опять вы не выучили! — говорит Зиберов, вставая. — В шестой раз задаю вам четвертое склонение, и вы ни в зуб толкнуть! Когда же, наконец, вы начнёте учить уроки!* (А. П. Чехов. Репетитор); *Книжный язык он, может, и знал, но настоящий, народный, — ни в зуб* (Ю. В. Трифонов. Дом на набережной). Именно в этом значении употребляют оборот *ні ў зуб нагою* белорусы: *Дывай я спрашываць, што сяньня учылі, што ўчора прыхадзілі, спрасіў ты гісторіі, ты гіяграфіі — ён жа ні ў зуб нагою ні знаіць, а ета ж сямый клас* (Г. Ф. Юрченко).

Наука «толкания в зуб», как предполагали В. В. Виноградов и Б. А. Ларин, отрабатывалась на самых бесправных и забытых членах общества — крепостных крестьянах. С ними действительно можно согласиться в том, что это — народное образное выражение. Языковые факты, однако, вносят коррективы в их реконструкцию первичного образа оборота

и его динамику. Во-первых, они показывают, что исходным вариантом выражения был краткий, а не развернутый оборот. Белорусское *ani u zub*, украинское *ani v zub*, польское *ani w zqb* чаще всего употребляются именно в этом кратком варианте, что свидетельствует о его первичности. Во-вторых, в восточно-славянских и западно-славянских языках имеется масса вариантов, где это (или близкое по форме) выражение имеет не абстрактное ('не понимать'), а вещественно-конкретное ('не есть абсолютно ничего') значение. Ср. украинское (диал.) *того міні на сден зуб* 'ничего есть', *ani за зуб* 'совсем нет чего-либо' Близки к этому первичному значению и польские выражения *ani w zqb* 'абсолютно ничего', *coś na zqbek* 'немного перкусить', словацкое *nemá čo by na zub vložit* 'у него нечего положить на зуб' — о недостатке чего-то у кого-либо), чешское *nemá co na zub*, *nemá co pod zuby klást* (то же) и др.

Как видим, славянские параллели выражения *ни в зуб толкнуть* показывают, что в его основе — весьма прозаический образ: 'так мало пищи, что она не уместится даже на один зуб' Оборот, видимо, действительно крестьянский, хотя и не связан прямо, как раньше думали, с рукоприкладством помещиков при крепостничестве.

Из крестьянского обихода взят оборот *мелкая сошка*. Слово *соха* в русском языке, вернее, в его северных наречиях означало небольшую крестьянскую общину — от 3 до 60 дворов. *И стояли под городком шесть недель, посылали сохи по 22 человека*, — читаем в одной из летописей. *Мелкая сошка* — это первоначально небольшая и бедная крестьянская община, затем бедный и бесправный член такой общины.

Именно таких крестьян описал Н. А. Некрасов в стихотворении «Размышления у парадного подъезда»:

Армячишка худой на плечах,
По котомке на спинах согнутых,
Крест на шее и кровь на ногах,
В самодельные лапти обутых...

Впрочем, и «владелец роскошных палат», к которому не допускали мужиков-просителей, по отношению к более высокопоставленному чиновнику мог считаться «мелкой сошкой». Ведь это выражение давно стало обозначать человека, занимающего невысокое служебное положение, а высота такого положения всегда относительна.

Иной чинуша рассыпается мелким бесом перед своим начальником, но войди к нему посетитель помыслы сего рангом — он тут же преобразуется во всемогущего вершителя человеческих судеб.

Канцелярские крысы и судейские брехунцы

Каких только способов не придумывали мелкие канцелярские сошки для того, чтобы побольше поизмываться над бесправными просителями и содрать с них традиционного «барашка в бумажке». Вот как эти способы описываются в одном из номеров старинного русского сатирического журнала «Всякая всячина» (конец XVIII в.):

Офицер сказал мне, что подьячие имеют два *завтра*: одно — денежное, а другое — безденежное; денежное *завтра* содержит в себе несколько месяцев, больше или меньше... а безденежное *завтра* не ограничивается временем.

— Как же мне сделать, — спросил я, — чтобы подьячий по моему делу употреблял денежное *завтра*?

— Принеси ему *барашка в бумажке*.

— Что это такое за барашек, — спросил я, — и как обернуть его в бумажку?

— Подьячие, — отвечал офицер, — со всех берут деньги, и с правых и с виноватых; деньги эти челобитчики обвёртывают бумагою благопристойности ради... А чтобы выговор не столь тягостен показался ушам челобитчиковым, ежели подьячий потребует у него денег, то выдумали они сие слово: принеси мне *барашка в бумажке!* (А. Афанасьев).

Народные пословицы и поговорки о подьячих — в духе этого сатирического описания: *Подьячий — породы собачьей; У подьячего светлая пуговка души заместо; Подьячего бойся и лежачего; Подьячий и со смерти за труды просит.*

Стоит ли удивляться, что именно чиновничья профессия породила на Руси столько устойчивых выражений, крепких, обидных и горьких одновременно: *канцелярская крыса, чернильная душа, приказной крючок, приказная строка, крапивное семя, склизкие голяшки (о приказном), судейский брехунец, с него взятки гладки, пошла писать губерния!*.. О каждом из них можно было бы рассказать целую историю. Но достаточно и той краткой характеристики, которую даёт этому «крапивному семени» какой-то остряк времён В. И. Даля, перефразировавший строку из «Слова о полку Игореве»: *Чернилами вспоён, в гербовой бумаге повит, концом пера воскормлен!*

До сих пор русский язык хранит и немало оборотов, взятых из профессиональной речи многочисленной армии чинуш: *сдавать в архив, наложить пе-*

чать, положить под сукно, пришить дело, решено и подписано, одним росчерком пера и др.

Вот один из них — *долгий ящик*. Не откладывая дела в *долгий ящик*, мы сразу же приступили к подготовительным работам, — пишет П. Вершигора в романе «Люди с чистой совестью». *Долгий ящик* для нас теперь лишь синоним свободного сочетания *длительное время*. Но конкретное значение трёх знаменательных слов, составляющих выражение *отложить в долгий ящик*, заставляет нас подумать о вероятности существования в прошлом какого-то долгого, т. е. длинного, ящика, куда что-то откладывали.

Историки и лингвисты утверждают, что такой ящик действительно существовал. Некоторые связывают его с отцом Петра I царём Алексеем Михайловичем, по приказу которого перед дворцом в Коломенском был установлен ящик для челобитных. «Долгим», однако, был не только ящик, но и ответ царя на жалобы, которого просители ждали месяцы и годы.

Такое историческое объяснение этого фразеологизма соблазнительно своей привязкой к конкретной личности и конкретной эпохе. Однако оно не находит подтверждения ни в языковых, ни в конкретно-исторических фактах. Исторических свидетельств о существовании «долгого ящика» для челобитных на воротах Коломенского дворца пока не найдено: сообщение о нём — не что иное, как легенда, навеянная именно нашим фразеологизмом. Нет и достоверных языковых свидетельств о том, что сочетание *долгий ящик* значило в конце XIX в. 'ящик для хранения челобитных'

Именно поэтому историки русского языка пытаются найти другие объяснения обороту *отложить в долгий ящик*. Писатель Э. Вартаньян, создавший

для школьников несколько книг о происхождении русских слов и образных оборотов, предположил, что это выражение родилось в российских канцеляриях. Первоначально под *долгим ящиком*, по его мнению, имелся в виду ящик письменного стола, куда откладывались самые неспешные и незначительные ходатайства и жалобы.

Автору этой книги казалось в 1975 г. (когда книга вышла впервые), что объяснение Э. Вартастьяна более правдоподобно уже потому, что лучше соответствует «бюрократическому духу» выражения о долгом ящике. Тем более что против первого, «исторического» объяснения свидетельствовало несколько важных чисто языковых фактов: поздняя фиксация выражения в русском литературном языке (XVIII в.), исключительно литературно-книжное его употребление (особенно на раннем этапе), отсутствие большого числа вариантов в живой речи, жесткость значения и синтаксической структуры.

Нередко такие языковые признаки свидетельствуют о том, что то или иное выражение не исконно русское, а калькированное, т. е. буквально переведённое с какого-либо другого языка. Поиски такого источника привели к немецкой фразеологии. Уже в XV в. в ней употреблялся оборот *etwas in die lange Truhe legen*, буквально значащий 'положить что-либо в долгий сундук', а переносно — 'отложить решение какого-либо дела на неопределённый срок'. Не правда ли, русское и немецкое выражения — близнецы-братья, только второе намного старше. Не случайно уже в XVIII в. это выражение в немецком языке устарело и заменилось его более современным вариантом *etwas*

auf die lange Bank schieben, буквально значащим 'отодвинуть что-либо на длинную скамейку'

Замена Truhe 'ящик, рундук' на Bank 'скамейка' не случайна. Дело в том, что в средневековые lange Truhen 'длинные ящики' использовались и как скамейки. В зданиях немецких судов (судебных залах) стояли большие длинные рундуки, на них могли сидеть, и в то же время туда складывали так называемые акты — судебные дела. Если истец или подсудимый был человеком богатым и знатным, его дело решалось весьма быстро. Если же он был бедным и незнатным, судебные чиновники откладывали его дело в самый дальний конец рундука-скамейки — «в долгий ящик».

Немецкое выражение, вероятно, пришло в русский язык вместе с реформами великого Петра Первого, сына Алексея Михайловича. И оно было переведено как *отложить в долгий ящик*, сохранив характерное для него «бюрократическое» значение.

На русской почве, однако, оно начало утрачивать свой первоначальный «судебный» образ уже потому, что слово *ящик* у русских вызывало совсем иные ассоциации. Так появилась легенда о «длинном ящике» для челобитных в Коломенском. Совсем недавно петербургские слависты Е. К. и С. И. Николаевы обратили внимание на ещё одну языковую легенду, порождённую специфично русским восприятием немецкого выражения о «долгом ящике». В повести А. А. Бестужева-Марлинского «Испытание» (1830 г.) они нашли такое прочтение этого оборота: *Да, да! Эти проклятые шнедлеры вечно сбивают мой ум с прицела, и не одного доброго человека уложили в долгий ящик.*

Как видим, *уложить в долгий ящик* здесь значит 'убить', т. е. буквально — 'уложить в длинный гроб'. Слово *ящик* действительно в русской речи может значить 'гроб', достаточно вспомнить просторечное выражение *сыграть в ящик* 'умереть', где именно это значение имеется в виду. Характерно, что и современник А. А. Бестужева-Марлинского, друг А. С. Пушкина А. А. Вяземский в статье «Стихотворения Карамзина» заметил: ... *Для русского долгий ящик тот же гроб.*

Учитывая такого рода употребления, Е. К. и С. И. Николаевы приходят к выводу, что на русской почве *отложить в долгий ящик* осмыслялось некоторо-ро время и как 'похоронить', 'умертвить' какою-либо живое дело бюрократической волокитой.

Какой бы сложной ни оказалась история выражения о долгом ящике, от него и сейчас несёт мертвым духом российской бюрократии, неистребимой до сих пор.

Вынос святых, разведение антимоний и прочая ермолафия

Потеря первоначальной мотивировки образного выражения — это заключительный этап его пути от профессиональной речи к общенародному языку. Этот путь начинается с переносного употребления безобразного, но привычного для той или иной профессиональной среды свободного сочетания. Переносное употребление придаёт этому сочетанию более житейское, оторванное от узкой специальности значение.

Мы понимаем, что выражения *испортить всю обедню*, *смотреть со своей колокольни*, *подводить*

под монастырь, рассказать как на духу первоначально были связаны с церковным бытом. В прямом, «церковном» употреблении некоторые из них встречаются в классической литературе. Например, сочетание *быть на духу* 'исповедаться священнику' не раз найдём у Л. Толстого: *Однако послушай, — сказал раз Степан Аркадьевич Лёвину... — есть у тебя свидетельство о том, что ты был на духу?* («Анна Каренина»).

Но переносное употребление этих сочетаний вырвало их из церковной сферы и придало им мирской характер. *Испортить всю обедню* теперь значит 'помешать чему-либо, расстроить какое-либо дело', *подводить под монастырь* — 'навлекать на кого-либо неприятности', *смотреть со своей колокольни* — 'узко, односторонне судить о чём-либо', а *рассказать как на духу* — 'искренне в чём-либо признаться'

Немногие, употребляя эти обороты, помнят об их церковном происхождении. Ещё более оно затемнено в выражениях *хоть святых выноси, пускаться во все тяжкие, одним миром мазаны, антимонии разводять*.

Да, таков уж неизъяснимый закон судеб: умный человек — или пьяница, или рожу такую соорудит, что хоть святых выноси, — «глубокомысленно» рассуждает Городничий в «Ревизоре».

Выносить святых или хотя бы задергивать икону в углу особой занавеской, как это было принято у старообрядцев, — такие меры принимались верующими, чтобы святые не видели творимых ими безобразий: пьянства, драк, домашних дразг. Вынес святых и пускайся во все тяжкие — такова лицемерная мораль церковников.

Сочетание *во все тяжкие* может показаться «ужатой» формой более пространной конструкции *пускаться во все тяжкие грехи*: мы чаще всего употребляем его в значении 'безудержно, безгранично предаваться каким-либо порокам'. Однако, как считают фразеологи, основой этого выражения было иное сочетание — *ударять во вся тяжкая колокола*, т. е. поднимать колокольный трезвон на весь город. В этом специальном — «звонарском» — употреблении сочетание может иметь ещё более краткую форму — *во вся*: *Косой повёл его на колокольню и заставил его звонить... Макся не умел взяться за верёвки, протянутые к колоколам... Косой показал, за какие верёвки нужно братья в будни и в праздник, и лихо отзвонил три раза во вся, прискакывая и что-то напевая* (Ф. М. Решетников. Макся).

Выражение *одним миром мазаны* сейчас означает 'похожи друг на друга своим качеством', 'один другого не лучше'. В основе этого выражения — не слово *мир*, а *миро* 'маслянистое благовонное вещество', употребляемое при церковных обрядах. Крестообразное помазание миром входило в обряд крещения. «Мазали миром» и христианских царей при коронации, отсюда синоним слова *царь* — *помазанник Божий*. Быть *одним миром мазанными* первоначально значило 'быть людьми одной веры'.

Церковное происхождение оборота *разводить антимонию* отнюдь не так бесспорно, как этимологии приведённых выше сочетаний. Некоторые учёные связывают этот оборот с устаревшим латинским химическим термином *antimonium* 'сурьма'.

Русский фразеолог М. И. Михельсон рассказывает историю о том, как настоятель одного монастыря

XV в., заметив, что свиньи жиреют от добавления в корм сурьмы, решил подкормить ею и монастырскую братию. Эксперимент не удался: отравленные сурьмой монахи отправились в Царствие Небесное. Отсюда, утверждает М. И. Михельсон, французское название сурьмы *antimoine* 'против монахов'

Это толкование не что иное, как красивая легенда. Ложность его очевидна: французское *antimoine* известно уже в XIII в., и современные этимологи уверенно связывают его с латинским *antimonium*, которое встречается в текстах XI в. и, в свою очередь, имеет греческий источник.

Другое объяснение исходит из того, что первичным значением сочетания *разводить антимонии* было 'читать нравоучения'. Такое значение записал уже в прошлом веке этнограф Д. К. Зеленин в вятских говорах. Учёный предполагал, что *антимонии* — это испорченное *антифоны* 'церковное пение с частыми повторами', попавшее в русский язык из жаргона семинаристов.

Семинарского происхождения этого оборота не отрицают и авторы его самой правдоподобной этимологии. Они отгадываются от значения 'хитрая уловка', которое характерно для народного употребления слова *антимония*. Это значение и даёт основание фразеологам видеть в слове *антимония антиномия*, первоначально означавшую 'противозаконно'. Перестановка согласных, подобная *ном/мон*, — так называемая метатеза — явление, известное в языке. Сравните, например, *медведь* и *ведмедь* или *Фрол* и *Флор*, связанные с латинским *flos, floris* 'цветок'. Вполне вероятно, что наличие в языке семинаристов слов *антимоний* 'сурьма' и *антифон* 'церковное пе-

нис с повторением' не только вызвало метатезу *ном/мон* в слове *антиномия*, но и отразилось на значении оборота *разводить антимонии*. Все эти слова — заимствования, малопонятные и неудобопроизносимые. Вполне естественно, что, смешавшись в одно *антимонии*, они стали обозначать долгие и пустые разговоры. Это предположение тем более вероятно, что семинаристы были большими мастерами выдумывать синонимы слова *пустословие*. Это они были авторами *ермолафии* 'пустой болтовни' (ср. *ермолой* 'собрание церковных гимнов') или более известной *ерунды*. Последнее слово имеет и более старую форму — *герунда* — и является не чем иным, как искажением латинского слова *gerundium* 'герундий' — отглагольное существительное, доставлявшее много неприятностей семинаристам.

Стоит ли удивляться, что все этимологи, выдвигая столь различные гипотезы о происхождении выражения *разводить антимонии*, уверенно искали его истоки в церковной среде? Ведь какой бы этимологической пылью ни покрывалась биография слова *антиномия*, оно до сих пор продолжает отдавать тем миром, которым помазали его семинаристы. По меткому замечанию писателя Л. Борового, это слово «очень хорошо приканчивает всякую схоластику, претенциозную тягомотину, начётничество, талмудизм, пифагорию, мёртвую, серую и бесплодную «теорию».

ВОЕННЫЕ СЛОВА НА ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЕ

Ещё более убедительной иллюстрацией того, как меняется смысл профессиональной фразеологии в результате переносного употребления, является «де-

милитаризация» военной лексики. Подобно тому как голубки богини древних римлян Венеры, ставшие символом мира, вылетали из гнезда, свитого в опрокинутом шлеме бога войны Марса, многие «мирные» обороты были «высижены» в «гнезде» военной терминологии. Употребляя выражение *голубь мира*, мы не вспоминаем о военном шлеме, служившем гнездом мифическим голубкам. Точно так же мы не задумываемся над военным происхождением многих наших фразеологических оборотов.

А военная лексика оставила во фразеологии заметный след. *Попасть в цель, мобилизовать все ресурсы, взять на прицел, на мушку, на пушку; держать под прицелом, развернутым фронтом, развернутое наступление, бить тревогу, трудовой подвиг, с идейных позиций, окопаться в канцелярии, броня на билет, выйти из строя, вывести из строя, в передовых рядах, взять в штыки, резерв сил, на взводе, тяжёлая артиллерия* — каких только военных слов и выражений не употребляем мы в переносном смысле!

Время возникновения и внутреннюю мотивировку многих из них разгадать довольно просто. Ясно, что выражения *пахнет порохом, не нюхать пороху, даром тратить порох, пушкой не прошибёшь, в ружьё* и т. д. не могли появиться раньше огнестрельного оружия. Хронология других ещё более точна — вспомним хотя бы *есть ещё порох в пороховницах*, автором которого был Гоголь. «Милитаристский» характер некоторых выражений, однако, раскрывает лишь глубокий этимологический анализ.

Вот довольно категоричное, но тем не менее мирное выражение: *и никаких. Иди домой — и никаких!* — так могут звать домой заигравшегося с то-

варищами сына отец или мать. «Мирный» характер этого сочетания подчёркивается и его вариантом *и никаких гвоздей!* Его в русский язык энергично бросил В. Маяковский.

Однако восходит оно к кавалерийской командевозгласу. По словам писателя П. Д. Боборыкина, *...пошло это с учений, когда взводу или эскадрону офицер кричит: «Смирно, и никаких учений!»* («Персвал»). Принимая эту гипотезу, академик В. В. Виноградов подтверждает её другим литературным примером — словами военного доктора Самойленко из повести А. П. Чехова «Дуэль»: *Что ж? Единновременно пятьсот в зубы или двадцать пять помесечно — и никаких. Очень просто.*

Кто первый крикнул «ура»?

Гораздо древнее другой военный клич — *ура*. Его происхождение, возможно, связано с выражением *одержжать верх*. «Какая может быть связь между этими столь разными единицами языка?» — пожмёт плечами недоверчивый читатель.

Чтобы рассеять это вполне оправданное недоверие, следует обратиться к этимологии слова *ура*.

Взгляды этимологов на происхождение этого слова резко расходятся. Самым распространённым мнением, пожалуй, является возведение его к немецкому *hurra* 'ура' Московский фразолог Н. М. Шанский, например, считает, что это слово заимствовано из немецкого лишь в XVIII в.

Однако сами немцы не особенно уверены в исконно немецком происхождении своего «ура». Автор одного из наиболее авторитетных немецких этимоло-

гических словарей Ф. Клюге подчёркивает, что *hutta* встречается в немецком языке лишь с 1773 г., причём вначале скорее специализированно — в языке матросов. Он допускает поэтому, что немецкое слово — заимствование из английского, тюркского или русского (!) языков. Возможность русского источника подкрепляется тем фактом, что один из немецких авторов — Я. А. Христиани — слышал клич *hutta* из уст русских матросов уже в 1783 г. Высказав такое предположение, немецкий этимолог, правда, связывает далее слово *hutta* со средневерхнемецким *huten* 'быстро двигаться', тем самым склоняясь в пользу заимствования из английского языка. Английское *hutta* некоторые этимологи связывают со средисверхнемецким глаголом *huten* (ср. современное английское *Hurry up!* 'Скорей, живей, пошевеливайся!').

Любопытно, что в поисках этимологии французского слова *hougta*, записанного в источниках с 1722 г., известный лингвист А. Доза колеблется между английским и русским словами. Он допускает возможность связи французского *hougta* с английским *hutta*, но в то же время категорически утверждает: «Военный клич происходит от русского 'ура'».

Таким образом, связывать русское слово непосредственно с немецким трудно уже ввиду того, что в последнем оно появилось не раньше, чем в русском. В качестве одного из основных аргументов против немецкого заимствования может служить значение этого слова. Ведь в русском языке нет и намёка на то, что *ура* могло когда-то означать 'живей, скорей, поторапливайся!' *Ура* — это боевой клич при атаке, который можно расшифровать как 'бей, поражай, побеждай!'.

Именно значение 'бей, поражай!' послужило для этимологов основой для отнесения слова *ура* к тюркскому корню *ур-* 'бить, ударять' (ср. глагол *ур-мак* с этим значением). По мнению В. И. Даля, русское *ура* — видоизменённый воинственный клич башкир, киргизов, татар *уран*, относящийся к привсдённому корню. Пожалуй, такая гипотеза была бы вполне правдоподобной, если бы западнославянские языки не подсказывали другого объяснения.

В польском языке широко известно выражение *бүс гóга* 'победить', где второе слово звучит примерно как 'гúрон'. Если его перевести, то получится 'быть наверху': слово *гóга* родственно русскому *гора*, и буквально значит 'горой'. Польский фольклорист академик Ю. Кржижановский приводит литературные примеры с этим выражением, восходящие ещё к XVI в. Например, в басне Рея «Разговор Льва с Котом» Кот восклицает, увидев Льва в клетке: *Naszy góга chwala Bogu!* — «Наши наверху (т. е. победили), слава Богу!»

Подобное выражение найдём и в чешском языке. Клич *Vzhůgu na nepřítel!* 'Вверх на врага!' был популярным возгласом уже у древних чехов. Он очень похож на чешские выражения *Hurá na nepřítel!* *Hurá za pamí!* 'Вверх на врага! Вверх за нами!' Но словечко *hurá* чешские этимологи тем не менее считают заимствованием из «русско-татарского». Это кажется явной непоследовательностью: заимствование из русского в чешский не могло относиться к очень древнему периоду, а письменные источники показывают, что выражение *hurá na nepřítel* очень старое. Во всяком случае, доподлинно известно, что гуситы в

XIV в. пугали врагов своим грозным возгласом *Нгг* на *пё!* *Нгг*, видимо, это «ужатая» форма *hugá*.

Итак, вполне вероятно, что русское *ура* — это видоизменённый военный клич западных славян, средневековое заимствование из польского. Известно, как активно взаимодействовали в период Речи Посполитой польский и русский языки, особенно в сфере юридической и военной лексики. Клич *ура*, возможно, наследие этого взаимодействия.

Если предполагаемая этимология верна, то словечко *ура* — «ужатый» военный клич славян, первоначально означавший 'возьмём верх!' В польском и чешском языках слова *góga* и *hugá* (*vzhûgu*) сохраняют в соответствующих выражениях значение 'вверх'.

Стоит ли добавлять, что все эти выражения — следы очень древнего единоборства, единоборства в буквальном смысле слова, когда тот, кто оказывался наверху, становился победителем?

Смертный бой и пыль в глаза

Следы такого единоборства врукопашную ещё долго жили на Руси.

Рукопашному, кулачному бою русский язык обязан многими выражениями. Например, пословица *лежащего не бьют*, которая сейчас употребляется чаще всего в переносном значении, в «Указе» 1726 г. ещё формулируется как конкретное наставление любителям кулачных поединков: «Кто упадёт, лежащих никого не били бы». «Указ» запрещал и такие бои, «в коих бойцы с ножами гонялись друг за дружкой, кидали песком в глаза, а иные, положив в рукавицы ядра, камня и кистени, били своих многих без милости смертными побоями, от коих причинялась смерть».

Как видите, даже эта небольшая часть наставления раскрывает происхождение двух русских фразеологизмов: *пускать пыль в глаза* (в «Указе» говорится о песке) и *бить смертным боем*.

Правда, нужно заметить, что если второй фразеологизм исконно русский, характерный, как и многие повторы (ср. *ходить ходуном*, *бегом бежать*, *криком кричать*), для народной речи, то выражение *пускать пыль в глаза* — интернационализм, известный многим языкам: в английском *to throw dust in somebody's eyes*, во французском *jeter de la poudre aux yeux de qn*, в немецком *der Sand in die Augen werfen*. Их обычно возводят к латинскому *pulvere in oculus*, которое связывают с приёмом борьбы римских гладиаторов, которые бросали пыль или песок в глаза противнику, чтобы ослепить его. Но, как и русские мастера кулачного боя, возможно, гладиаторы не были «авторами» этого оборота. Ведь в восточных языках, например хинди (на котором говорят в Индии), он также хорошо известен с древнейших времён. А объясняют его совершенно иначе — на основе военного «обманного» приёма: движущиеся войска специально «пускали пыль» в глаза противника, чтобы затруднить ему преследование и не дать возможности точно определить число отступающих. В таком случае *пыль в глаза* — это нечто вроде современной дымовой завесы.

Когда ломали копья?

Ещё больше образных сочетаний, отражающих поединки вооружённых людей. *Ломать копья* — одно из древнейших. Сейчас оно значит 'с жаром спорить о чём-либо, горячо отстаивать что-либо в дискуссии'.

Этимологи поломали немало копий, чтобы доказать неисконнославянское происхождение этого оборота. Польский фразеолог С. Скорупка, рассматривая польские обороты *łamać, kruszyć kopię* о со 'ломать о что-либо копьё', пишет, что они связаны с турнирами, когда ломали копьё для защиты чести дам. Этот обычай, как и само выражение, возводится польским учёным к немецкому *mit jemandem für jemandem Lanze brechen* 'ломать с кем-либо копьё', 'применять в защиту кого-нибудь копьё'. Немецкое выражение, в свою очередь, возводится к французским оборотам с подобным же составом и значением, хотя известен и древнегерманский оборот *Sper brechen* 'ломать копьё'.

Может быть, для немецкого и французского языков эти обороты действительно ведут своё начало от рыцарских турниров в защиту чести прекрасных дам. Но славянское «ломанис копий» — это более древняя традиция, традиция борьбы не на живот, а на смерть.

О древности этого выражения свидетельствует знакомая нам фраза из «Слова о полку Игореве»: *Ту ся копіемъ приламати, ту ся саблямъ потручати о шеломи половецкыя.*

Несмотря на такую эпическую древность, это выражение некоторым исследователям казалось французским заимствованием.

Утверждение о заимствовании выражения *приломити копие* опирается в основном на необычность приставки *при-* в данном глаголе. Болгарский специалист по древнерусской литературе Н. Д. Дылевский, однако, рассеял сомнения в исконности сочетания *приломити копие*.

Во-первых, оно часто встречается в русских летописях; правда, с глаголом *изломити*, а не *приломити*.

ти. Вот пример из Лаврентьевской летописи (1147):
**Въеха Изяслав один в полкы ратных и копье свое
изломн.**

Во-вторых, «русский характер» приставки *при-* сам по себе несомненен: любой может привести десятки глаголов с нею, а русские говоры содержат сотни таких слов.

Наконец, сочетание *копье приложить* встречается и в других русских источниках. В «Сказании о Мамаевом побоище» читаем: **И ударыша копнем влече, и копна свои приложиша, и пидошага оба с коней своих на землю, и тако скончашага оба.** Более того, это выражение известно и устному народному творчеству — оно встречается в «Архангельских былинах» А. Д. Григорьева.

Остаётся лишь уточнить, при каких военных обстоятельствах наши далёкие предки ломали свои копья. Это хорошо объясняет академик Д. С. Лихачёв.

Копьё было оружием первой стычки и почти всегда ломалось: ведь древко 1,5–2-метрового копья было деревянным. Поэтому *изломить копье* означало, что воин первым принял бой. Этот древний воинский термин символизировал вступление в единоборство, личное участие князя в битве. Давным-давно сняты с вооружения копья. Их можно увидеть лишь в исторических музеях. Но «демобилизованное» выражение *ломать копья* отнюдь не музейный экспонат. Оно продолжает жить активной жизнью в современном языке.

ЗАБЫТЫЕ ПРОФЕССИИ

Споры этимологов часто возникают тогда, когда полностью забываются обычаи, обряды, верования,

лежащие у истока образного выражения. В «профессиональной» фразеологии такое забвение — довольно частое явление. Характер производства постепенно меняется, появляется новая профессиональная терминология, старая становится ненужной, как и сама профессия, её породившая. Одна из таких профессий — профессия палача. Не стоило бы и вспоминать о такой жестокой и бесчеловечной «специальности», если бы её профессиональных тайн до сих пор не хранил наш язык.

Слово и дело государево

Тянуть жилы, тянуть за язык, давать руку на отсечение, пригвоздить к позорному столбу, гнуть в три погибели, стоять как вкопанный — всё это для нас лишь безобидные метафоры. А всего три столетия назад они понимались буквально.

В романе А. Н. Толстого «Пётр Первый» английский купец Сидней рассказывает молодому царевичу о поразившем его жестоком наказании, очевидцем которого ему довелось стать.

— По пути к нашему любезному хозяину я проезжал по какой-то площади, где виселица, там небольшое место расчищено от снега, и стоит один солдат.

И вдруг я вижу, — из земли торчит женская голова и моргает глазами. Я очень испугался и спросил моего спутника: «Почему голова моргает?» Он сказал: «Она ещё живая. Это русская казнь, — за убийство мужа такую женщину зарывают в землю и через несколько дней, когда умрёт, вешают вверх ногами».

Такой обычай действительно существовал. В «Уложении и Указе царя Алексея Михайловича» 1663 г. так и сказано: «Жёнок за убийство мужей против «Уложения» окапывать землёю». Убийцу мужа днём и ночью стерегли стрельцы, чтобы какой-нибудь проходящий из сострадания не дал ей воды или хлеба.

«Профессиональный» термин *вкапывать в землю*, как считают многие интерпретаторы, и стал основой выражения *стоять как вкопанный*.

Чисто лингвистический анализ, однако, показывает, что в основе этого «термина» и образного сравнения лежит ещё более древний «заземлённый» народный образ. В белорусском, украинском и польском языках это сравнение имеет более полный, развернутый вариант, который объясняет этот образ — ‘стоять как вкопанный в землю столб’. Следовательно, и средневековая казнь, когда приговорённого закапывали в землю, могла опираться именно на это мирное сравнение закапываемого в землю столба. Сравнение человека или животного с закопанным в землю столбом известно и другим народам Европы.

Английский купец, которого поразило жестокое наказание женщины в Москве, ошибся, назвав эту казнь русской: обычай зарывать в землю существовал у многих народов — у древних римлян, например. Да и намного ли гуманнее обращались с монахами и монахинями, нарушившими обет, в европейских римско-католических монастырях, замуровывая их живыми в каменные стены? Это наказание применялось ещё в XVIII в. Жестокое средневековье придумало немало изощрённейших пыток и казней, занесённых в скрижали языка.

Винных или просто подозреваемых сковывали по рукам и ногам, жгли калёным железом, поджаривали на углях, сажали живыми на кол, в их тела вбивали гвозди, их пальцы завинчивали в тиски, им ломали ребра или подвешивали за них на острые крюки, прибитые к потолку.

Пытками истязатели добивались одного: правды, хотя этой «правдой» были зачастую лишь нужные им ложные показания невинных жертв.

Самой страшной «правдой» была та, которая касалась особы царя или его приближённых, — так называемое *слово и дело*. Человека, выкрикнувшего эти страшные слова, тут же доставляли под стражей в Тайную канцелярию. Там доносчик излагал свои обвинения, пройдя предварительно тоже «проверку» боем. Отсюда и поговорка *Доносчику первый кнут*.

Стоит ли говорить, что повод для доноса находился всегда? Известный собиратель русских пословиц И. М. Снегирёв рассказывает об одном таком следствии в Сыском приказе.

Один посадский угощал на именинах свою куму. Та, по тогдашнему обыкновению, отказывалась пить, и посадский не жалел самых ласковых выражений, чтобы уговорить её. Одним из них было: «Выкушайте, всемилостивая государыня!»

Стоило ему сказать это, как один из гостей-завистников закричал: «Слово и дело!»

Долго пытали кума с кумой в Сыском приказе. С какой стати кума названа всемилостивой государыней: ведь в России лишь одна государыня?! Нет ли в этом какого злого умысла?

Искалеченные именинник и его гостя в конце концов отделались «легко»: их сослали на каторжные работы пожизненно.

Стоит ли удивляться, что два частых эпитета правды — *подлинная* и *подноготная* — связаны именно с изощрёнными пытками? Выражение *узнать всю подноготную* восходит к забиванию деревянных спиц или гвоздей под ногти с целью выведать все подробности. *Подлинная* же правда — это правда, добытая «под длинниками». Длинники — это просмолённые кнуты, к концам которых привязывались кусочки свинца или чего-нибудь тяжёлого. Нередко такое «правдоискательство» проводилось на специальных «станках» — дыбе или висках, на которых распинали, т. е. растягивали, тело истязуемого.

В современном языке когда-то грозные слова и выражения мы ассоциируем с совсем иными представлениями и понятиями. Ассоциируем, намеренно разрушая их этимологическую основу, как это делает в одном из своих стихотворений Новелла Матвеева:

Я, — говорит, — не воин,
Я, — говорит, — раздвоен,
Я, — говорит, — расстроен,
Расчетверён, распят...

Сарынь на кичку!

В историческом романе писателя С. П. Злобина «Степан Разин» правдиво и драматично описана сцена четвертования волжского бунтаря в Москве. Когда палач Самсонка взмахнул топором, чтобы отсечь Разину голову,

Степан собрал все последние силы и крикнул, как казалось ему, по-старому, сотрясая криком всю площадь и башни Кремля, крикнул так, чтобы с криком выдохнуть жизнь:

— Сарынь на кичку!

Этот клич, пожалуй, одно из немногих выражений, попавших в художественную литературу из языка волжских «разбойных людей». Смысл этого выражения в середине прошлого века растолковал этнограф В. Борисов:

«Крик их [волжских “разбойных людей”]: *Сарынь на кичку!* значил почти то же, что сволочь, в понятии унижительном. Часто так и ныне называют артель бурлаков или толпу рабочих людей на расшивах и других судах, по Волге ходящих; кичкою же назывался нос, или передний конец судна, противоположный концу заднему, называющемуся кормою. Когда, нападая на судно, разбойники кричали: *Сарынь на кичку!* — то в подлинном смысле условного языка их слова сии значили: “Бурлаки, убирайтесь все к носу, прилягте, молчите и с места не трогайтесь!” Когда сие ужасное повеление исполнялось, то грабили судно и каюту, близ кормы находящуюся; но к бурлакам не прикасались, били же их в таком только случае, когда они крику: *Сарынь на кичку!* — не повиновались» («Владимирские губернские ведомости», 1858 г.). Остаётся добавить, что слово *сарынь* ‘толпа, сброд’ этимологи связывают с древнерусским *сара*, *сар* ‘матрос’, что объясняет его употребление в обороте *сарынь на кичку* по отношению к бурлакам.

Шишки на ровном месте, чайки и шайки-лейки

Итак, *сарынь* — это название одной из исчезнувших профессий, профессии бурлака, давшей русскому языку такие ходкие выражения, как *тянуть лямку* и *большая шишка*, *важная шишка*, *шишка на ровном месте*.

Шишка — это бурлак, идущий в ляжке первым, самый сильный и опытный. Таким был Никифор из романа «Екатерина Воронина» А. Н. Рыбакова: *Отец Никифор до шестидесяти лет ходил «шишкой» — передовым в ляжке. Опытный бурлак, он умел выбирать тропку и, не оглядываясь, чувствовал, кто тяги неотягивает. Всю жизнь ходил в ляжке, в ляжке и умер.*

Слово *шишка* 'передовой бурлак', оторвавшись от своей профессиональной среды, стало переосмысляться. Так, разговорное выражение *шишка на ровном месте* лишь отдалённо связано с бурлацким термином, здесь на первый план выдвигается значение 'округлая выпуклость, бугорок'. В сибирских говорах забытое *шишка* 'бурлак' каламбурно ассоциируется с шишкой на дереве: *Здорово, елова шишка!* — форма шуточного обращения к кому-либо.

Случается и обратное: между словами, на первый взгляд очень далёкими, неожиданно обнаруживается тесная взаимосвязь. Сейчас между словами *шайка* 'деревянная посуда для воды вроде низкого ведра с ручкой' и *шайка* 'группа людей, объединившихся для разбоя и преступлений' нет ничего общего, они омонимы. Но профессору Б. Л. Богородскому удалось найти звенья, соединяющие их в непрерывную цепь последовательных исторических изменений.

Основа этой общности — значение 'лодка, судно', которое известно для слова *шайка* и его ближайшего родственника — украинского *чайка* 'судно запорожских казаков'. Параллелизм значений 'корабль' и 'посуда' — древнее явление: не случайно старые корабли называют посудинами, а само слово *судно* имеет тот же корень, что и *посуда*.

Торговые шайки и чайки нередко подвергались нападению пиратов-корсаров, о чём свидетельствует древняя рукопись «Описание мореходных судов», повествующая, как много шаек «*хватають кыбарн хригманские н, когда ет [шайку] хватать, заблают нз нет тотчас кормель, поне зело долга н нматт выбокю пп [корму] н пров [нос] нмбетт зекю как галера*».

Переход значения *шайки* от 'пиратского судна' к 'разбойничьей банде' не требует на фоне этой цитаты особых комментариев.

Для историков фразеологии это наблюдение над развитием значения ценно тем, что даёт возможность понять внутреннюю мотивировку сочетания, ставшего сложным словом, *шайка-лейка* 'банда', 'сброд'. *Лейка*, видимо, добавлено к слову *шайка* по созвучию, как и *шатия-братия*. Но весьма примечательно, что и это слово взято из мореходной лексики: *лейка* — это 'черпак в лодке'

Кто такие пластуны?

Слова *шайка* и *шайка-лейка* в результате активного переносного употребления утратили связь с той профессиональной средой, в которой родились. Но форма названий этих «профессий» осталась не-

изменной. А вот название другой забытой профессии — *пластун* — затерялось окончательно. От него в современном языке осталось наречие в выражении *ползти по-пластунски*. Нет ничего удивительного, что это лишённое внутреннего профессионального смысла наречие пугает в разговорной речи, создавая новые, формально исковерканные слова: *ползти по-ползунски*.

И всё же название этой профессии можно извлечь из современного языка методом аналогии, подобно тому как из сочетания *разбить вдребезги* мы извлекли ископаемое слово *дребезг*. Есть ведь в нашем языке ряд наречий, образованных по «профессиональной» модели: *солдат* — *по-солдатски*, *рыбак* — *по-рыбацки*, *рыцарь* — *по-рыцарски*, *драгун* — *по-драгунски*.

Значит, вероятно, были и пластуны, которые ползали по-пластунски.

И на этот раз языковая модель нас не обманула: пластуны действительно были. О них даже писал Лев Толстой в «Севастопольских рассказах»: *На улице встречаете вы и обгоняете команды солдат, пластунов, офицеров. Или: Пластуны покрыли себя славой в Севастопольскую кампанию.*

Ясно, что речь идёт о военной специальности. Какой? Для исчерпывающего ответа обратимся к истории казацкого войска Новой запорожской (кубанской) сечи. Это войско делилось на 38 куреней — военных станов. Один из них назывался *Пластуновским* или, по-украински, *Пластунівським*. В него каждый курень был обязан отряжать хотя бы по одному казаку. Если Сечи грозила опасность, то для службы в Пластуновском курене вызывались добровольцы или же выделялись самые опытные и способные воины.

Казачков этой особой, сторожевой, разведывательной команды и называли *пластунами*.

Пластуны сутками, притаившись в камышах, терпеливо следили за действиями противника. За эту способность «лежать пластом» в течение длительного времени их, вероятно, и прозвали пластунами.

Выражение *ползти по-пластунски* — скромный; но зато живой памятник одной из героических профессий наших прадедов. Точнее даже было бы сказать — «памятник оживший». Ведь в современной Украине, например, в Севастополе, в 1997 году была создана организация модождёжи под названием «Пласт». Члены её — *пластуны* живут в лагерях под открытым небом, совершают ночные переходы, активно занимаются спортом. «День независимости Украины севастопольские *пластуны* проведут вместе с польскими харцерами в Севастополе, — пишет одна из современных крымских газет, — где их ожидают экскурсии на корабли Черноморского военного флота и встречи в Украинском культурно-информационном центре». Не исключено, однако, что после таких официальных встреч современные пластуны потренируются и в ползании *по-пластунски*. Как это и положено настоящим *пластунам*.

Что делают бездельники?

С долбилем не мы,
С молотилом не мы;
А попить, поплясать
Против нас не сыскать.

Прибаутка

Профессиональная, трудовая речь — один из самых активных источников фразеологии. Но много ли мы найдём в русском языке выражений со значением «трудиться»?

Раскроем синонимический словарь на слова *трудиться* и *работать*. *Гнуть* или *ломать спину, горб, хребет; везти воз, тянуть ляжку, натирать мозоли; работать не покладая рук, до седьмого или кровавого пота, от зари до зари* — вот и все основные фразеологические синонимы этих важных глаголов.

Пожалуй, к ним можно добавить ещё несколько выражений вроде *вертеться как белка в колесе, разрываться на части, растряссти жирок...* Но это уже не совсем синонимы слова *трудиться*: ведь вертеться в колесе можно так же бессмысленно и бесполезно, как это делает белка.

Оболтусы и пустограки

Ещё меньше синонимов для обозначения человека, который любит трудиться: *труженник, работага,*

трудога, трудолюб, трудолюбец, трудоголик. Это более чем скромно на фоне несметного числа слов, обозначающих бездельника. *Лодырь, лоботряс, праздношатающийся, шалопай, оболтус, балбес, шалопут, сачок, фланер, филон, шалбер, лентяй, ленивец, лежебока, обломов, байбак* — всё это тунсядцы разного калибра.

А вот целая армия лодырей, получивших крещение в русской деревне: *алатырь, алахарь, балахрыст, базарник, байдуга, байбак, байтус, банцуй, батёжник, висляй, гультай, дендюря, лында, латрыга, ляга, ошар, опока, пустогряк, тягарик.*

Хотите ещё? Пожалуйста: *дырда, лоёха, дрыгалка, быкса, байдуска, статуй, луйда, сябёр, воропёха, лёпа, плёха, пяхтирь, телепень, тельпух, кавзель, апоик, турбыль, страбуль...*

Учтите, что перечисленные слова — это лишь коллেকция названий бездельников, собранная Л. В. Гравс в одной Смоленской области. Можете представить, сколько таких слов можно записать по всей России?

Тем более что к каждому такому слову народ подбирает ещё массу производных, склоняя лентяев в буквальном смысле слова на все лады. Посмотрите, сколько производных корня *гуль-* записано на Псковщине: *гулевень, гуляга, гуляк, гуляка, гуляльщик, гуляльщица, гулянок, гулячка, гуляшка, гулявица, гультай, гультайка, гультайка.* Есть здесь и глагол, образованный от слова *гультай*, — *гультайничать* 'бездельничать, бить баклуши'.

Итак, в языке перевес явно на стороне бездельников: *работяга, труженик, трудолюб* и *трудолюбец* совсем затерялись в этом сборище тунядцев.

Трудовой пот и лоботрясение

Чем же объяснить такую диспропорцию? Может быть, лентяев в жизни больше, чем тружеников, и поэтому понадобилось такое детализированное их обозначение?

К счастью, не поэтому. Причина избытка названий для лентяев кроется в одном из свойств живой речи, из которой многие подобные слова проникли в литературный язык. Это свойство — её экспрессивность и яркая оценочность. Народный язык очень живо и оперативно реагирует на отрицательные стороны общественной жизни, на отрицательные качества людей или целых общественных групп, на отрицательные действия и поступки. К положительным же явлениям жизни народная речь относится более спокойно: ведь это норма, обыденность. Если и возникают синонимы, обозначающие такие явления, то они обычно употребляются в приподнятом, торжественном стиле, когда эту норму поведения нужно оттенить. Причём эта торжественность может довольно быстро исчезнуть, если «положительное» слово или выражение будет употребляться часто и без необходимости, «всуе».

В древнерусском языке выражение *утереть много поту* имело именно такое торжественное звучание: *Володимер сам собою постоя на Дону и много пота утёр за землю Руськую...* (Ипатьевская летопись). Здесь *утирать пот* — это 'принимать на себя много трудов'

Определённую приподнятость сохранило и выражение *трудиться в поте лица своего*, пришедшее в наш язык из библейского мифа об изгнании Адама

из рая. Изгоняя оттуда первого человека за грехи его, Бог якобы сказал: «В поте лица твоего будешь есть хлеб».

Никакой торжественности, однако, нет уже в оборотах *до седьмого* или *до кровавого пота*. Есть лишь представление о тяжком и непосильном, безрадостном и подневольном труде, чаще всего труде на кого-нибудь: *И тебя, и меня помещик норовит в ярмо запрячь и гонять до седьмого пота* (Н. Островский. Рождённые бурей).

Не удивительно, что к такому труду отношение народа было явно отрицательным. Именно эта отрицательная экспрессия и вызвала к жизни даже те немногие «трудовые» выражения, которые отысканы нами в синонимических словарях. К ним можно добавить и такие, как *работать, не видя света белого*; *таскать каштаны из огня* (для кого-нибудь), или псковские народные обороты *работать как бурый волк*; *работать как гужевик* или *как возовик*, т. е. как ломовая лошадь (ср. *работать как лошадь* и глагол *ишачить*), *работать как колесо в грязи* 'выполнять непосильную работу, трудиться с надрывом'.

Но каким бы тяжёлым ни был труд, он являлся жизненной необходимостью и потребностью, мериллом положительных человеческих качеств. *Без труда не вынешь и рыбку из пруда*; *Будешь трудиться — будешь кормиться*; *Кто любит труд, того люди чтут*; *Труд человека кормит, а лень портит* — подобных пословиц в русском языке немало. Такое отношение к труду — источник его положительной оценки в языке, а следовательно, и причина небольшого количества фразеологизмов — синонимов глагола *трудиться*.

Чем положительнее отношение к труду, тем отрицательнее оценка безделья. *От безделья дурь наживается, а в труде воля закаляется; человек от лени болеет, а от труда здоровеет; труд на ноги ставит, а лень валит* — такие противопоставления — постоянный мотив русских пословиц о труде.

Лень — мать всех пороков, — гласит древняя мудрость. Историки фразеологии могут истолковать это изречение на свой лад: «Лень — мать многих фразеологизмов».

Мы уже видели, сколько названий для бездельников создано в народе. Фразеологических же сочетаний со значением 'предаваться безделью', вероятно, ещё больше; к сожалению, лингвисты пока не подсчитали количественного соотношения таких слов и выражений.

Впрочем, такой подсчёт оказался бы трудным даже при исчерпывающей выборке всех литературных и диалектных материалов: ведь эти два ряда лексики настолько тесно переплелись, что зачастую оторвать «соединенье слов» от слова бывает довольно трудно. Вот, например, серия сочетаний, продолжающих ряд псковского слова *гультай*: *гулево́й человек, гулева́я бабка, гулево́й малец* — или просто *гулево́й* 'бездельник'. Последнее слово — результат отпадения *человек* от сочетания *гулевой человек* — так же, как, вы помните, образовалось выражение *во все тяжкие* (колокола).

Нередко при подобном превращении следы сочетания, ставшего словом, всё-таки остаются. Так, в словах *дармоед* и *туняедец* мы легко различим бывшие сочетания *даром есть* и *туне ясти*. В последнем, правда, время несколько затемнило смысл слова

туне. Но его сохранили в значении 'даром', 'попусту' не только русские говоры, где можно найти такие его производные, как *тунная жизнь* 'напрасная', *тунный выстрел* 'неудачный' и т. д., но и в книжном наречии *втуне* 'напрасно'. Прилагательные с корнем *тун-* известны всем славянским языкам и в большинстве из них означают 'недорогой, дешёвый, дармовой'. Словом, *дармоед* — это точный перевод церковнославянского слова *туняедец*.

Таким же способом «сгущения» сочетаний образовались слова *праздношат*, *лоботряс*, *лежебока* и др., в происхождении которых вы без труда разберётесь.

Что делал олух Царя Небесного?

Немало потрудились этимологи, чтобы разгадать происхождение слова *олух* 'глупый человек, простофиля', которое русские словари регистрируют уже с XVIII в.

Одни учёные связывали его с корнем *глохнуть*, возводя к форме **оглух*, т. е. 'человек, который плохо слышит'. Это предположение аргументировалось тем, что «глуховатый» и «глупый» часто бывают синонимами в разных языках. Другие этимологи обращались за источником этого слова к другим языкам. Ф. Е. Корш искал его в староузбекском (чагатайском) *aluk* 'поглупление, отупение, растерянность', а Б. М. Ляпунов — в собственном имени греческого происхождения *Олуферий*.

Трудности, связанные с доказательством превращения греческого имени *Елевферий* в *Олуферий* и далее в *Олух* — имени, которое действительно было известно на русском севере с XVI в., дали толчок гипотезе специалиста по финно-угорским языкам

Ю. Ю. Трусмана. Он предположил, что слово *олух* лишь случайно совпало с именами *Олушно*, *Олушек*, *Олух* и т. п. На самом же деле это заимствование из финского *ölliskö* 'дурак'. Значения русского и финского слов действительно близки. Но общность формы весьма спорна.

Недавно французский славист Р. Бернар связал русское *олух* с корнем *лух-*(*люх-*), который известен болгарским диалектам. Там есть и слово *зълух* 'рассеянный и тупой человек', на которое в основном и опирается Р. Бернар. Недостаток другого славянского материала снижает ценность гипотезы.

Авторитетный этимологический словарь русского языка, написанный М. Фасмером, признаёт старую этимологию академика А. И. Соболевского, которая связывает *олух* с *волух*. Последнее слово образовано от *вол* и значит 'воловоий пастух'. В этом случае и выражение *олух Царя Небесного* надо было бы понимать как 'пастырь, служащий у Небесного Царя'.

Однако и у этой традиционной этимологии немало уязвимых мест. И самое уязвимое — это, пожалуй, отсутствие слова *волух* 'воловоий пастух' даже в самом богатом источнике русской народной лексики — картотеке «Словаря русских народных говоров». Не случайно В. В. Виноградов назвал эту этимологию «каламбурной». Обзор гипотез о происхождении слова *олух* и замечания об их недостатках приводят известного специалиста по русскому языку к констатации, что этот вопрос остаётся открытым.

Поиски источников слова *олух*, как кажется, не могут быть успешными без обращения к группе фразеологизмов со значением 'бездельник', 'бездельничать'. В псковских говорах известно слово *волух* 'лентяй',

которое встречается там и в форме *валух*. Причём последняя имеет уже значение 'дурак'. Эти два псковизма трудно оторвать от воронжского *валух* 'нерасторопный, неповоротливый человек, лентяй'

Фонетически объяснить превращение *во́луха* в *о́луха* нетрудно: в народной речи *в-* то появляется там, где его не было (*ольха* — *вольха*, *огонь* — *вогонь*, ср. украинское *вікно* 'окно'), то отпадает: например, имя Варвара имеет разговорные формы *Аря* и *Ара* (из *Варя* и *Вара*).

Приведённые выше этимологии слова *олух* ставили его в особое положение по отношению к другим словам, отрывали его от русской системы. Вероятная связь с *во́лух*, *ва́лух* или *валух* даёт возможность включить его в целый ряд народных слов с общим значением 'бездельник' — в ряд, образованный от глагола *валяться*. Вот лишь часть этой лексики: *валуй* 'неповоротливый человек, увалень'; *валя́ха*, *валя́са* 'неловкий, неповоротливый, недостаточно энергичный человек'; *валя́х* 'лентяй' и 'неряха'; *валявец*, *валява*, *валявка*, *валюга*, *валюшка*, *валюта*, *валёнь*, *увалень*, *завалень*, *валёк*, *волту́х*, *волту́й*, *валтру́п*, *вальтру́н*... Почти все эти слова обозначают и бездельника, и глупца. Этому удивляться не приходится: ведь лень — мать всех пороков, в том числе и глупости.

Характерно, что подобные слова мы найдём и в других славянских языках, где глагол *валяться* обозначает также и 'бездельничать'. Например, чешскому *valet se* 'валяться' и 'бездельничать' соответствует *valach* 'лентяй, лодырь', *rovaleč* 'лежебока' и *resivál* 'лентяй'.

Последнее чешское слово можно перевести буквально как «печковал», т. е. любитель поваляться на

печи. Не правда ли, образ, скрытый в этом слове, напоминает нашего Иванушку-дурачка, любящего валяться на печи, или глупого Емелю, использующего печку как транспортное средство?

Итак, первоначальным значением *олух* было 'лодырь, лежебока', 'любитель повалиться на печи'. Эта «печковальная», фразеологическая по своей природе основа, однако, таится в глубокой древности. Впрочем, от нашего *олуха* 'простофили и разини' до его ленивого предка не так уж и далеко, как недалеко от *олуха* и современное жаргонное слово *лох* 'простак, глупец, легко становящийся жертвой обмана'.

Выражение *олух Царя Небесного* расшифровывается гораздо легче, чем слово *олух*. Этой расшифровке помогают и его народные синонимы — русское диалектное *пень Божий* и белорусское *цёмцюр Цара Небеснага*, подтверждающие, что речь здесь идёт именно о дураке.

Известно, что юродивые, шуты, калики перехожие, нищие — словом, всякого рода «блаженненькие» пользовались особой милостью Небесного Царя — Бога. Не случайно известный московский собор на Красной площади воздвигнут в честь одного из таких юродивых — Василия Блаженного.

Олух Царя Небесного — это один из таких ленивых глупцов, которые ждут милости от Небесного Царя. Ясно, что это сдкое, насмешливое выражение мог придумать лишь безбожник, не верящий ни в какое Небесное Царствие.

За что валяли Ваньку?

Ещё более, чем *олух Царя Небесного*, в русском языке распространены выражения *валять ваньку*

и *валять дурака*. В принципе их можно было бы объединить в одно: «валять ваньку-дурака», настолько они связаны одной смысловой ниточкой. В народной речи можно найти и их варианты — *валять дуру, строить из себя Ивана, Аноху строить*. А в украинских говорах Ваньку даже величают «по-батюшке»: *корчити Ivana Ivanовича*. Впрочем, от такого «уважения» смысл выражения не меняется.

Нужно сказать, что значений у этого сочетания немало: 'поступить не так, как следует', 'сделать глупость', 'шутить, дурачиться', 'делать глупости, плошать', 'притворяться глупым', 'обманывать', 'оттягивать время'. Почётное место среди них занимает интересующее нас значение — 'бездельничать, праздничать, проводить время'. Особенно распространено оно в народной речи. *А здесь-то, на огороде, и ваньку свалышишь*, — говорила одна старушка из деревни Ремда Псковской области, рассказывая о том, что полевая работа гораздо труднее спокойного копания в огороде.

Как же объединить столь разные значения фразеологизмов *валять дурака, валять ваньку* как 'бездельничать' и 'дурачиться, паясничать'? Если бы мы попытались вывести их из одного источника — сказки об Иванушке-дурачке, то совершили бы ошибку. Ведь ни ленивый Иванушка, ни энергичный Иван-царевич не ломались и не корчили из себя дураков.

Вероятно, значения 'паясничать, дурачиться', 'шутить', 'притворяться глупым', 'поступать не так, как следует', для оборота *валять дурака* не исконные. Эти значения оборот вобрал лишь после формального сближения с сочетаниями типа *ломать, корчить, строить, разыгрывать* (из себя) *шута, паяца, клоуна, скомороха*.

Весьма показательны, что до сих пор сочетание *валять дурака* в значении 'бездельничать' почти не допускает замены глагола *валять* другими глаголами — типа *корчить, ломать* и т. д.

Такое смешение двух фразеологизмов в один довольно часто случается в разговорной речи. В потоке речи, например, мы создаем из сочетаний *играть роль* и *иметь значение* их гибрид — «играть значение». Подобные фразеологические ошибки называются лингвистами контаминацией, в переводе с латыни «загрязнение». Значения оборота *валять дурака (ваньку)*, не связанные с ленью, — результат такого языкового «загрязнения», которое узаконилось в литературном языке.

ПОЛЕЗНА ЛИ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БЕЗДЕЛЬНИКОВ?

Баклуши — самый небьющийся товар

Синонимы *валять ваньку* и *валять дурака* — лишь крупница фразеологической группы со значением 'бездельничать'. Их нельзя даже назвать очень употребительными членами этой группы; контаминация с сочетаниями типа *ломать шуты* лишила их однозначности, и «шутовские» значения вытесняют «бездельничьи».

Иное дело *бить баклуши*. Это выражение можно смело назвать королём синонимического ряда 'бездельничать'. Оно однозначно и не скомпрометировано никакими контаминациями. Его популярность обеспечила сохранение диалектного слова *баклуши* 'осиновый чурбачок для изготовления мелких щепных изделий' (ложек, поварёшек и т. п.) в литературном языке.

Большинство русских знает слово *баклуша* именно потому, что этимология выражения *бить баклуши* активно пропагандируется более 100 лет. Её можно найти и в серьёзных, научных трудах, и в учебниках, и в научно-популярных брошюрах, и в толковых словарях, и в отрывных календарях.

Она ведёт своё начало от словаря В. И. Даля, который и связал выражение *бить баклуши* с процессом раскалывания заготовок для деревянной посуды.

Мотивировкой переноса этого первичного, «профессионального» значения было, по В. И. Далю, 'делать несложное, примитивное по технологии дело'.

Далевская этимология подкрепляется материалами народных говоров, где для сочетания *бить баклуши* действительно находили значение «раскалывать чурки». Битьё баклуш отразил и А. Н. Толстой в своей переработке народной сказки «Водяной», обыграв прямое и переносное значения этого сочетания.

— А что ты делать умеешь?

— Не учёные мы, батюшка водяной, только баклуши и бьём.

— Хорошо, — говорит водяной, — бей баклуши... — и ушёл. Стал мужик из осиновых чурбанов баклуши бить. Много набил, целую кучу. Пришёл водяной и удивился:

— Ты что это вытворяешь?

— Баклуши бью, как вы приказали.

— А на что мне баклуши?

Почесал мужик спину:

— Ложки из них делать.

Несомненно, и В. И. Даль отразил эту известную в народе связь немудрёного процесса раскалывания чурок с ничегонеделанием. Эта связь кажется вполне

логичной, тем более что в сфере фразеологии профессиональная лексика занимает почётное место.

Стоит ли удивляться, что эта этимология была принята как аксиома, и историки языка лишь подыскивали дополнительные аргументы в её пользу? Аргументы искали прежде всего в этнографических источниках: русский этнограф С. В. Максимов, например, оставил в связи с историей этого выражения исчерпывающее описание приготовления деревянных заготовок из осиновых пней.

И всё-таки когда задумываешься над внутренним смыслом этого выражения, то возникает сомнение. Почему всё же занятие таким нужным и полезным делом, как заготовление чурок для производства посуды, стало синонимом безделья? Пусть это дело и несложно, пусть оно и не требует затраты большого труда, но без него производство ложек было бы совершенно невозможным, как и любое производство без сырьевой базы.

Но сомнение — не доказательство. Тем более сомнение по поводу этимологии, которая в течение полутора сотен лет считается несомненной. Если внутренняя логика выражения *бить баклуши* действительно хромает, то это необходимо подтвердить фактами.

Этнографический факт — факт изготовления баклуш — неоспорим и свидетельствует лишь в пользу традиционной этимологии. Поэтому остаётся прибегнуть в первую очередь к фактам лингвистическим, к фактам языка.

Бить баклуши или бить лягушек?

Лингвистический аргумент для этимолога — это наличие целого ряда аналогичных языковых явлений,

моделей, по которым образовано слово или выражение. Именно наличие модели *разбить в щепки, в куски* и т. п. привело нас в первой главе к раскрытию этимологии сочтения *разбить вдребезги*.

В формальном отношении оборот *бить баклуши* вполне может соответствовать традиционной этимологической трактовке: *бить* в значении 'раскалывать, раздроблять', 'изготавливать что-либо' очень широко известно в народном языке, так же как и слово *баклуши* 'деревянные чурки'

Но такой формальный подход, убедительный, как правило, при аргументации этимологии слова, далеко не всегда оправдывает себя при анализе происхождения фразеологизма. Вот один из народных синонимов выражения *бить баклуши* — *бить лягушек* 'вести праздный образ жизни', записанный в 1904 г. в Курской губернии.

Если мы подойдём к этимологии этого оборота формально, то *бить лягушек* покажется вполне самостоятельным и внутренне оправданным сложением слов *бить* и *лягушка*. Действительно, трудно найти более бесполезное занятие, чем истребление лягушек.

Однако языковая интуиция подскажет нам, что здесь что-то не так. Больно близко по звучанию выражение *бить лягушек* к *бить баклуши*. Но как аргументировано доказать, что *бить лягушек* — лишь индивидуальное преобразование широко распространённого *бить баклуши*? Фонетическая и словообразовательная модели тут бессильны: *лягушку* не решится связать с *баклушей* даже самый бесстрашный этимолог — эти слова явно не укладываются в чётко разработанные лингвистами законы языковых соответствий.

Остаётся лишь смысловая, семантическая модель. И действительно, мы переросм все русские и славянские диалектные словари, но ни в одном из них не встретим в образном употреблении слова со значением 'лягушка' в сочетании с глаголом *бить*.

Конечно, в этих и подобных случаях смысловая модель не является единственным критерием отделения варианта фразеологизма от основного, исходного выражения. На помощь приходят и широта распространения такого варианта, которая для *бить лягушек*, например, замыкается единственным курским примером, и его формальное подобие источнику, и возможность его истолкования на основе сложения слов, составляющих этот вариантный фразеологизм. И всё-таки именно семантическая модель, и прежде всего семантическая модель, может быть названа самым убедительным критерием правдоподобности этимологической гипотезы в отношении фразеологизмов.

Взглянем же с этой точки зрения и на этимологию выражения *бить баклуши*.

Действительно, чтобы полностью доказать традиционную этимологию выражения *бить баклуши*, необходимо убедиться, что название полезной деятельности могло стать символом безделья. Для этого придётся привлечь массу русских выражений со значением 'бездельничать' и раскрыть их первичную мотивировку — словом, выявить типичные семантические модели этого фразеологического ряда.

Ничегонеделание, или *dolce far niente*

Конечно, самым естественным способом убить время для лентяя является ничегонеделание. Однако признак абсолютного безделья отразился лишь в не-

многих русских фразеологизмах; *палец о палец не ударить; и пальцем не погнуть; не знать, куда себя девать*. Характерно, что все они отталкиваются от какой-то пусть незначительной, но «деятельности». Не случайно «шевеление пальцами» стало одной из основных мотивировок для обозначения безделья в английском, французском и немецком языках: *to twiddle one's thumbs, se tourner les pouces, die Daumen drehen*, что буквально означает 'вращать большими пальцами'

Та же мотивировка известна и русскому народному языку: сборник пословиц В. И. Даля включает выражение *играть в переборочку*, которое и в прямом и в переносном значении полностью соответствует французскому и английскому.

Французский и английский обороты и русское *играть в переборочку* образовались независимо друг от друга, самостоятельно. А вот слово *ничегонеделание*, хотя и состоит из русских корней, всё-таки является заимствованием. Это калька, точный перевод итальянских выражений *far niente, dolce far niente*. Буквально они и означают 'ничегонеделание', 'приятное (буквально: сладкое) ничегонеделание'. Именно в таком значении употребляет итальянское сочетание А. С. Пушкин:

Досугом посвящаться невинным,
Брожу над озером пустынным,
И *far niente* мой закон.

«Евгений Онегин»

Абсолютное безделье для привыкших к постоянному труду крестьян означало полную непригодность к жизни.

На Урале ленивого человека называют довольно странно: *ни пїжси, ни єжси*. Диалектолог В. Ф. Житников раскрыл вполне прозаический смысл этого загадочного выражения: *єжа* — слово, образованное от глагола *есть*, *пїжса* — от *пить*. Буквальное значение этого выражения — 'ни питья, ни еды'. Словом, лентяй, который не способен заработать себе даже на пропитание. Любопытную параллель этого уральского выражения представляет болгарское слово *нехранимайка* 'лентяй'. Его буквальное значение 'человек, не способный прокормить даже свою мать'.

Неспособность и непригодность даже к самому простому делу отражается и в таких фразеологических синонимах, как *не пришей кобыле хвост, ни пришей ни пристегни, ни тпру ни ну*.

В славянских языках можно найти немало оборотов, построенных по данной модели. Вспомним один из них — украинское *ні до холодної води*, которое переводится примерно так: 'лучше умереть от жажды, чем двинуться к колодезю'. Трудно придумать более яркую мотивировку абсолютного безделья.

Итак, первая семантическая модель этого фразеологического ряда — абсолютно ничего не делать.

Ферты, фетюки и гоголи

Одной из самых образных мотивировок «ничего неделания» является поза лентяев, сидение или стояние со сложенными руками. Эта поза роднит бездельников многих народов. Так, русскому выражению *сидеть сложа руки* почти дословно соответствуют, например, английское *to fold one's hands* (буквально 'сложить руки'), немецкое *die Hände in den*

Schoß legen 'сложить руки на животе', французское se croiser les bras 'скрестить руки', испанское estar con manos cruzadas, estar con mano sobre mano 'быть со скрещёнными руками, с рукой на руке'.

Сидеть поджав руки, руки склавили, поджавши руки — всё это диалектные варианты литературного выражения *сидеть сложа руки. Раз не работает, так гультяйка, сидит руки сощативши* — так судачат женщины на Псковщине. И это *руки сощативши* — также один из вариантов международной позы лентяев.

Кстати, от нее отталкивается и «трудовое» выражение *работать не покладая рук*, включающее один из народных вариантов глагола *класть* 'складывать' *Сложенные руки дали и образный оборот сидеть Богородицей*, который можно услышать в северных областях России.

Не менее интернациональна и другая излюбленная поза лентяев — руки, засунутые в карманы. 'Совать руки в карманы' (нем. die Hände in die Taschen stecken; фр. avoir les mains dans les poches) для немцев и французов, например, то же, что для русских *бить баклуши*.

Одно из типичных положений лентяя — *руки в боки, глаза в потолоки*. Если эта поговорка ясна без комментария, то выражение *стоять фертом*, тесно связанное с этой же позой, понятно лишь тем, кто знает, что *ферт* — это церковно-славянское название буквы Ф, которая и впрямь похожа на подбоченившегося человека. *Стоять фертом* и означает 'стоять, уперев руки в боки' Не случайно у Ф. М. Достоевского и *фертом*, и *руки в боки* встречаются в одном предложении: *Руки в боки, взгляд с задором, смотрим фертом, — смотрим да только поплёвываем* («Идиот»),

И в язвительной народной песне о Наполеоне когда-то пели: *Там я [Наполеон] барыней пройдуся, фертом в боки подопрюся.*

И ещё с одной буквой, ныне вышедшей из употребления, связано другое нелестное прозвище — *фетюк*.

Помните, как в «Мёртвых душах» Ноздрёв всё удерживал возле себя безвольного зятя, то и дело порывавшегося вернуться домой, к жене?

— Пусть его едет, что в нём проку! — сказал тихо Чичиков Ноздрёву.

— А и вправду! — сказал Ноздрёв, — смерть не люблю таких растепелей! — и прибавил вслух: — Ну, чёрт с тобою, поезжай бабиться с женою, фетюк!

— Нет, брат, ты не ругай меня фетюком, — отвечал зять, — я ей жизнью обязан.

Гоголь сам разъяснил читателю этимологию «обидного для мужчины» слова *фетюк*, которое «происходит от фиты, буквы, почитаемой некоторыми неприличною буквою». Почему именно эта церковнославянская буква — *ѳ* — стала «неприличною», объясняет факт, что она была своего рода «синонимом» *ферта* в словах греческого происхождения. Не напрасно другой оскорбительный синоним от этой буквы — *фэфёла* 'простофиля, разиня' В. И. Даль определяет и как 'растопыря'. Да и писатели — знатоки народного языка — употребляли слово *фетюк* как синоним лентяя. *Он называет вас рохлей, фетюком, лежебоком* (Д. В. Григорович).

Позу бездельника в народе передают и другим сочетанием — *ходить гоголем*: *гоголь* — человек *форсистый, ходит гоголем, старается высоко держать*

голову. Но это человек пустой (Гдовский район Псковской области). Примерно в таком же употреблении это выражение вошло и в литературный язык. О том, что и эта горделивая поза свойственна обычно бездельникам, говорит то, что *гоголь* в русских говорах может обозначать и лодыря, и пьяницу, а образованный от этого слова глагол *гогольничать* — это синоним глагола *бездельничать*. Эти слова и выражения образованы от названия дикой утки, которая действительно плывёт, молодцевато вскинув голову. В одной из народных песен так и поётся:

По речончке гоголюшка плывёт,
Выше бережка головушку несёт.

К выражениям, внутренняя мотивировка которых основана на описании позы лентяя в широком понимании этого слова, относятся и такие, как *плевать в потолок*, *разевать рот* или *стоять с разинутым ртом* (ср. *разиня*), *развесить уши*, *ковырять в носу*, *трясти лбом* (ср. *лоботряс*), диалектные *лежать за солнцем*, *лежать в тени* (ср. *прохлаждаться*), *лежачью лежать*, *лежать на печи*, *лежать на боку*. Последние выражения породили один из самых употребительных синонимов русского слова *лентяй* — *лежебока*.

Нынешние лежебоки пролеживают свои бока не на русских печах, как некогда, а на современных диванах:

Я хочу вам рассказать
Об Иван Иваныче.
Ох, любил же он поспать
На Диван Диваныче!
Расставаться не хотел

Он с Диван Диванычем.
Тот и охал, и кряхтел
Под Иван Иwanyчем.

С. Погореловский.
«Случай с лежбежкой»

Но на чём бы лежбежка ни лежал, поза его от этого не меняется.

Отсюда вторая семантическая модель этого фразеологического ряда — принимать позу, которая не позволяет что-либо делать.

«Жесты» языка

Если руки бездельников предпочитают состояние покоя, то языки их почти всегда в движении. Характеристику этого движения ярко передают русские глаголы *болтать*, *трепать*, *молоть*. Значение 'празднословить' эти глаголы получили благодаря устойчивой сочетаемости со словом *язык*, которая до сих пор сохраняется.

Интересно отметить, что от частого употребления обороты *болтать языком*, *трепать языком* и *молоть языком* утратили второй компонент. Такой утраты пока не произошло для разговорных выражений *чесать* и *мозолить язык*.

В народной речи слово *язык* очень активно соединяется с глаголами, отражающими различные типы движения языка у болтуна.

Ванце у нас язык такой, кто как может, тот так и ворочает, — говорит старик из Великолукского района. *Язык ворочает* здесь 'болтает' Это значение для глагола *ворочать(ся)* в сочетании со словом *язык*

сохранили и русские пословицы: *Язык без костей, во все стороны ворочается; Язык ворочается, говорить хочется*. Не менее точны глаголы *играть* и *щёлкать*, употребляемые в пословицах в таком же значении: *Языком играй, а рукам воли не давай; Языком и шипи, и щёлкай, а руку за пазухой держи*. На Псковщине не редкость и сочетания *шлёпать языком* и *метаться языком*, также означающие 'празднословить'.

Ещё ярче сочетания *бить* и *лопать языком*, записанные в псковских говорах: *Только языком бьют, только языком лопают, до чего договорились — что люди в последние годы будут полуголые ходить, а взрослый будет глупее младенца*.

А поскольку сочетание *бить языком* в народных говорах — один из самых употребительных синонимов глагола *празднословить*, то и со словом *бить* произошло то же, что и с *болтать*. Оно может употребляться в этом значении и без компонента *язык*.

— *У нево в кладовке десять ящичков водки*.

— *А, не бей* (Порховский район Псковской области).

Глаголы *болтать*, *трепать*, *молоть*, *бить* получили новое значение благодаря фразеологическому употреблению. Но их фразеологическое развитие продолжается. Так, глагол *болтать* 'празднословить' становится основой для сочетания *болтать пустое*, от которого образуются экспрессивные сложные слова *пустоболт*, *пустоболтунство*: *Из моих товарищей двое занимали даже видные государственные посты, но... сановники сии были прохвосты, хапуги, пустоболты* (С. Н. Сергеев-Ценский. Лерик).

Русский язык накопил немало острых и точных фразеологических синонимов «пустоболтунства»:

переливать из пустого в порожнее, лить воду, точить лясы и балясы, травить баланду, гнуть бильдюгу, разводить балагуры, разводить бобы, разводить бодягу, разводить вавилоны, разводить разводы, вертеть вола (за хвост), городить ерунду, молоть и нести чушь, городить вздор, растёгивать рот... Каждое из этих выражений имеет увлекательную и запутанную историю в русском языке. Но рассказывать эти истории в главе о «деятельности» бездельников не следует: ведь это уже история болтунов, а не лодырей в собственном смысле слова. Для нас важно, что в «активную деятельность» бездельников входит и пустословие, что одной из семантических моделей образования фразеологизмов со значением 'бездельничать' является 'болтать' → 'бездельничать'. Не случайно одно из диалектных производных слова *язык* — *язынить* обозначает и 'болтать, пустословить', и 'стоять разинув рот', т. е. 'бездельничать'.

Итак, третья семантическая модель — болтать, празднословить.

Сизифовы труды и афинские совы

Мало кто не слышал выражения *сизифов труд*. Оно означает тяжёлую, бесконечную и в то же время бесплодную работу. За оскорбление богов и другие неугодные богам проделки, о которых вы узнаете в пятой главе, Зевс осудил Сизифа на вечные муки. Вот как эти муки описывает Гомер в «Одиссее»:

Видел я также Сизифа, казнимого страшною казнию:
Тяжкий камень снизу обеими влѣк он руками
В гору; напрягши мышцы, ногами в землю упёршись,
Камень двигал он вверх; но едва достигал до вершины

С тяжкой ношей, назад устремлённый невидимой силой,
Вниз по горе на равнину катился обманчивый камень.
Снова силился вдвинуть тяжесть он, мышцы напрягши.
Тело в поту, голова вся покрытая чёрною пылью.

(Пер. В. А. Жуковского)

«Труды», на которые осудил народный язык лентяев, столь же бессмысленны и бесплодны, хотя и не столь мучительны. Они *толкуют воду в ступе, носят её решето* или *переливают из пустого в порожнее*. Они *строят замки* из такого ненадёжного материала, как *воздух*, и на таком ненадёжном фундаменте, как *песок*. Они *считают* или *ловят ворон и галок*, а уж если начинают что-нибудь *искать*, то предметом поисков оказывается *вчерашний день*. Пока одни из них *гоняются за ветром* (слово *ветрогон* — отпечаток этого фразеологизма), другие терпеливо *дожидаются у моря погоды*.

Некоторые выражения, обозначающие лентяев в других европейских языках, также подчёркивают бесплодность и бессмысленность их «деятельности». Так, английское *to carry coals to Newcastle* — это *возить уголь в Ньюкасл* (центр угольной промышленности!); есть также *to carry leaves to the wood* (носить листья в лес). Итальянцы говорят о бессмысленной работе: *portare i cavoli a Legnaia*, буквально *носить капусту в дровяной сарай*.

Под стать им и другие европейские «любители» бессмысленной работы: немцы носят воду в колодец (*Wasser in den Brunnen tragen*) или даже в море (нижненемецкое *Water in de See dragen*). Итальянцы, испанцы и французы также занимаются ношением или наливанием воды в море (итальянское *portar*

acqua al mare, испанское echar agua en el mar, французское porter de l'eau à la mer). Одним из любимых занятий, объединяющих древнеримских, немецких, итальянских и испанских «праздношатов», является ношение дров в лес (латинское in silvam ligna ferre, немецкое Holz in den Wald tragen, итальянское portare legna al bosco, испанское llevar leña al monte).

Самым поэтичным из подобных выражений, однако, нужно признать древнегреческое *носить сов в Афины*, которое через латынь вошло во многие европейские языки, в частности в английский (to bring owls to Athens). Чтобы понять его мотивировку, нужно знать, что в Древней Греции сова считалась птицей мудрой и не случайно была избрана атрибутом богини мудрости Минервы. Из любви к богине афиняне не трогали этих птиц, потому сов в Афинах было больше, чем в каком-либо другом греческом городе. «Нести в Афины сов» — то же, что носить воду в море или возить дрова в лес.

Небокоптителы, бирюльщики и продавцы слонов

Но вернёмся к русским непрактичным лентяям. Происхождение большинства выражений этой группы не вызывает споров. Мотивировка приведённых выше фразеологизмов понятна без комментариев, хотя, как правило, это лишь осколки пословиц или притч, некогда известных в народе.

Так, фразеологизм *небо коптить* и слово *небокопнитель* — результат постепенного усечения пословицы *Без дела жить, только небо коптить*. В. И. Даль записал более пространственные варианты этого фразеологизма: *он живёт — только небо коптит*;

у Бога небо коптит, у царя земного землю топчет и живёт, хлеб жуёт, небо коптит да Бога гневит. В основе выражения *небо коптит* лежит, вероятно, противопоставление настоящей жизни — горения — тусклому и смрадному тлению.

Происхождение же сочтения *играть в бирюльки* можно раскрыть, лишь усвоив правила этой игры. На стол насыпают кучу ровно нарезанных соломинок или мелких деревянных палочек. Играющие должны разобрать эти бирюльки по одной, не рассыпая кучи. Отсюда и переносное значение: *играть в бирюльки* 'заниматься пустяками'.

В бирюльки играют и по-другому. Вот запись 1856 г. из пермских говоров: *У нас Егорушка уже говорит: тятя, мама, и бирюльки сказывает: «Ну-ко, Егорушко, бирюльки! бирюльки! Брили, брилл, брилли!»* Игра в такие бирюльки, или в бирюльню, заключалась в том, что взрослые ударяли по губам пальцами, произнося при этом «бирь-бирь-бирь!», а затем отдергивали руку и подносили её ребёнку, говоря: «Нá бирюльню!»

Название последней игры было порождено звуковым подобием междометия *бирь-бирь-бирь* со словом *бирюлька*, которое в говорах значит 'мелкая детская игрушка'

Ещё более случайному звуковому совпадению обязано рождение выражений *слонов слонять* и *слонов продавать*, имеющих значение 'бездельничать'. Именно так их употребляет, например, Н. С. Лесков:

Я раскис и ошалел, да слоны слонял по Москве, а он как ни в чём не бывало, и ещё все дела за меня переделал («Смех и горе»).

На первый взгляд может показаться, что мотивировка выражений *слонов слонять* или *продавать* в какой-то степени оправдана бессмысленностью такого занятия. Более того, можно даже найти какие-то «животные» параллели подобного типа: русское *собак гонять*, чешское *pást mravence* 'муравьёв пасти'.

Но значение выражений 'бродить без дела, шляться, шататься', на которое опирается более общее представление о безделье, ясно указывает на их связь с глаголом *слоняться*. Этот глагол родственен слову *клонить*, хорошо мотивирующему значение 'шататься из угла в угол'. Кстати сказать, глагол *шататься* не только развивает те же значения, что и *слоняться*, но и даёт фразеологизмы, подобные *слонов слонять* и *слонов продавать*. *Продавать шаты* или *шатни*, по определению В. И. Даля, означает 'повесничать, слоняясь'. А в Нижегородской области записано выражение, где этот корень обыгран как собственное имя: *работать в бригаде Ваньки Шаталова* 'бездельничать'

Словом, слон в выражениях *слоны*, *слонять* и *слоны продавать* имеет такое же отношение к настоящему слону, как дрозд в обороте *дать дрозда* к дрозду.

Мотивировки фразеологизмов, обозначающих «деятельность» бездельников, могут быть и ещё более разнообразны и индивидуальны. Вот несколько примеров из чешской фразеологии в буквальном переводе: 'пасёт грибы', 'ходит из пустого в порожнее', 'сушит зубы на солнце', 'сшивает углы комнаты', 'смотрит или стреляет Господу Богу в окна', 'тоняет в поле ветер'

Следовательно, четвертая семантическая модель — заниматься бесполезной и бесплодной деятельностью.

КАКИЕ ЖЕ БАКЛУШИ БЬЮТ БЕЗДЕЛЬНИКИ?

Итак, подробный разбор литературных и диалектных фразеологизмов со значением 'бездельничать' показывает, что их внутреннее содержание укладывается в 4 основные модели:

- 1) абсолютно ничего не делать;
- 2) принимать позу, которая не позволяет что-либо делать;
- 3) болтать, празднословить;
- 4) заниматься бесполезной и бесплодной «деятельностью».

Выходит, в длинном ряду фразеологических единиц со значением 'бездельничать' нет места мотивировке 'заниматься пусть пустяковым, но полезным делом'. Этот лингвистический факт заставляет уже серьёзно усомниться в верности традиционной этимологии оборота *бить баклуши*.

Посмотрим, нет ли возможностей объяснить это выражение, не выходя за пределы выявленных семантических моделей. Нет ли в народном языке для слова *баклуша* других, не имеющих «трудовой» окраски значений?

«Словарь русских народных говоров» регистрирует 14 значений этого слова. Одно из них — 'круглая, толщиной в вершок осиновая палочка длиной в 6–7 вершков для игры в бабки на льду'. Это значение *баклуши* записано в тобольских говорах. Оно — естественное развитие самого распространённого в народной речи значения слова *баклуша* 'деревянная чурка, палка, болванка'.

Слово *баклуша* 'палочка для игры в бабки' было, по-видимому, широко известно русским диалектам. Не случайно уменьшительные формы этого слова — *баклушка* и *баклашка* — записаны уральскими диа-

лектологами именно в «игровом» значении: *Робята баклашками играют весь день*. В пермских говорах *баклушка* — это деревянная чурочка для игры в городки.

Итак, *бить баклуши* — это сбивать деревянной чуркой бабки или городки. Такая мотивировка вполне соответствует 4-й семантической модели, в которую входит и такой «игровой» фразеологизм, как *играть в бирюльки*.

Эта этимологическая гипотеза подтверждается частой сочетаемостью слов, обозначающих бабки или городки, с глаголами *бить, сбивать, шибить* и т. п. А названий для игры в бабки, городки или чижики в русских говорах бесчисленное множество: *айч, айдан, айданчик, альдужки, аланки, альчи, альчики, андроны, бабайки, бабейки, баски, барышни, бежни, битки, битовухи, бойки, клетни, козеи, козлоки, козони, козны, казанки, козоты, костыги, лодыги, косыги, рюхи, рюшки, свинки, хрули, хрульки, чурки, чижки, чижики, чирки, чурки, чураки, чухи, шарки, шелыги, шляки, шкули, шашки, шабалы, шабалки, шлюхи* и др.

Такому изобилию удивляться не приходится: ведь бабки, городки и игра в мяч были некогда любимой забавой деревенской молодёжи.

Игры эти были незамысловаты. При игре в бабки побеждал тот, кто выбивал из кона больше всего бабок — коротких костяшек (суставов ног лошади, свиньи и других домашних животных). При игре в городки из кона выбивались города, т. е. разные фигуры, складываемые из деревянных чурок. Игра в чижа заключалась в том, что по чурке, заострённой с двух сторон, — чижу (шляку, чирку, чурку, бидону или клепню) — били палкой, подбрасывая его вверх и с силой отбивая как можно дальше.

Везде, как видим, глагол *бить* не только логично сочетается с игровой терминологией, но и является неизменным условием самой игры. *Рюхи ставили городám, так десять штук али пятнадцать, и палкой бьют, промажешь али не промажешь* (Гдовский район) — такие контексты можно записать почти для каждого из приведённых выше названий.

Вполне естественно, что *бить бабки, городки* или *чижи* отнюдь не считалось занятием почётным. Эта игра, как и бирюльки, была лишь одним из способов бессмысленного проведения времени. Оттенок неодобрения сквозит во многих контекстах, описывающих эти игры. *Целый день гонял шалугу* — говорит презрительно старик о молодом парне в деревне Борисово на Псковщине. *Шалуга* — это самодельный мяч, сделанный из лыка и набитый тряпками, который обычно гоняли во время масленицы.

Бабки и беньки

Один из самых убедительных аргументов предлагаемой этимологии *бить баклуши* — наличие целого ряда диалектных сочетаний, которые являются синонимами глагола 'бездельничать' и в то же время, бесспорно, сохраняют мотивировку 'играть в бабки', 'играть в городки' и т. п.

В барнаульских говорах известно выражение *бабки шишать* 'жить мелким заработком' и очень близко по значению к 'бездельничать' *любител бабки шишать, работать-то неохота*. А слово *бабки* в значении 'деньги' сейчас получило широкое распространение в жаргоне, где оно стало синонимом американизма *баксы*.

Точно такую же конструкцию имеет и выражение *шашки шибить*, записанное в деревне Васильевщина на Псковщине. Его значение — ‘заниматься нструдным делом, отлынивать от тяжёлой работы’ Следует лишь добавить, что *шашки* во многих русских говорах означают именно ‘бабки’ и другого рода игральные кости.

В донских говорах записано выражение *сбивать шибалки*. Значит оно то же, что и *бить баклуши*. Нет сомнений в его связи с диалектным *шибалка* ‘битка, биток при игре в бабки’

Слово *балда* во многих говорах имеет значение ‘палка’. Вполне вероятно, что и это слово в говорах использовалось как одно из названий для городков. Так, например, «городошное» значение слова *балда* сохраняют калужские говоры, где *бить балды* означает ‘бездельничать, зря тратить время, пустословить’. В вятских диалектах известен и глагол *балдить* ‘бездельничать’, который, наверное, связан с этим выражением.

Глагол *бенить* ‘ударить мячом в игрока’ (при игре в мяч), записанный под Вологдой, ещё не развил значения ‘бездельничать’, которое имеет глагол *балдить*. Но он чрезвычайно важен для объяснения южнорусского выражения *беньки бить* ‘бездельничать’. Этот глагол позволяет реконструировать для слова *бенька* значение ‘мячик для игры в шарок’.

Сачки и шахматы

Говоря о глаголах со значениями ‘бездельничать’ и ‘играть в какую-нибудь игру’, нельзя не вспомнить о слове, которое не вошло ни в один словарь литератур-

ного языка, но тем не менее живёт активной жизнью в нашей речи. Это слово *сачковать*. В студенческой среде это слово специализировалось и обозначает 'прогуливать занятия'. Существительное же *сачок* стало синонимом прогульщика.

Известно, что эти слова распространены и у моряков. По «морской» версии, раньше в носовой части палубы на парусных кораблях (на баке) стояли бочки с водой, фитили и *сак* — элемент якорного устройства. *Сак* — брезентовый мешок — предохранял деревянный борт судна от трения якорной цепи. Курить разрешалось только на баке, и место это называлось «у сака». Поэтому тот, кто там курил, *саковал*. Отсюда и *сачок*, т. е. человек, который часто ходит покурить «к саку».

Но эта история лишь одна из остроумных выдумок любящих «потравить баланду» моряков. Дофразаологическую биографию этого слова хранят всё те же «сухопутные» архивы народных говоров, значительно удалённых от морских просторов. В шуйских диалектах *сачок* — это отчаянный человек, вор. Как 'жулик, пройдоха' слово *сачок* известно и пензенским говорам. Там же знают его и в значении 'хитрый лентяй': *Сачок ты, а не работник, тебе только с большой ложкой быть за столом.*

Гораздо шире, однако, слова *сачок*, *сак*, *сака*, *сочка* известны русским говорам в другом значении: 'бабка', 'положение бабки спинкой кверху', 'чурбанчик, которым играют в рюхи'. Глагол *сакать* в томских говорах обозначает 'бросать биток, бабку, чтобы он принял положение саки' или 'играть в игру, называемую «в сачки»'.

Эта игра — одна из древнейших разновидностей игры в бабки на Руси. Но первоначальное значение слова *sak* на Руси — не 'бабка', а 'шахматы'. Поэтому в старых источниках оно употребляется лишь во множественном числе. Слово восходит к латинскому *scachus*, которое встречается уже в старейших католических книгах. У католиков есть даже свой покровитель шахмат — святой Пётр Дамиан, который якобы ещё 900 лет назад сыграл первую партию в шахматы. Родина шахмат, однако, Индия.

Вместе с католицизмом слово *scachus*, как и сама игра, попало в Польшу. Там его читали и как *sakus*, и как *шахус*. До сих пор ещё в польских диалектах есть слово *saki* — название дощечки, обрезанной наискосок, которую употребляют в одной из народных игр.

Это польское слово, ещё в «шахматном» значении, и было заимствовано древнерусским языком. Игра в саки понравилась боярской знати. Русский историк и археолог Иван Егорович Забелин, описывая домашний быт русских в XVI и XVII вв., называет её в числе «обыкновенных и самых любимых развлечений государя».

Зная, что название шашек в народной речи быстро превратилось в название бабок, мы не очень удивимся такому же «освоению» *саки* в говорах. Став бабочным термином, слово *sak* вновь получило право употребляться в единственном числе.

Основная тенденция пересмысления бабочных и городошных терминов в атрибуты безделья предполагает сочетания их с глаголом *бить*. И действительно, такое сочетание — *бить сачка* — записано диалектологами из Петербургского университета в деревне Филатова Гора, близ Пскова. Его значение — 'лентяйничать'

Вряд ли моряки, ознакомившись с русскими диалектными словами *сак*, *сачок* и целым рядом глаголов, развившихся по линии 'играть в бабки, городки' и т. д. 'бездельничать', будут продолжать отстаивать свой приоритет в «сачковании». Для этого им пришлось бы доказывать наличие модели 'курить у сака' → 'сачковать', 'курить у бака' → 'баковать', 'курить у носа' → 'носовать' и т. д. Всё-таки первыми «сачками» были русские цари, любившие позабавиться игрой в саки-шахматы, и деревенские бабочники и баклушечники.

Каких собак гоняют лентяи?

Помните, как беззаботно проводил свою юность герой «Капитанской дочки»? *Я жил недорослем, гоня голубей и играя в чехарду с дворовыми мальчишками*, — вспоминает он. Хотя мы и понимаем, что ничего полезного в это время Гринёв не делал, но тем не менее вряд ли кто из нас осудит его за такие обычные для мальчишки занятия. А Пушкин, как мы знаем, относился к своему герою с большой симпатией.

Теперь попробуем сами рассказать о геросе, заменив в пушкинской фразе несколько слов: *Он жил недорослем, гоня собак и играя в бирюльки...* Симпатичный подросток сразу превратился в бездельника, о котором мы говорим с явным осуждением. Именно такими словами Тит Титыч из пьесы А. Н. Островского «Тяжёлые дни» ругает сверстника Гринёва: *Слушай ты, Андрюшка! Будет тебе по Москве-то собак гонять!.. Пора тебе, дураку, за ум браться!*

Сравнивая выражения *гонять голубей* и *гонять собак*, мы чувствуем, что, несмотря на грамматическое сходство, они всё же несопоставимы. Почему *гонять собак* синонимично выражению *бить баклуши*, а го-

нять голубей нет? Почему именно собака выбрана в качестве животного, гоняемого бездельниками?

Такие вопросы невольно возникают, когда пытаешься объяснить выражение *гонять собак*. На первый взгляд мотивировка его вполне логична: гонка собак не менее пустое занятие, чем игра в бирюльки или битёе баклуш.

Настораживает, однако, синтаксическое «одиночество» этого выражения: с глаголом *гонять* сочетаются всего два слова — *собака* и *лодырь*.

Фразеологизм *гонять лодыря* некоторые лингвисты объясняют исторически. Рассказывают, что в первой половине прошлого века в Москве стоял дом с большим садом, в котором жил врач Лодер. Он лечил своих больных — страдающих ожирением московских богачей — минеральными водами и прогулками по саду. От заведения Лодера, «гонявшего» бездельников, якобы и пошло выражение *гонять лодыря*.

Верно или не верно это анекдотическое объяснение, судить трудно, потому что ни исторические источники, ни народная речь не дают достаточного материала, чтобы проверить эту этимологическую версию. Но зато разговоры дают возможность отделить сочетание *гонять собак* от выражения *гонять лодыря*.

Дело в том, что в псковских говорах слово *собака* сочетается с уже знакомым нам глаголом *бить*. И контекст этого сочетания подозрительно похож на контексты оборотов *бить баклуши*, *бить балды*, *бить беньки* и т. д.: *Ребята ни хочут подсобить, им только собак бить* (Холмский район).

Заглянем-ка снова в словарь В. И. Даля. Оказывается, одним из значений слова *собака* в северно-русских говорах может быть и 'палка, коею го-

няют сучку, т. е. шар в игре'. Вот где собака зарыта! Оказывается, *гонять собак* — это примерно то же, что *гонять шельгу*, *гонять футбольный мяч* или *гонять шары*. Ведь глагол *гонять* сочетается с названиями бабок, городков, шаров и т. д. не менее активно, чем глаголы со значением 'бить'. *Гонять, гнать* или *гонить* на языке бабочников и городошников означают 'кидать битки'. Один из видов игры в деревянный шар, который гоняют палками, «в честь» этого глагола даже называют *гонками*.

Слово же *собака*, вероятно, попало в круг названий игр по аналогии с другими «животными». *Свинка, чиж, козелок* — названия бабок — не требуют комментариев, а *рюха, рюшки* и *чушки* — это те же свинки и в бабочном, и в «животном» значении. Вполне естественно, что, перейдя из профессионального языка бабочников в общенародный язык, слово *собака* утратило своё «игровое» значение.

Переосмысление этого «игрового» термина по ассоциации с настоящей собакой началось уже в народном языке. Это доказывает шутливая поговорка, относящаяся к бездельникам, которую записал В. И. Даль: *Кнуты вьёт да собак бьёт*.

Эту гипотезу подтверждает и история выражения *вешать на кого-нибудь собак*, в котором *собака* — это первоначально репейник, который незаметно цепляли к одежде ненавистного человека, предварительно «заговорив, заколдовав» его. В белорусском языке до сих пор этот оборот звучит как *чапляць сабак*, т. е. 'цеплять собак'. Наблюдение над фразеологической синонимикой в народной речи и внимание к семантическим моделям образования устойчивых оборотов помогают откапывать даже таких загадочных собак, глубоко зарытых в литературном языке.

Во фразеологическом «зоопарке»

Если бы звери умели читать басни, баснописцев было бы значительно меньше.

А. Лугов

Если всю русскую фразеологию разделить по тематическим группам, то образов из животного мира окажется, навсрно, больше всего. Это ещё одно свидетельство того, что фразеология — историческое зеркало жизни общества. Люди тысячелетиями находились в нерасторжимой связи с животным царством. Человек смотрел вокруг себя и видел в окружающих предметах хорошо знакомых четвероногих. Так, среди растений он находил *волчьи ягоды*, *заячью капусту*, *львиный зев*, *мышинный хвост* или *ежевику*. Немало растений получило «животные» названия: *волчец*, *гусиный цвет*, *комошка* (от древнерусского *комонь* 'конь'), *песляк*, *петушки*, *ужики*, *лисички*, *баранчики*, *глухари*, *собаки*...

Воздвигая различные сооружения, создавая нужные инструменты и приспособления, человек также охотно обращался к названиям животных: устой моста он окрестил *быком*, устройство для вытаскивания воды из колодца — *журавлём*, несложный механизм для подъема тяжестей в виде блока — *лебёдкой*, а небольшой выступ на стволе ружья для прицела — *муш-*

кой. «Животный» смысл таких слов угадывается легко, но есть слова, смысл которых можно разглядеть лишь с помощью этимологического «микроскопа». И тогда *газета*, переведённая с итальянского языка, окажется болтливой сорокой (итальянское *gazza, gaz-zeta* 'сорока'), а *торпеда* — электрическим скатом (латинское *torpedo* 'скат').

Животное было для людей не только источником питания и одежды, но и мериллом многих человеческих качеств — как физических, так и нравственных. «Гусь, гусь лапчатый — человек себе на уме. Индюшка — дура. Утка — с валкой походкой. Курица, мокрая курица — вялый и ничтожный человек. Лебедь — красавица. Пава — спесивая красавица. Петух — драчун, волокита. Голубчик, голубушка, голубка — ласка. Касатик, касатка — ласка. Ворона — разиня...» — вот лишь небольшая группа животных, которым, по записям В. И. Дала, человек приписал свои качества.

Как правило, такое метафорическое употребление отражает какую-нибудь особенность характера животного, является результатом многовекового наблюдения человека за ним. Но всегда эта особенность видится глазами человека, значит, в какой-то мере субъективно. Характеризуя своего ближнего названием животного, человек концентрирует в последнем лишь одно качество, делает из животного символ этого качества.

Мы с детства привыкли к такой символике и не удивляемся, читая описание дискуссии: «Баран выразил общее недоумение. Заяц выразил общее опасение. Потом встал лев и выразил общее мнение». Нам без объяснений понятно, каких людей имеет в виду писатель Феликс Кривин.

Человек, оторвавшийся от животного мира, хорошо осознал своё неоспоримое превосходство над ним. Уже тысячу лет назад знаменитый персo-таджикский поэт Фирдоуси подчёркивал это превосходство:

В цепи человек стал последним звеном,
И лучшее всё воплощается в нём.
Как тополь, вознёся он гордой главой,
Умом одарённый и речью благой.
Вместилище духа и разума он,
И мир бессловесных ему подчинён.

ЛЮДИ И ЖИВОТНЫЕ И ЛЮДИ-ЖИВОТНЫЕ

Стоит, однако, какому-нибудь представителю рода человеческого предаться одному из пороков, например пьянству, как человеческое общество тут же с осуждением возвращает ему звание животного. От такого превращения предостерегает надпись на роге для вина, которую приводит Расул Гамзатов:

Произойти от обезьяны
Был человеку путь не мал.
В обратный путь пустился пьяный,
За час опять животным стал.

Причём самые обидные характеристики люди выбирают из числа названий домашних животных, покорно и преданно служащих человеку тысячелетия. Наверное, самые существенные недостатки лучше всего познаются тогда, когда с живым существом — безразлично, животным или человеком, — живёшь и трудишься бок о бок. Вот и стали слова *скот* и *скотина* ругательствами. И всё за то, что бессловесные

твари безропотно, покорно и добросовестно трудятся — как лошади, как волы, как ишаки — словом, как звери.

Выносливость осла давным-давно вошла в поговорку. Он привык к большой поклаже и побоям и, несмотря на своё упрямство, относится к тяготам ослиной жизни с мудрым спокойствием. Посудите сами, разве не мудро рассуждает он в двух восточных побасенках — осетинской и армянской?

Осёл заревел: «Вол с кручи падает». — «А тебе-то что?» — спросили его. «Как что? Тушу-то на меня навьют».

Осла пригласили на свадьбу, он сказал: «Наверно, нужно воду таскать».

Люди же за это трудолюбие и философское долготерпение сделали именно осла символом концентрированной глупости.

Со многими словами, обозначающими домашних животных, произошли подобные истории.

Интересно отметить, что многие слова, имеющие значение 'скотина', стали обозначать и оскотинившегося человека.

Бестия, каналья и ракалия

Русскому языку мало своих ругательных слов, образованных от названий животных. Он ещё взял на вооружение иностранных побратимов русской скотины — *бестию*, *каналью*, *ракалию*, имеющих значение 'животное' лишь в языке-источнике. У нас они употребляются исключительно по отношению к человеку.

Бестия пришло из латыни (*bestia* 'зверь, животное') через жаргон семинаристов. Итальянское *каналья* (*capaglia*) первоначально обозначало свору собак (*cape* 'собака'), потом — сборище негодяев, а во французском, откуда оно попало к нам, *capaille* закрепилось в значении 'негодяй'. Может быть, именно потому, что *бестия* первоначально обозначало животное вообще, а *каналья* лишь одну породу животных, они не являются в русском языке абсолютными синонимами. За *бестию* *двести*, а за *каналью* — *ничего* — гласит пословица, которую В. И. Даль расшифровывает так: «У канальи нет даже совести мошенника, а бестия между своими надёжна». Выходит, собака хуже наихудшей скотины...

Но это лишь малая толика тех унижений, которые испытывают в разных языках верные друзья человека — собаки. Вот странное, но всё же ставшее привычным в русском языке слово — *ракалия*. Мы найдём его у Лермонтова, Гоголя, Вяземского, Аксакова и других классиков. Означает оно то же самое — 'негодяй, пройдоха', только, пожалуй, помягче, чем *бестия* или *каналья*. А. П. Чехов, приглашая Л. С. Мизинову в гости, писал в 1897 г.: *Приезжайте же, не будьте ракалией, милая Лика, не заставляйте вас долго просить*. Вряд ли Антон Павлович знал, что этимологическая расшифровка французского слова *capaille*, усвоенного нашим языком, — именно 'собака' (ср. устаревшее английское *gask* 'собака', нидерландское *Rakel*, немецкое *Räkel* 'пёс, собака')¹. Та самая собака, доброе «человечье» имя которой А. П. Чехов пытался восстановить, называя свою жену О. Л. Книппер-

¹ См.: Горяев Н. В. Сравнительный этимологический словарь русского языка. — Тифлис, 1896.

Чехову «моя собака», ибо это животное для него было символом верности и благородства.

Что же тогда сказать о других животных? Глупцов люди издавна величают *баранами*: ещё Диоген называл одного богатого неуча бараном с золотым руном. И хотя овца своей кротостью и терпением полная противоположность барану, она тоже у многих народов известна как символ глупости. Пингвина же люди окрестили глупцом с первого знакомства, даже не изучив как следует его «умственных» способностей: слово *пингвин* в переводе с латинского означает именно 'глупыш, неуч', что, видимо, и было для А. Франса самым существенным при выборе этого животного в качестве главного героя едкой сатиры на современное ему общество — «Остров пингвинов». А глупцом пингвина называли, наверно, лишь за то, что он доверчиво пошёл навстречу первым людям, прибывшим в его антарктические края, а не бросился от них наутёк, как благоразумный, но трусливый заяц. Впрочем, для многих народов, например немцев и французов, заяц является синонимом не только трусости, но забывчивости и глупости. Да и вряд ли найдётся животное, которое человек не считал бы глупым...

Животные бессловесны, и человек постоянно подчёркивает это в своих поговорках и пословицах. Но когда ему нужно уподобить своего ближнего животному, он охотно даёт бессловесным слово. И тогда люди, к которым он не очень расположен, начинают брехать, гавкать, тьякать, гаркать, рычать, огрызаться, мычать, квакать, кудахтать, выть, ржать, курлыкать, реветь, рыкать, хрюкать, чирикать, урчать, блеять, щебетать или чирикать. Характерно, что в современном русском языке для слова *лаяться* сохранилось лишь «человеческое» значение. *На что мне жена?* — гово-

рит, например, Федя из тургеневского рассказа «Хорь и Калиныч», — *лаяться с ней, что ли?* Почти исчезли «животные» значения в таких словах, как *брехать* и *тараторить*, — видимо, люди делают это гораздо чаще. Так человек лишает бессловесных тварей и тех нечленораздельных звуков, которыми наделила их природа. А потом ещё и жалуется, как англичане в своей пословице: *Ну и ну! Я кормлю собаку, а лаять приходится мне самому!*

Как видим, и при использовании названий животных для характеристики человека люди скорее склонны отмечать отрицательные черты, чем положительные. И это вполне закономерно и естественно: критический подход к животному миру в языке — это лишь здоровый, трезвый и острый взгляд человека на действительность.

Когда же такой критический подход не был необходим, человек весьма охотно использовал названия животных в их нейтральном значении, чтобы, как мы видели, перенести их на растения, инструменты и другие полезные предметы.

Однако нередко случалось и так, что человек, давая окружающим предметам «животные» названия, смотрел на них глазами поэта. Это бывало, например, тогда, когда человек поднимал голову и в ночном небе мерцающие звёзды, хаотично рассыпанные в космическом пространстве, принимали привычные и понятные ему очертания земных существ.

В НЕБЕСНОМ «ЗООПАРКЕ»

Гамлет. Видите вы вон то облако в форме верблюда?

Полоний. Ей-Богу, вижу, и действительно, ни дать ни взять — верблюд.

Гамлет. По-моему, оно смахивает на хорька.

Полоний. Правильно: спина хорьковая.

Гамлет. Или как у кита.

Полоний. Совершенно как у кита.

Шекспир вложил столь разные сравнения одного и того же облака в уста своего героя для того, чтобы развенчать приспособленца Полония. Но подобный диалог вот уже много веков ведётся между разными народами, вглядывающимися в ночное небо.

Большая Медведица

Мы называем так чётко видимое ковшеобразное созвездие, состоящее из семи звёзд. А рядом — Малая Медведица. Если ночью смотреть на эти созвездия, то и впрямь можно увидеть двух медведиц, бредущих по звёздным проулкам.

Может быть, и наши предки, отдыхая после тяжёлой работы, видели в небе тех же медведиц?

Оказывается, нет — наши предки видели в ночном небе вовсе не медведиц. Они называли Большую Медведицу *Лосем*, *Конём на приколе*, *Большой арбой*, *Колымагой*, *Возом*, *Возницей*, *Телегой*, *Ковшом*, *Сожаром* или *Стожарами*. «Связка» этих же созвездий в среднесуральских и орнбургских народных говорах зовётся *Королыслом*. Не правда ли, тоже похоже?

Соседи славян — манси, финны, эвенки — также называли это созвездие *Лосем* или *Оленем*. Кто знает, может быть, какому-нибудь древнему племени Большая Медведица больше казалась похожей на верблюда, хорька или кита? Во всяком случае, самым общим сравнением этого созвездия с веща-

ми, знакомыми человеку, остаётся лишь «ковш». Исследовательница собственных названий М. Э. Рут, детально изучившая обозначения астрономических объектов у разных народов, считает образ ковша для названия этого созвездия универсальным. Он известен англичанам, мокшанам, марийцам, чувашам, бурятам и даже китайцам, у которых, правда, этот «ковш» выглядит несколько своеобразно: *Пе Тей* 'хлебная мерка в форме кастрюли'

Откуда же всё-таки взялось название *медведица* для этих созвездий? Оказывается, именно древним грекам славянский звёздный Лось или Конь казался Медведем. Древнегреческие сочетания Большая Медведица и Малая Медведица, переведённые на многие европейские языки, прошли долгий путь, прежде чем стать такими исконно русскими.

Интересно отметить, что наши Большая и Малая Медведицы — близкие родственники слов *Арктика*, *Антарктика*, *Антарктида*, *арктический* и т. д. Все они образованы от греческого названия медведя — *arktos*. А поскольку в древности ориентировались прежде всего по небесным светилам, то естественно, что места, лежащие в той стороне, где находится Полярная звезда (часть Малой Медведицы), и получили название *Арктики*. А места, лежащие напротив арктических, на противоположном полюсе Земли, стали называться антиарктическими — *Антарктикой*.

Под знаком зодиака

Если взглянуть на звёздное небо в «лингвистический телескоп», то оно окажется огромным зоопарком, где хватило места доброй половине широко извест-

ных животных. Эти названия — результат древних поэтических (и в то же время глубоко практических) сравнений небесных тел с тем, что окружаст человека на Земле. Древние греки делили путь обращения Солнца вокруг Земли (им ведь казалось, что именно Солнце движется вокруг нашей планеты, а не наоборот) на двенадцать частей. Эти части получили имена созвездий, находящихся на пути движения Солнца или вдоль него. Такой небесный пояс был назван греками *зодиаком*, что в персводе и означает 'звериный' (подразумевается 'звериный круг, цикл'). Это слово правильное было бы произносить *зоодиак* — как *зоопарк*. Ведь греческое *zōon*, известное всем по словам *зоология* и *зоотехника*, означает именно 'животное'

В круговом зоопарке-зодиаке большинство созвездий носит «звериные» имена. Вот они по порядку — все 12 знаков зодиака: Овен, т. е. 'баран' (21 марта–20 апреля). Телец, т. е. 'бык' (21 апреля–20 мая). Близнецы (21 мая–20 июня). Рак (21 июня–22 июля). Лев (23 июля–23 августа). Дева (24 августа–23 сентября). Весы (24 сентября–23 октября). Скорпион (24 октября–22 ноября). Стрелец (23 ноября–22 декабря). Козерог (23 декабря–20 января). Водолей (21 января–19 февраля). Рыбы (20 февраля–20 марта). Как видите, название «звериный» небесному поясу дано справедливо: 7 из 12 — названия «зоологические».

Считалось, что зодиак придумали халдеи, и они же разделили месяц на 4 части — недели. В Брюсов поэтому воздаёт стихотворную дань безвестному создателю этой системы «зверокруга»:

Божественный пастух! Среди тиши и мрака
Ты слышал имена, ты видел горний свет:

Ты первый начертал пути своих планет,
Нашёл названия для знаков Зодиака.

«Халдейский пастух»

Неважно, кто был изобретателем зодиака. Важно, что он смотрел на небесный мир земными глазами, глазами человека, понимающего природу.

Знакам зодиака долгое время приписывали магическую силу, по ним «угадывали» судьбу. Впрочем, и в наши дни астрологи придумывают для своих предсказаний «научные» обоснования, чтобы надуть легковых клиентов.

КАК КАК И КАК НЕ КАК

Большинство наименований животных, перенесённых на растения, предметы, созвездия и человека, которые приводились, — это, собственно, не фразеологизмы, а слова. Но им в книге о фразеологии следует уделить особое место, поскольку многие из них — результат упрощения одной из самых распространённых и употребительных категорий фразеологических оборотов — устойчивых сравнений.

Союз *как* сразу придаёт названию животного фразеологический вид. Но для полноценного сочетания необходимо и третье слово — то, которое сравнивают. Оно-то и толкает нас на употребление готового сравнения. Стоит нам, глядя на хорошего пловца, подумать: «Он плавает как...», у нас в уме возникает слово *рыба*. То же слово моментально приходит на ум, когда говорят: «Нем как...»

Хотя сравнения и относятся к области поэзии, не терпящей штампов и стандарта, мы часто пользуемся подобными трафаретами, бывшими свежими и ори-

гинальными лишь в незапамятные времена. Имена поэтов, создавших такие поэтические миниатюры, никогда не будут известны. Но мы пользуемся их творениями, не боясь плагиата: весь язык пронизан готовыми моделями и конструкциями, и без них взаимопонимание людей было бы затруднено. Представьте себе, что мы решили бы избегать готовых сравнений и каждый раз придумывали свои, оригинальные.

Так, вернувшись с отдыха на море, мы рассказали бы своему знакомому о том, что видели пловца, который плавал как, например, бычок или барабулька. Оригинально? Конечно. Индивидуально? Несомненно. Но вряд ли знакомый понял бы, о хорошем или плохом пловце идёт речь. Поди каждый раз проверь, какая рыба каким стилем плавает, хорошо или плохо, да велика ли относительность такой оценки: ведь всё познаётся в сравнении...

Оставим поэту изобретение новых и свежих сравнений поэтам и перейдём к старым, шаблонным, но зато понятным и привычным.

Определить возраст и устойчивость сравнительного оборота далеко не просто. Сопоставляя такие обороты в разных языках, можно лишь констатировать, что один из них известен многим народам, другой употребляется лишь в диалекте. Иное сравнение кажется редким и специфическим, а при расшифровке оказывается древним как мир.

Зюзя и бирюк

Вот один из многих синонимов пьяного человека — *зюзя*. Помните Зарецкого из «Евгения Онегина»? Бывший «трибун трактирный», «буян, картёжной шайки атаман»,

...в сраженье
Раз в настоящем упоенье
Он отличился, смело в грязь
С коня калмыцкого свалясь,
Как зюзя пьяный, и французам
Достался в плен: драгой залог!

Как зюзя... Трудно придумать более русское сравнение. И действительно, кто бывал на Псковщине, тому, быть может, довелось слышать словцо *зюзя* не только в применении к пьяницам. *Зюзя, зюха, зюзка, зюшка* — так там называют свиней. *Вывалялся в грязи, зюзя зюзей!* — говорят псковские родители своему неаккуратному ребёнку. Сравнение понятно: *напился как свинья, измарался в грязи как свинья*. Ничего оригинального! Просто — перевод с «псковского» на русский литературный. Нет ни одного, по крайней мере европейского, языка, где бы «свинья» не употреблялась как символ грязного, нечистоплотного во всех отношениях человека. Значит, сравнение древнее, хотя и выраженное псковским словом.

Точно так же русские выражения *жить как бирюк*, *жить бирюком* и *смотреть бирюком* переводятся с южнорусских наречий как 'жить как волк', 'смотреть волком'. Каждый из нас легко отыщет типологические параллели к этому сравнению в любом иноязычном словаре.

Конечно, совпадение животного, выбранного для таких сравнительных оборотов, в целом ряде языков может свидетельствовать и о том, что в конечном счёте это заимствование, попавшее в язык какого-либо народа из литературных источников. Таково, например, устойчивое сравнение *прятать голову в кусты, как страус*. «И для чего я бежал, зачем сижу здесь,

забивши, как страус, голову в куст? — самокритично сетует один из тургеневских героев. — *Страшно беде в глаза взглянуть — вздор!*» (И. С. Тургенев. Дворянское гнездо).

Это и есть так называемая *страусовая политика* — стремление уйти от действительности, не замечать её. Способность этой экзотической птицы в случае опасности или преследования прятать голову в песок или в кусты и сделала её символом недалеко-видного и трусливого поведения.

Название страуса пришло в европейские языки из древнегреческого. И это устойчивое сравнение, по-видимому, тожс. Заимствованы, по всей вероятности, обороты *горд как павлин, храбр как лев*.

Немые рыбы, говорящие на общем языке

Но вот перед нами русское до мозга костей сравнение — *нем как рыба*. К нему один из исследователей русской фразеологии И. Е. Тимошенко нашёл убедительные греческие параллели. Не происходит ли русское выражение от греческого? А может, наоборот? Ведь греки чаще сравнивали молчаливых, «немых» людей со статуями: *нем как статуя*. Может быть, выражение *нем как рыба* — свидетельство древнейших контактов славян, «меривших море» на пути из варяг в греки?

Наукой доказано, что во многих случаях сходство поговорок, пословиц, басен, побасенок, легенд и мифов оказывается не генетическим (т. е. указывающим на родство языков и народов), а типологическим (т. е. близким по типу независимо от происхождения). Мы уже видели, как одинаково описывали разные народы «ковш» Большой Медведицы, однако это не даёт

оснований считать английский и китайский языки родственными.

Видимо, образная логика людей самых разных рас и национальностей способна производить универсальные модели, в данном случае модели сравнения. Общие условия, общий уровень культурного развития человечества обеспечивали общность (конечно, не абсолютную) мышления. Отсюда и тот «общий язык» многих устойчивых сравнений и фразеологизмов вообще, который мы находим у самых разных народов. И где же такому типологически общему языку проявиться, как не в сфере анималистической (т. е. «животной») фразеологии? Ведь что ни говорите, а те отрицательные особенности некоторых животных, которые перенесены на человека, в какой-то мере объективно обусловлены...

На общности человеческих наблюдений над характером и повадками животных и основано сходство многих устойчивых сравнений в самых разных языках. Разумеется, необходимым условием такого сходства должна быть общность животного мира и популярность того или иного зверя у народа, имеющего такие обороты. *Устал как собака, чёрный как ворон, шkodлив как кошка, голодный как волк, упрямый и глупый как баран* — эти сравнительные обороты вы найдёте во многих языках.

Трудолюбивая положительная пчела и трудолюбивый отрицательный вол

Вот сравнение трудолюбивого человека с пчелой:

Поэт — пчела.
Цветов нектар
Он людям собирает в дар.

А жизнь, порой,
Даёт в кувшине
Не мёд ему,
А сок полыни.

Это сравнение, обыгранное Ник. Жоголсвым, не вызовет никаких трудностей при переводе на любой язык. Пчела — издавна олицетворение трудолюбия. Да и сопоставление писателя с нею в России имеет древнюю традицию. В XII в. Даниил Заточник писал о себе: **Из бо аще не во финнехъ раетехъ ни Ѹ филолофъ Ѹчнхса, но быхъ падам акн пчела по кннгамъ по рзличнымъ цвѣтомъ, оттѣда избераю сладость словеснн.**

Если бы все устойчивые сравнения переводились на другие языки, как это, то труд переводчика был бы лишь «избиранием сладости словесной». Но переводчика, который в погоне за словесным нектаром не заглядывает в горький языковой корень оригинала, часто подстерегает опасность. Так, при переводе книги Г. Гейне «Идеи. Книга Ле Гран» на украинский язык был допущен ляпсус: *Этот великий «филолопатс», который, подобно Юпитеру, в образе быка пытался завоевать симпатии Европы, пойдёт на воловью печёнку.* «В чём дело? — спросит удивлённо украинский читатель. — Бык и похищение Европы ещё более или менее понятно — греческий миф. Но при чём здесь воловья печёнка? Где же язвительный юмор, свойственный каламбурам Г. Гейне?»

Юмор оригинала пропал из-за неудачно переданного немецкого «животного» сравнения, которое и обыграл Г. Гейне¹. Немецкое Ochs может означать 'бык' и

¹ На этот ляпсус переводчика О. Словенко обращает внимание украинский стилист В. В. Коптилов.

‘вол’ — как в украинском переводе. Но немцы употребляют его также и как синоним слов *дурак*, *глупец*. Мы говорим *здоров как бык*, немцы — *глуп как бык*. Из-за этого целую серию сравнительных оборотов с немецкого языка на русский можно перевести, лишь выменяв «быка» и «вола» на других животных. *Ему это идёт как волу седло* — говорят в Германии. А мы подставляем: *как корове седло. Стоит как вол перед горой* синонимично русскому *установился как баран на новые ворота. Захотел вол зайца обогнать* говорят немцы вместо русского *дай Бог нашему теляти волка поймать*. А то и попросту: *Обходи волов кружным путём*, т. е. с дураками лучше не связывайся.

Куда проще перевод «воловьих» фразологизмов с украинского языка на русский! «Хіба ревуть воли, як ясла повні» — так называется роман украинского классика Панаса Мирного. И русский переводчик имеет право передать это название дословно: «Разве ревут волы, если ясли полны» — без страха, что читатель воспримет слово *вол* как ‘глупец’. И в русском, и в украинском языке «вол» — символ безотказного, безропотного и забитого труженика: *работать как вол* и *робити як віл у ярмі* — фразеологизмы-братья. Именно этот, второй, переносный план народного употребления слова *віл* и использовал писатель не только в названии, но и во всём содержании книги, повествующей о тяжкой судьбе крестьян царской Украины.

Если у русских *бык*, *бугай* — это символ здоровья и силы, то индусы, наоборот, считают, что он приносит несчастье. Более того, согласно суеверным представлениям, вид несчастья зависит от масти, формы головы, копыт, числа зубов быка: *бык*, у кото-

рого хвост иного цвета, чем тело, считается зловещим предзнаменованием того, что его владелец потеряет всё имущество; бык с круглым пятном на лбу — знамение того, что дом владельца скоро рухнет; бык с 6–7 зубами — символ непослушания и т. д.

Грациозный слон

Не правда ли, подобное сочетание противоречит нашим представлениям об этом громадном, неуклюжем животном? Его огромные размеры настолько поразили европейцев, впервые увидевших это заморское чудо, что он сразу стал международным символом величины и грузности. Муха и Слон, Слон и Моська... Каких только басен не сочинили баснописцы разных стран о слоне!

Особенно популярны сравнения со слоном в Индии. Стоит открыть сборник древнесиндийской поэзии, как тут же встречаешь: *походка как у слона, слоновья поступь, она шла подобно слонихе*. Да и в современной индийской поэзии один из наиболее частых эпитетов женщины — *gaḷagatīni* 'обладающая походкой слона'. Но если вы подумаете, что индийские поэты воспевают девушек неловких, с неуклюжей походкой, то это будет глубоким заблуждением. Каждая женщина Индии будет польщена таким комплиментом — ведь в переводе с индийской символики это грациозная, величественная, плавная походка.

Таких несовпадений в разных языках, пожалуй, во много раз больше, чем совпадений. На многих животных люди различных народов смотрели разными глазами. Этот взгляд постепенно становился традицией, закреплялся поверьями, окутывался мифами и

легендами. Именно поэтому фразеологический состав каждого языка — одна из самых специфических частей словарного запаса.

Отчего совеев сова?

Мы считаем, что больше всех животных пьёт лошадь: *пьёт как лошадь*. У французов же в таких случаях люди пьют *как лягушки* (*boire comme une grenouille*). Но зато сравните *холодный как лягушка* и для нас, и для немцев будет одинаковым. Наше *худ как селедка* соответствует французскому *худ как кукушка* или *как сова*.

Для славян же сова была издревле иным мериллом — мериллом степени опьянения. Мы до сих пор говорим *осовел* о человеке, который, выпив, «клюет носом», т. е. дремлет, как сова при дневном свете. Впрочем, это сравнение не только славянское: английские и американские пьяницы «совсют» примерно так же. Быть пьяным «в стельку» — по-английски *to be drunk as an owl* ‘быть пьяным как сова’, а на американском жаргоне даже ‘как варёная (*boiled*) сова’. Не случайно американских ночных гуляк в народе именуют «ночными совами» (*night owls*).

Французская же сова — *hibou* — это просто нелюдимый человек. А у древних египтян она была символом вечной ночи — смерти.

У многих народов «подколотная» змея — олицетворение подлости и коварства. Для древних евреев она была символом мудрости — как сова для афинян. Для нас муравей — воплощение трудолюбия и выносливости. Итальянцам же бросилась в глаза его слабость: *У него силы как у муравья*, — говорят они о бессильном человеке.

Ворона в супе и вода с гуся

Это различие устойчивых сравнений далеко не всегда обусловлено различной оценкой повадок и поведения животных. Как уже говорилось, большое значение имеет традиция. Естественно, что крылатая фраза *попался как ворона в суп*, ставшая в России устойчивой благодаря басне Крылова, не встретится нам во Франции, хотя герои этой басни — французы. Напрасно мы будем искать в иноязычных словарях и крыловское сравнение *зубаст, как щука*.

Точно так же в других языках не найти и выражения *как с гуся вода*. Ведь это осколок чисто русского знахарского заговора, который якобы убергал новорождённого от сглазу — бед, болезней и прочих несчастий. Ещё и сейчас некоторые мамы, купая своих младенцев, приговаривают, не подозревая, конечно, мистического значения этой формулы: *С гуся вода, а с тебя, моё дитяtko, вся худоба*.

«Ну и гусь!» — говорим мы о ловком пройдохе, которому всё нипочём; ведь его ещё в младенчестве заговорили и от болезней, и от неудач. Так, благодаря знахарскому заговору русский гусь получил значение 'продувной бестии'. Значение в общем-то довольно специфическое для этой птицы: в других языках гусь обычно символ глупого и ленивого человека.

Помните самое драматическое место гоголевской «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»?

— Вы, Иван Никифорович, разносились так с своим ружьём, как дурень с писанною торбою, — сказал Иван Иванович с досадою, потому что действительно начинал уже сердиться.

— А вы, Иван Иванович, настоящий *гусак* (курсив мой. — В. М.).

Слово *дурень* в украинском выражении автоматически вызвало у Ивана Никифоровича ассоциацию со словом *гусак*. Ведь украинский откормленный и ленивый гусь — это не русский пронырливый, плутоватый, заговорённый от случайностей *гусь лапчатый*. Плуту быть дурнем не полагается.

Специфическими, веками складывающимися языковыми традициями обусловлен выбор разных животных во многих фразеологизмах. Русский *кот в мешке* — это то же, что английский *поросёнок в мешке* и немецкий *заяц в мешке*. Русская *белая ворона* переводится на французский как *белый волк* или *белый дрозд*, а на немецкий — как *пёстрая собака*.

Русский *стреляный воробей* при переводе на чешский язык станет *палёной птичкой*. Мы *делим шкуру неубитого медведя*, англичане же в таких случаях *жарят рыбу, не поймав её на крючок*.

А ведь большинство этих различий начиналось именно со сравнения. Часто такого, что «как» в одном языке соответствовало или во всяком случае не противоречило «как» в другом.

Впрочем, бывает и так, что несоответствие может быть уже в самом начале сравнения. И тогда животное начинает кочевать во фразеологические обороты многих народов, не подозревая, что закралось туда по ошибке. Так, как это сделал верблюд, прошедший сквозь игольное ушко...

КАК ВЕРБЛЮД ПРОШЁЛ СКВОЗЬ ИГОЛЬНОЕ УШКО

Верблюду никогда не везло в жизни. Его всегда с кем-то или с чем-то путали и недооценивали. Даже

такой «зверолюб», как Альфред Брем, был о верблюде явно невысокого мнения. Он писал в «Жизни животных», что это тупое, равнодушное и догматическое животное, «пахнущее козлом», безнадежно глупая голова которого покоится на длинной лохматой шее. А ведь эта характеристика отнюдь не соответствует действительности. Современный зоолог профессор Гржимек, например, считает, что верблюд — животное с довольно широким «духовным кругозором», что он в соответствующих ситуациях проявляет мудрость, вежливость и даже «рыцарство». Видимо, не случайно именно верблюдами на Востоке расплачивались за убитого человека. Там до сих пор существует обычай, что убийца может выкупить свою жизнь, подарив 100 верблюдов семье убитого. Со временем, правда, преступник получил возможность выбора: либо верблюды, либо 300 фунтов стерлингов. А поскольку цена на верблюдов растёт, то и плата за потерянную жизнь всё увеличивается.

Верблюд или слон?

Цена на верблюдов растёт, а положение их не меняется. *Велик верблюд, да воду возит*, — гласит русская пословица. Впрочем, вполне возможно, что в этой пословице речь идёт уже не о верблюде, а о... слоне.

«Ничего общего!» — могут возразить многие. Верно, с зоологической точки зрения общего мало. Но вот этимологи давным-давно установили, что русское слово *верблюд*, старославянское **ВѢЛЬБЛѢДЪ** (ж — носовой звук, читается примерно как «он»), чешское *velbloud*, польское *wielbłąd* и другие славянские названия этого животного заимствованы из гот-

ского *ulbandus* 'слон'. А готское, в свою очередь, — из греческого *elephas, elephantos*. Греческого происхождения и французское *éléphant*, английское *elephant*, немецкое *Elefant* 'слон'.

Если вы ещё раз взглянете на старославянскую форму этого слова, то превращение «ульбандуса» в *верблюда* не покажется вам странным. Тем более что до того, как в русском слове *л* не перешло в *р*, наши предки связывали *вельблуда* с глаголом *блуждать, блудить*. Словом, как остроумно расшифровал это слово писатель Л. В. Успенский, это был 'великий блудяга' (*вел-* + *блуд-*).

Но блуждания, вернее, заблуждения, связанные с этим животным, на этом не кончаются. Л. В. Успенский, описывая в книге «Почему не иначе?» превращение готского «ульбандуса» в *верблюда*, так объясняет эту путаницу: «Наши предки не видели на заре своей истории ни слонов, ни верблюдов. Увидав впервые больших горбатых зверей, на которых ездили степные кочевники юга, они перенесли услышанное от готов «слоновое имя» на это диковинное существо: «А наверное, это и есть ульбандус!» Вот как «верблюды» и «слоны» оказались как бы фальшивыми тёзками»¹.

Справедливости ради нужно сказать, что это не совсем так. Готы — одно из древнегерманских племён — заблуждались по поводу «ульбандусов»-слонов не менее, чем славяне. Готское слово, так же как и древнеанглийское *olfend*, верхнегерманское *olbenta* и средневерхнегерманское *olbent*, означало в средневековье именно верблюда и сохранялось до тех пор, пока

¹ Успенский Л. В. Почему не иначе? М., 1967, с. 83.

в эти языки не пришло новое «верблюжье название», также греческого происхождения — *camel*, которое живёт в немецком и английском языках до сих пор. Значит, вместе со словом славяне заимствовали у готтов и их заблуждение.

Можно было бы ещё долго рассказывать и о том, как того же *Elefant*'а в средневерхненемецком языке ошибочно связали с глаголом *helfen* 'помогать' и как из этого получился 'помогающий зверь' (*helant, helfentier*), как в итальянских диалектах слон превратился в *liofante* 'льву подобного', как от поляков готское название верблюда попало к прусам, превратившись в *weloblundis*'а — 'мула'!

Но хватит о словах. Ведь нас интересуют прежде всего устойчивые выражения. Да и история словесной путаницы с готским «ульбандусом» нам понадобилась, чтобы показать, что вариант выражения *делать из мухи слона* — *делать из мухи верблюда* не так уж и случаен. Так же не случаен, как и чешский и немецкий обороты с тем же значением, дословно звучащие как 'делать из комара верблюда'. Как видим, путаница слов отражается в путанице выражений.

Через что же прошёл верблюд?

Но все описанные метаморфозы «верблюда» блекнут перед его прохождением через игольное ушко. Эта история «произошла» задолго до европейских приключений «элефанта» и «ульбандуса»: ведь выражение *легче верблюду пройти сквозь игольное ушко* возникло в библейские времена. Полное его звучание таково: *Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в Царствие Небесное.*

Смысл этого библейского изречения, перекочевавшего затем в Евангелия от Матфея и от Луки, предельно ясен: не огорчайтесь, бедняки, что в мире сем вы голодаете, ходите в рубище и умираете от болезней. Чем скорее вы попадёте в Царствие Небесное, тем лучше: вас ждёт там райская жизнь. А вот богачам попасть туда так же невозможно, как верблюду пройти сквозь игольное ушко.

Впрочем, находились и такие схоласты-церковники, которые доказывали, что верблюд всё-таки может пройти сквозь игольное ушко. Споры толкователей Библии длились веками, бедняки всё так же ходили в рубище, а богачи и в ус не дули: земной рай устраивал их гораздо больше, чем небесный.

Может быть, и не стоило бы вспоминать это церковное изречение, если бы оно не стало вообще обозначать полную невозможность достижения чего-либо.

Но почему именно верблюд был выбран для протягивания сквозь иглу? Странно и нелогично, не так ли? Некоторые толкователи Библии считают, что дело не в том, кто прошёл сквозь ушко, а через что именно прошёл верблюд. Мол, в изречении — не «игольное ушко», а «игольные уши». А под таковыми имеются в виду вовсе не отверстия в игле, а одни из ворот в стене Иерусалима — такие низкие и узкие, что длинношесму верблюду пройти в них решительно невозможно. Не правда ли, толкование замысловатое даже для цветистого Востока? Ведь как ни узки городские ворота, но протащить в них при необходимости верблюда, наверное, можно. Значит, вряд ли это изречение стало бы означать решительную невозможность сделать что-либо.

Характерно, что профессор Я. Белич, тщательно описавший историю этого выражения в чешском языке и использовавший древние церковные тексты, не приводит ни одного примера с игольными ушками во множественном числе. Видимо, рассказ о тесных Иерусалимских воротах — лишь легенда, возникшая на основе библейского изречения.

Помните, как по-немецки и по-английски верблюд? *Kamel* (*camel*). Мы знаем, что это слово греческого происхождения. Там оно звучит как *kamêlos*. Но вот в некоторых старых греческих рукописях Нового Завета оно написано несколько иначе — *kamilos*.

Различие небольшое, а значение абсолютно иное — 'якорный канат'

Ну, теперь всё понятно! Через игольное ушко невозможно протянуть не верблюда (*kamêlos*), а толстый якорный канат (*kamilos*)! В том, что звуковос подобие вызвало уподобление смысла, нет ничего странного: древний глагол *довлеть* 'быть достаточным', 'удовлетворять' мы употребляем в значении 'тяготеть над кем-либо'. Это произошло «по вине» формального сходства *довлеть* с *давить*. Итак, «загадка разрешилась»: через игольное ушко протягивали вовсе не верблюда!

И всё же, как ни кажется логичной эта этимология, её тоже нельзя признать верной. Те толкователи изречения, которые продолжают настаивать на дословном его понимании, приводят достаточно веские контраргументы, чтобы от них можно было просто отмахнуться. Дело в том, что греческое *kamêlos* 'верблюд' — не исконно греческого, а семитского (т. е. арабского или древнесврейского) происхождения. Следовательно, и само выражение могло попасть в греческие церков-

ные тексты вместе со словом именно из этих языков, народы которых хорошо знакомы с верблюдами. Тем более что оно известно и в древнееврейском Талмуде, и в арабском Коране. Но что самое удивительное — арабы до сих пор о человеке, который хочет сделать нечто неосуществимое, невозможное, скажут: *Он гонит через игольное ушко... слона!* Опять слон и верблюд оказались связанными одной верёвочкой, вернее, одним якорным канатом.

Снова путаница, и какая последовательная! Какой-то порочный круг: от верблюда — к слону, а от слона — к верблюду. Как кажется, весь этот противоречивый языковой материал можно объяснить лишь следующей гипотезой.

Выражение *легче верблюду пройти сквозь игольное ушко* надо всё-таки понимать дословно. Метафорически осмысленное, оно означало невозможность протащить нечто большое сквозь малое отверстие, затем вообще невозможность сделать что-либо. Поскольку и слон, и верблюд были у арабов и других восточных народов самыми большими животными, то естественно, что именно они стали символами этой большой величины.

Попав в греческий язык, арабское *katêlos* 'верблюд' формально сблизилось с греческим *katîlos* 'якорный канат', и выражение некоторыми церковниками стало восприниматься более прозаически. Фразеологическая загадка стала ещё загадочнее.

ПРЫГАЕТ ЛИ СТРЕКОЗА?

Каждый; кому приходилось наблюдать этих изящных насекомых с прозрачными сетчатыми крылышками, уверенно ответит: «Конечно нет!»

А вот летают стрекозы действительно хорошо. Они могут в воздухе молниеносно разворачиваться, резко тормозить или, остановившись, застыть на одном месте. Не случайно в стихотворении «Комета» А. Блок назвал первые эскадрильи аэропланов «стадом стальных стрекоз». Блоковское сравнение привилось: в современном языке «стрекозой» иногда называют вертолёты.

Несмотря на высокие лётные качества, мы всё же называем стрекозу *попрыгуньей*. Откуда это название? Всем нам с детства знакома басня И. А. Крылова «Стрекоза и Муравей»:

Попрыгунья Стрекоза
Лето красное пропела...

То, что стрекоза «поёт», не удивительно: она ведь потому и названа стрекозой, что в полёте «стрекочет» своими крылышками. Но почему она у Крылова стала попрыгуньей?

Может быть, русский баснописец перепутал её с каким-либо другим насскомым, как верблюда перепутали со слоном?

Мы действительно недалеко от истины. Это ошибка, но ошибка сознательная. И. А. Крылов, создавая русскую басню, использовал древний сюжет, который кочевал из одной страны в другую не меньше «верблюда», прежде чем попасть в Россию. И в греческом, и в латинском текстах, и в басне Лафонтена постоянными действующими лицами являются муравей и... цикада, или кузнечик (французское *la cigale*). А уж последний — отличный прыгун. Почему же русский баснописец превратил кузнечика в стрекозу?

Как предполагал московский филолог Р. А. Будагов, И. А. Крылов хотел противопоставить мужское трудолюбие муравья женскому легкомыслию стрекозы. Поэтому ему важно было подобрать слово именно женского рода. Он мог бы, конечно, оставить и заморскую цикаду — она ведь и в русском языке представительница «легкомысленного» пола, но тогда басня утратила бы народный, русский колорит, на что Крылов не мог пойти в эпоху, когда русский литературный язык делал первые шаги на пути сближения с народной речью.

Правда, для выбора стрекоты во времена Крылова могла быть и другая, объективная причина. По свидетельству писателя Дм. Кобякова, в разговорном языке XVIII — начала XIX в. слово *стрекоза* могло означать и 'насекомое вообще'. И. А. Крылов, тонко знавший живую речь, мог употребить это слово в таком смысле. Тем не менее крылатое крыловское выражение оказалось более живучим. Впоследствии *попрыгуньей стрекозой* или просто *попрыгуньей* стали называть легкомысленную и ветреную особу. Именно такой была героиня рассказа А. П. Чехова «Попрыгунья». Вот что значит метко сказанное слово.

Верблюд и *стрекоза*, став тематическим ядром русских устойчивых выражений, всё же остались какими-то одиночными словами-характеристиками. В других фразеологических оборотах мы их, пожалуй, не встретим. Это и понятно: верблюд и цикада — твари заморские, диковинные. Вот и выражения с ними индивидуальны.

Иное дело, когда животное широко известно в народе, повадки его хорошо изучены. Тогда рождается целый «фразеологический выводок». А если к тому

же оно популярно и у других народов, то при языковых контактах этот «выводок» значительно увеличивается: устная и литературная традиции взаимодействуют, «свое» тесно переплетается с «чужим». Давайте наугад возьмём двух обычных для нашей страны животных и посмотрим, какой фразеологический «приплод» они дают. Скажем, из сухопутных выберем козла с козой, а из водяных — отшельника рака. Итак, начнём с козла.

ЗАБЬЁМ КОЗЛА!

Каждому из вас, вероятно, не раз приходилось слышать необычное, на первый взгляд, воинственное приглашение сыграть в домино: «Забьём козла!»

И в самом деле, если задуматься: странное приглашение к такой мирной игре. Может быть, это действительно какой-нибудь словесный рудимент древнего обычая закалывать козлов в жертву во время каких-нибудь игр?

Давайте проверим эту гипотезу языковым путём: рассмотрим все поговорки и пословицы, связанные с козлом и козой, обычаи, породившие эти выражения. Тогда, быть может, смысл этого «босвого клича» раскроется сам собой.

«Забивание» козлов и «зарезание» коз

Древний обычай закалывать козлов и приносить их в жертву действительно существовал у многих народов. В греческой басне «Бабрий» виноградная лоза, листья которой обглоданы козлом, угрожает последнему: «Ничего, я и без листьев дам людям виноград.

А ты, мерзкое животное, будешь принесён в жертву богам, когда сделают вино».

Такие жертвы приносились в Древней Греции после уборки винограда — во время так называемых дионисий, празднеств, посвящённых богу вина Дионису. Жертвовали козлов и богине охоты Диане. А легендарный царь Приам приказал заколоть в жертву «блствующих козлов» лишь для того, чтобы избежать зла, предвещаемого ему дурными снами. По средневековым же немецким поверьям, ведьмы, собравшись на шабаш, сжигают козла и делят его пепел между собой.

Впрочем, и в русских сказках козёл, а чаще коза тоже становятся жертвами человека. Вот отрывок стихотворной сказки из сборника А. Н. Афанасьева:

Пошла коза за лыками;
Козы нету за рекой.
«Ну, постой же ты, коза!
Я найшу на тебя волка».

В конце сказки человек выполнил свою угрозу, и волк зарезал козу.

Но что там древние сказки и легенды! В некоторых странах до сих пор козлов приносят в жертву по самым различным поводам. Несколько лет назад работники королевского аэрофлота Непала совершили ряд религиозных ритуалов перед открытием регулярного сообщения на линии Катманду — Калькутта. Одним из них было именно закалывание трёх козлов на глазах у пассажиров. Если бы этот обряд не был совершён, то, по непальским поверьям, с самолётом произошла бы катастрофа.

Козёл отпущения

Обычай откупаться от Бога именно козлами вошёл в языки многих народов в виде выражения *козёл отпущения*. «Козлоотпущенис», или *азазел*, — так и назывался древний еврейский обряд, описанный в Библии. Раз в году члены еврейской общины собирались, чтобы очиститься от всех грехов, совершённых ими за «отчётный период». На площади, где происходил обряд грехоотпущения, уже стояли два козла. Одного тут же закалывали, смывая человеческие грехи козлиной кровью. На второго священнослужитель «возлагал руки» в знак того, что все грехи общины переходят на него. После этого козла «отпускали», вернее, изгоняли вместе с человеческими грехами.

Впрочем, по другой версии, отпущенного козла уводил в пустыню один из самых больших грешников общины и, сбросив в глубокую пропасть, очищался от грехов. Точно так же сбрасывали в пропасть жертвенных козлов и древние египтяне.

Так и стал *козёл отпущения* символом человека, отдувающегося за грехи и проступки других.

Козлиные грехи

Но так ли уж безгрешен козёл сам по себе? Случайно ли именно это животное выбрали носителем всех человеческих пороков?

Пожалуй, нет. В русских пословицах и поговорках на козла смотрят явно отрицательно. Во-первых, особого проку от него нет. *От него, как от козла, ни шерсти, ни молока*, — говорят о бесполезном человеке. Во-вторых, он вреден и чуть что — лезет не туда, куда следует: *пустить козла в огород* (немцы в таких

случаях говорят *сделать козла садовником*); *Козла сколько ни корми, а он всё в огород лезет*; *Где коза во дворе, там козёл без зову в гостях*. В-третьих, ленив: выражение *служить за козла на конюшине* означает 'шататься без дела'. Наконец, козёл коварен: чуть что — *даёт козла*, т. е. начинает скакать и пускаться в ход рога, поэтому его надо опасаться.

Одно из древнеиндийских названий козла — *aḡas* 'толкающийся', 'бодливый'. И русская загадка подчёркивает именно это козлиное качество: — *Эй, куда, борода? — Берегись, наскочу, лбом хвачу!*

Борода обычно символ мудрости. Но козлиная борода — совсем наоборот. *Хоть у козла и длинна борода, да от этого он не мудрец*, — гласит славянская пословица. А голос у козла, прямо скажем, козлийный, короче — *козлетон*. *Драть козла* — значит петь таким голосом. И в довершение всего от козла постоянно «козлом пахнет».

Короче говоря, козёл издавна стал олицетворением всего дурного. Древнее библейское выражение *отделять овец от козлищ* значит поэтому 'отличать хорошее от плохого, вредное от полезного'. Да и в речи современной русской молодёжи это одно из самых крепких бранных слов.

Естественно, что когда понадобилось животное, которое бы стало «транспортным средством» главного грешника Царствия Небесного — дьявола, то люди выбрали именно козла. Иноземный купец Тонниес Фенне, навестивший Псков в 1607 г., записал такую севернорусскую пословицу: **Пѣгой пѣтрой кѣс поѣхал на чѣрном козлѣ в ад.**

Безгрешна ли русская коза? О козе у русских сложилось почти такое же отрицательное мнение, как и

о козле. По наблюдениям В. И. Даля, *коза* в народном языке обозначает 'бойкую и беспокойную девку'. А вот целая серия русских пословиц, отражающих негативное отношение к козе: *Если хочешь с соседом поругаться — заводи козу; От прыткой козы ни забор, ни запор; Захочет сена коза — будет у воза; Не учи козу, сама стянет с возу; На покляное дерево и козы не скачут*. Наконец, типично русская общая оценка полезности этого животного, данная Даниилом Заточником: **Не котъ во котѣхъ коза**. Отсюда и пословица, употребляемая на Руси до эмансипации: *Девки не люди — козы не скотина*.

Эта отрицательная характеристика была обусловлена объективно: коза, как и на Западе, у русских крестьян была «коровой бедных» и особой роли в деревенской жизни не играла.

Отставной козы барабанщик

Не удивительно, что слово *коза* использовалось в русской фразеологии с пренебрежительным оттенком. Одно из устаревших значений этого слова — 'наряженный козой мальчик, с которым обычно ходили вожак ручных медведей для потехи публики'. Именно к нему и восходит выражение *отставной козы барабанщик*. Так шутливо называли в прошлом веке человека без определённых занятий, персбивающегося случайными заработками и подачками и в то же время такого, который не прочь покичиться своим якобы высоким прежде положением.

Роль барабанщика в таком представлении была третьестепенной. Главным актёром был медведь, на «вторых ролях» шла «коза» (вернес, ряженный под нее мальчик), изображавшая работника при дрес-

сировке медведя. Барабанщик колотил в самодельный барабан, но его звуков слышно не было, и тогда «коза», подпрыгивая, сама била в лукошко. Понятно, почему роль такого барабанщика, да ещё «отставной козы», вошла в поговорку.

Большинство пословиц и поговорок со словами *козёл* и *коза* имеют давнюю историю. Представление об этих животных складывалось веками и тысячелетиями, переходя из одной народной сказки в другую. Мы и не подозреваем, как древен сюжет сказки о лупленной козе или о козлином копытце, козе и семерых козлятах или шутливой присказки, которой нас пугали в детстве: «Идёт коза рогатая...» Мало кто не знает сказки о том, как коза

Бежала через мосточек,
Ухватила кленовый листочек...

Многие из нас, забыв саму сказку, помнят лишь этот стишок — ответ козы, всё время повторяющийся в сказке. А вот в пьемонтском диалекте итальянского языка от аналогичного «козьего» ответа осталось и того меньше — всего лишь фразеологический оборот *sgava l'à mangià la fojà* 'коза съела лист' или даже короче — *mangé la fojà* 'есть лист' Здесь это значит просто 'быть хитрым'. А ведь и русская коза тоже хитрила, утверждая, что она почти «ничего не пила, не ела, бежала через мосточек...». Как видите, характер итальянской и русской коз одинаков.

Козлиное молоко, эгида и Млечный Путь

Не ёдалз емь... от козла млека, — пишет Даниил Заточник, который, как мы видели выше,

даже дойную козу называл «*не котъ во котѣхъ*». Выражение *как от козла молока* типично русское. Тем не менее представление о козлином молоке как о чём-то несуществующем известно многим народам. Немцы употребляют сочетание «доить козла» (*den Vock melken*) для обозначения бесцельного и глупого занятия вроде русского переливания из пустого в порожнее.

Эту поговорку мы найдём и у древних греков. Описывая жизнь Демонакта, греческий писатель Лукиан рассказывает о встрече с двумя невежественными философами. Их «философская» беседа состояла из нелепых вопросов и ответов, абсолютно не относящихся к делу. Тогда Демонакт заметил: «Не правда ли, друзья, что один из этих господ доит козла, а другой подставляет сито?»

И всё-таки козлиное молоко существует. Правда, в сказке, и не от обычного козла, а от небесного. Эстонцы рассказывают, что у царя змей была золотая чаша с молоком от небесного козла. Тот, кто обмакнёт хлеб в это молоко и съест его, может узнать любую тайну, свершившуюся ночью.

Впрочем, гораздо больше сказок, легенд и мифов рассказывают не о козлином, а о козьем молоке. Из этих красивых рассказов и рождались крылатые слова и фразеологизмы. Легко ли поверить, что между выражениями *быть под эгидой*, *как из рога изобилия* и *Млечный Путь* существует какая-то взаимосвязь? Ведь первое значит 'пользоваться чьим-либо покровительством', второе — 'очень щедро, богато', а третье — астрономический термин.

И всё-таки между ними есть «молочное» родство: они связаны именно козьим молоком.

В первых двух случаях это молоко священной козы Амалфеи, которая в одном из греческих мифов спасла от голодной смерти Зевса. Это произошло, когда Зевс был ещё ребёнком. Его отец — титан Кронос, имевший обыкновение пожирать своих детей, хотел точно так же поступить и с будущим богом богов. Чтобы этого не случилось, Зевса сразу же после рождения спрятали в заброшенном гроте и оставили там. Амалфея, подобно волчице, вскормившей легендарных Ромула и Рема, вскормила главу греческих богов своим козьим молоком. Воспитывать «божёнка» помогали нимфы.

Боги обязаны поступать великодушно. Поэтому, когда Зевс вырос и сверг своего отца с трона (Кроносу это было предсказано, потому он и пожирал своих детей), он отблагодарил свою кормилицу: вознёс её на небо и сделал созвездием. А нимфам подарил рог козы Амалфеи, из которого, чего бы они ни захотели, всё сыпалось в изобилии.

Шкурой этой священной козы был обтянут щит Зевса, хранящий его в боях с многочисленными богами и героями. Слово *áigis* (aigis), а в родительном падеже *эгидос* (aigidos) первоначально означало по-гречески 'козья шкура' (áix 'коза'). Именно сю обтягивали свои ивовые щиты древние греки. Потом *эгидой* стали называть щит вообще. *Под эгидой* значит 'под защитой, под покровительством', 'под щитом'. Но под особой *эгидой*, обтянутой шкурой козы Амалфеи, укрывались от врагов лишь два греческих божества: Зевс и дочь его Афина, богиня мудрости и войны.

Но вернёмся к козьему молоку. Именно эта легенда легла в основу названия Млечного Пути. Примерно 150 миллиардов звёзд, составляющих его, — это ка-

пельки молока козы — кормилицы Зевса. По мнению древних писателей, например Сервия, созвездие Козерога из цикла зодиака — не что иное, как Амалфея. А Млечный Путь — её богатый удой.

Сочетание *Млечный Путь* кажется таким же русским, как и *Большая Медведица*. Но так же как и последнее, это название лишь перевод древнегреческого *γαλακτίας κύκλος*: *gala, galaktos* 'молоко', *kyklos* 'круг, цикл, путь'. В русских же диалектах Млечный Путь зовут *Моисеевой дорогой, Батыевой дорогой. Птичьим путём, Дорогами, Путями, Улицами, Поясами на небе*; в украинском языке — *Чумацким шляхом*, в шведском — *Зимней улицей*, во вьетнамском — *Серебряной рекой*, в мансийском — *Лыжной дорогой мужчины из племени Мось*, а в якутском — *Следом, оставленным добрым духом, когда он шёл по небу на лыжах*. И каждое из названий эти народы воспели в поэтических мифах, не менее красивых, чем миф о козе Амалфее.

Козлиные химеры

Нужно сказать, что козлу и козе в отношении легенд повезло. Пожалуй, нет ни одного народа, в мифологии которого не действовали бы эти животные. Козёл, обгладывающий виноградные листья, стал постоянным спутником бога вина и веселья Диониса. Пан, покровитель древнегреческих пастухов, изображался с козлиными ногами, рожками и бородой. Химера — огнедышащее чудовище, по описанию Гомера, имела голову льва, туловище козы и хвост дракона. Мефистофель был надслён козлиными рогами, хвостом и копытами. Перечислять такие «козли-

ные» атрибуты разных мифических существ можно бесконечно.

Мифы забываются, но язык хранит их следы. Вот украинское выражение *химери гонити* 'рассказывать неправдоподобные вещи'. И в русском языке, употребляя слово *химера* в значении 'нереальные, фантастические новости', мы не вспоминаем о мифическом козлоподобном существе, которое стало основой этого сочетания. Точно так же не вспоминаем мы козлоподобных Пана и Диониса, затаившихся в словах *паника, трагедия, сатира, фауна*. Взгляните в этимологический словарь, и вы почувствуете, как терпко от этих слов «пахнет» козлом.

Козы капризы и «козлёнок» без козёл

А языковые родственницы козы ещё более многочисленны. Так, слово *кожа* в праславянском звучало как **kozja*, обозначая именно козью шкуру. Затем значение этого слова расширилось и стало обозначать кожу любого животного. Такой семантический переход был типичным для индоевропейских языков: то же, например, произошло с греческим и санскритским (древнеиндийским) словами *кожа*. Да и история *эгиды* в этом отношении тоже поучительна: ивовые щиты со временем стали обтягивать и шкурами других животных, и оковывать металлом, а греки продолжали именовать их «козьими».

Не торопитесь утверждать, что между далёкими по современному значению словами *каприз, кабриолет* и *каприччио* нет никакой связи. Все они этимологически восходят к латинскому сарга 'коза' или сарет 'козёл'. *Каприччио* — музыкальное произведение, от-

личающееся живостью и игривостью. *Каприз* — неожиданная, внезапная прихоть. *Кабриолет* — лёгкий экипаж, подпрыгивающий на каждом дорожном ухабе. Не правда ли, в этих словах довольно точно отражается козий характер?

Впрочем, нет никакой необходимости помнить «козлиное» происхождение этих слов. Они живут своей некозлиной жизнью, и постоянное напоминание их этимологии приводило бы к курьёзам. Вот точное определение слова *кабриолет* в русском толковом словаре: 'лёгкий двухколёсный экипаж с одним сиденьем, без козел'. Переведи мы его с этимологического языка на современный, получился бы невольный каламбур: «козлёнок... без козел».

Далеко разошлись «козлы» друг от друга. Соединить их может теперь лишь этимолог или писатель, которому необходимо создать неожиданный стилистический эффект «козлиным» каламбуром.

Так и поступает, например, автор фельетона «Козёл отпущения», критикуя руководство одной из школ за халатное отношение к спортивному воспитанию учащихся. Директор предлагает «очистить» от спортивного инвентаря спортзал: «Ну, а козла нужно вообще выбросить, он в зале не нужен!»

«Так был найден козёл отпущения», — заключает журналист. «Козлы» вновь столкнулись. На этот раз, чтобы высечь сатирическую (надюсь, вы уяснили связь *сатиры с козлом*) искру.

Кого же «забивают» в домино?

Итак, мы знаем теперь все основные черты характера козла и козы, отражённые в языке. Пора вернуть-

ся к боевому кличу «Забьём козла!». Какое же из этих свойств отразилось в сакраментальной формуле русских любителей домино?

Домино, как известно, — это видоизменённая игра в кости, которую мы знаем по пиратским рассказам, но в которую люди играли за много тысячелетий до капитана Флинта.

Римский император Август, например, очень любил эту игру. Вот что он писал в письме Тиберию: «За обедом, милый Тиберий, гости у нас были всё те же, да ещё пришли Винипий да Силий Старший. За едой и вчера и сегодня мы играли по-стариковски: бросали кости. И у кого выпадет «собака» или шестёрка, тот ставил на кон по денарию за кость, а у кого выпадет «Венера», тот забирал деньги»¹.

Игральные кости имели у римлян продолговатую форму и были с 1, 3, 4 и 7 очками. «Собакой», о которой вспоминает император, назывался худший бросок, когда на всех костях была единица, «Венера» — лучший, когда все кости падали разными очками.

У римлян — «собака», у русских — «козёл». Оба животных в языке имеют отрицательную оценку, поэтому и вошли в терминологию игры в кости. Нет ли здесь действительно такой связи?

Просмотрев описания и правила игры в домино, вы не найдёте, однако, русских обозначений очков, подобных римским. Видимо, дело здесь не в «козлином» свойстве какой-нибудь «малоочковой» костяшки.

Может быть, тогда можно подозревать какое-либо внешнее, чисто формальное сходство названия игры

¹ Светоний Гай Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1964, с. 62–63.

и настоящего козла? Перепутали же русские «козу» и «косу» (косую) в пословице *Будь жена хоть коса, лишь бы золотые рога* и, несмотря на непонятность, сохраняют именно слово *коса*. Может быть, *козёл* из домино — подобнос искажение слова *козырь*? Ведь *козёл* — это и вид карточной игры.

Нет, *козёл* в выражении *забить козла* не имеет никакого отношения ни к настоящему, ни к карточному козлу. Это тоже результат ошибки, вызванной формальным смешением двух слов. Помните историю фразеологизма *бить баклуши* и названия русских бабок? Среди них есть и целый ряд слов, похожих на нашего козла: *козелок, козлок, козён, козан, козенок, кози*. Все они означают одно и то же: костяшку, состав из ног молодого рогатого скота, употребляемую для игры в бабки-козны. Ею увлекались все деревенские мальчишки: *Егорушка часто выходил с нами и с увлечением играл в козны... Разбивал он козны на расстоянии двадцати шагов* (Ф. Гладков. Повесть о детстве).

Игра в козны, бабки — это лишь одна из разновидностей игры в кости. Вполне возможно, что когда в народе распространился новый вид этой игры — домино, то русские игроки воспользовались своей старой, привычной терминологией. Не случайно и пластинки с обозначением очков при игре в домино называют *костяшками*.

Забить козла первоначально означало, по-видимому, 'начать бить, сбивать козны, бабки, алычики'. Но сходство слов *кози, козон* (*козлок, козелок*) с *козёл* больно соблазнительно. Тем более что первое неизвестно какого происхождения, его трудно как-либо мотивировать. А *козёл* вызывает столько ассоциаций,

причём ассоциаций отрицательных, экспрессивных. *Бить козла, забивать* его было вполне оправданным с точки зрения языковой логики: было за что. И мы вовсе не зря вспомнили все те фразеологические ассоциации, которые вызывает слово *козёл*. Ведь именно они способствовали превращению мирного предложения начать игру в козны в боевой клич любителей домино.

ГДЕ ЗИМУЮТ РАКИ

В одной старой эстонской сказке муж чуть не избил жену за то, что та не смогла приготовить ему блюдо, которое он любил. Жена бы и рада выполнить просьбу супруга, да никак не могла понять, чего тот хочет: он просил её сварить «рыбу, но и не рыбу, у которой есть глаза, но не в голове». Недогадливую мать спас от побоев сын, растолковавший ей, что папаша любит раков.

Подобные загадки приходилось отгадывать не только эстонцам. Русские, например, сочиняли ещё более каверзные словесные шифровки для этого обитателя наших рек:

Бежит корабль о двенадцати лап.
Четыре четырки и две растопырки.
Два рога, а не бык, шесть ног без копыт.
Ноги многи, усы длинны, а хвостиком брык, брык.
По ножницам швец, по щетинке чеботарь.
Не кузнец, а с клещами.

Внешность рака настолько резко отличается от вида всех других животных, знакомых человеку, что не могла не привлечь его внимания.

Естественно, что человека давным-давно заинтересовали тайны этого диковинного существа. Даже Аристотель отвёл раку значительное место в своей многотомной книге о животных.

Почему краснеют раки

Причину покраснения рака в варёном виде люди узнали сравнительно недавно. Сейчас точно известно, что краснеет он из-за особого состава своего панциря, содержащего так называемые каротиноиды. Но само явление вошло в язык многих тысячелетия назад. Выражение *красный как рак* повторяют самые разные народы: немцы (*rot wie ein Krebs*), итальянцы (*rosso come un gambero*), французы (*rouge comme une écrevisse*).

Способность рака краснеть стала не только основой устойчивых сравнений, но отразилась в пословицах и поговорках: *Горе одного рака красит; Когда рак чёрен — он куслив и задорен, а когда красен — никому не опасен*. Хорошая половина русских загадок о раке намекает именно на это качество: *Идёт в баню чёрен, а выходит красен; Кто после смерти красен? Кто в красной рубашке умирает?*

В Украине вы можете услышать такую фразу: *Наші дівки раків печуть*. Это не означает, что украинские девушки пекут настоящих раков. Просто они краснеют от смущения. Подобные выражения есть и в других славянских языках, например в чешском. И по-французски «он варит своего омара» (*il fait cuire son homard*) означает, что человек покраснел. Кстати, французы часто используют образ варёного рака или омара для сравнений с людьми в красных одеяниях:

пехотинцами и кавалеристами некоторых полков, сипаями и кардиналами. В «Тружениках моря» В. Гюго называет омара «морским кардиналом», искусно выворачивая это привычное французское сравнение наизнанку.

Не удивительно, что способность менять цвет панциря действовала на воображение древних магически. Многие считали рака целебным. Аристотель и Плиний рекомендовали настойку из рака, разрезанного на мелкие части, как средство против яда, особенно змеиного и жабрьского. Поэтому многие аптеки средневековой Европы именовались «У красного рака», «Красный рак» и воспроизводили на вывесках его изображение.

Пятится как рак

Не менее поражала человека рачья походка. Именно она сделала рака символом косности, ретроградства и консерватизма: *Как ни учи рака ходить прямо — ничего не выйдет; Криво рак выступает, да иначе не знает.* Нет народа, который бы не отметил эту характерную черту в своей фразологии. Французы и испанцы говорят *ходить как рак*, итальянцы — *совершать рачье путешествие*, немцы — *ходить рачьей походкой*. И у всех народов символика рачьей походки одна и та же. Именно поэтому так легко было перевести английское сравнение на русский язык, передавая ответ Гамлета Полонию:

Каналья сатирик утверждает, что у стариков седые бороды, лица в морщинах, из глаз густо сочится смола и сливовый клей... Всеу этому, сэр, я охотно верю, но публиковать это считаю бесстыдством, ибо сами вы, мило-

стивый государь, когда-нибудь состаритесь, как я, ежели, подобно раку, будете пятиться назад.

Рак и безрыбье

Но стремленис назад — далеко не единственный недостаток рака, подмеченный человеком. С практической точки зрения, пожалуй, важнее то, что от него пользы как от козла молока. Ведь именно о раке говорили первоначально «ни рыба ни мясо», прежде чем сделать это выражение символом вялого и равнодушного человека.

Курица не птица, а рак не рыба; Рак не рыба, а собака не скот; Рак не рыба, прапор (т. е. прапорщик. — В. М.) *не офицер*, — гласят русские пословицы. **Глаголетъ бо в мирскихъ притчахъ: не котъ въ котѣхъ коза; не звѣрь въ звѣрехъ оужь; не рыба въ рыбахъ рак; не почка въ почкахъ** (т. е. птицах. — В. М.) **нечопырь; не мѣжъ въ мѣжахъ, нже князь жена владѣетъ**, — писал Даниил Заточник. Для него «непригодность» рака вытекала из резкого внешнего отличия от рыб и нерыбьего поведения.

В народе рак был непопулярен и за своё «маломясис». *Рак что орехи: чем больше ешь, тем больше остаётся; Поколе наешься раков, потоль проголодаешься* — вот мнение русских «ракоедов».

Впрочем, при нужде, *на безрыбье и рак рыба*. Смысл этой поговорки — прямое следствие отрицательного отношения к раку. А само слово *безрыбье* нигде, кроме этой поговорки, не употребляется.

Однако какой бы исконно русской ни казалась нам поговорка о безрыбье, но и к ней находятя древние параллели. У грсков была такая пословица: *При нуж-*

де и Рак достигает почести, а при внутренних раздорах и Андрокл бывает полемархом. Полемархом в древней Греции называли высокопоставленного военачальника. В русском языке есть соответствующая поговорка: *На безрыбье и рак рыба, на безлюдье и Фома в чести*. Вы, наверное, обратили внимание, что в русской пословице *рак* написан с маленькой буквы, а в греческой — с большой. Это потому, что греческую пословицу связывают с рассказом Фукидита об афинском стратеге времён Пелопонесской войны *Каркине*, что в переводе значит именно 'рак'. Киевский специалист по античной литературе И. К. Тимошенко, сопоставляя эти две пословицы, убедительно показывает, что рак в греческом варианте подлинный. Опять — типологическая параллель. Так наша русская пословица помогает раскрыть происхождение древнегреческой.

Кормить раков, хватать крабов и ловить лещей

Но не всегда люди едят раков. Случается и наоборот. В итальянском языке есть, например, такое проклятие: *Чтоб тебя рак съел!* (*Ti mangi il canchero!*), и означает оно пожелание смерти. Помните пушкинского «Утопленника»?

Всё в нём страшно онемело,
Опустились руки вниз,
И в распухнувшее тело
Раки чёрные впились.

Раки обычно скапливаются вокруг утопленников, поэтому в морском сленге сочетания *кормить раков* и *ловить раков* означают 'умереть'.

А вот другое морское выражение: *схватить краба*. Его можно услышать от любителей академиче-

ской гребли. Означает оно: 'глубоко и ребром погрузить весло в воду'

Эта спортивная фраза попала в язык гребцов из Англии — родины академической гребли. То catch a crab там означает *схватить краба*. С переводом этого выражения на немецкий язык получился один курьёз, который отметил Ф. Энгельс в заметке «Как не следует переводить Маркса»¹. Лондонский корреспондент немецкой газеты «Кёльнише Цайтунг», прочитав очерк о том, как оксфордские студенты переплыли Дуврский пролив на четырёхвёсельной лодке и как один из них *поймал краба* (caught a crab), добросовестно сообщил читателям: «Краб зацепился за весло одного из гребцов». Мастером *ловить крабов* такого рода Ф. Энгельс назвал Бродхауса — одного из переводчиков «Капитала».

А вот при переводе сравнения человека с крабом, употреблённого К. Паустовским в «Повести о жизни», никому из иностранцев не придётся ломать голову. Для этого достаточно хоть раз увидеть или прочесть о том, как передвигается на суше краб: *Старик в панаме вскрикнул, сделал огромный прыжок в сторону, быстро побежал, как краб, на согнутых ногах и бесследно исчез в соседней подворотне*.

Это сочетание понятнее, чем *схватить краба*, прежде всего потому, что оно свободно, неустойчиво сравнение, где слово *краб* почти сохранило первоначальное значение.

Но вернёмся к выражению *схватить краба*. Английское слово crab, помимо 'краб', означает также 'неудобство, неудача', 'царапать когтями, вцепив-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е, т. 21, с. 237–238.

шись', 'уклоняться от нужного направления', 'крен, скос' Собственно, выражение to catch a crab возникло не столько в результате ассоциации с настоящим крабом, сколько путём использования одного из названных значений. *Схватить краба*, следовательно, расшифровывается скорее как 'сделать неудобный, неудачный гребок', 'зацепиться (to grab) веслом за воду, косо' или что-нибудь в этом роде. «Краба», которого «поймал» немецкий журналист, здесь нет, так же как и в русском эквиваленте этого выражения *поймать леща* нет настоящего леща.

Лещ здесь — это 'неловкий, кривой удар по воде веслом': слово образовано от глаголов *лещать* 'щёлкать, хлопать', *лещать*, *лещить* 'хлопать', 'плескаться'

И всё-таки какие-то частички 'краба' и 'леща' присутствуют и в английском, и в русском выражениях. Внутри этих фразологизмов создаётся напряжение между глаголом «поймать» и первоначальными, «некрабьим» и «нелещьим», значениями слов *краб* и *лещ*. Это напряжение разряжается за счёт ассоциации с действительными крабом и лещом. Так противоречие между формой и содержанием второй части этих выражений высекает искру экспрессивности. А без экспрессивности нет фразологизма.

Рачьи глаза и рачьи клешни

Но рассуждения о ловле крабов и лещей незаметно увели нас от рака. Не будем, однако, забывать, что «не рыба в рыбах рак», и вновь обратим к нему взор.

Кстати, на рака можно посмотреть и *рачьими глазами*. Например, такими, какие были у мужика, описанного Д. В. Григоровичем: *Лицо мужика, с большими*

глазами навывкате, как у рака, постоянно сохраняло выражение тупого удивления («Переселенцы»). Рачьи глаза использовались не только для литературных сравнений, но и рекомендовались древними как средство против сонливости.

Подобные рекомендации родились, видимо, на основе древних преданий о раке, который будит спящего в минуту опасности. Этот сюжет известен и славянам: так, в украинской сказке «Фёдор Тугарий и Анастасия Прекрасная» молодого героя усыпляет ведьма. Сон превратился бы в вечный, если бы *на третий день Фёдора штось не начало кусать; ён праснувся, глядит, аж то тые раки, што ён им икру надялив.* Раки спасли Федора от гибели за то, что он мудро разделил между ними икру, из-за которой они передрались.

Кроме глаз, в русских фразеологизмах часто используются и названия других рачьих органов: *усы как у рака, раковая шейка, куда конь с копытом, туда и рак с клешней.*

В словаре В. И. Даля слово *клешня* записано и в индивидуально употреблённом значении — 'нога':

Взвалился на лошадь, так раскинь клешни! Эта грубоватая метафора не закрепилась в языке, так и осталась, как говорят лингвисты, «на уровне речи». Но нередко в языке индивидуальное становится достоянием коллектива. Так, в русский язык вошло выражение *давить раков* 'плавать, идти судном по мелям', придуманное каким-то остряком-мореходом, или слово *раковина* 'кафельный таз под водопроводным краном', употреблённое впервые каким-то серьёзным немецким инженером. В последнем случае,

правда, рак «опосредован», ибо речь идёт о сходстве с раковиной моллюска.

Каждый член коллектива прибавляет к этому индивидуальному что-либо своё, появляются различные толкования замеченного явления, рождаются мифы. Мы уже видели, как наблюдение за походкой рака привело к созданию оборотов типа *пятиться как рак* во многих языках. Это же явление отразилось и в названии созвездия Рака. Именно в июне — июле, когда это созвездие лучше всего видно, дни начинают укорачиваться, солнце отступает, «пятится как рак». Не случайно и у древних индусов это созвездие именовалось Рачьим, точно так же, как и у халдеев, которым приписывают создание цикла зодиака.

Название этого созвездия, передаваясь из уст в уста, вызывало уже не только ассоциации с рачьим шагом. Древние греки толковали его более конкретно, связывая с мифом о Геракле, который во время сражения с Гидрой был схвачен цепкими клешнями и оттащен огромным Раком. Богиня Гера, люто ненавидевшая Геракла, за эту услугу вознесла Рака на небо и обратила его в созвездие.

Сейчас уже трудно сказать, миф ли родил название созвездия или название созвездия — миф. Но в мифологии чаще случается второе.

На рачьих зимовках

Таких мифов, легенд и сказок о раке, крабе и ома-ре хватило бы, пожалуй, на толстую книгу. Но и они, однако, не ответят на вопрос, который интересует каждого русского: «Где же зимуют раки?» Ведь нам уже с детства грозят показать рачью зимовку наши

родители, как это делал отец доктора Крупова, дьякон, узнав, что сын его хочет изучать медицину: *Ах ты, баловень презорный, — кричал он на меня, — вот как схвачу за вихры, так ты у меня узнаешь, где раки зимуют. Деды твои и отцы не хуже тебя были, да не выходили из своего звания, а ты что вздумал?* (А. И. Герцен. Доктор Крупов).

Прошло почти сорок лет, герценовский Крупов всё-таки послушался отца и стал доктором медицины, автором отнюдь не духовного сочинения «о душевных болезнях», а родитель так и не сдержал своего обещания.

Показать, где раки зимуют, далеко не просто. Для этого необходимо быть необычайно наблюдательным. Не зря выражение *знать, где раки зимуют*, означает 'быть хитрым'. С. В. Максимов, толкуя это выражение, пишет о том, что раки вырывают в песке и камнях глубокие норы и, забившись в них, «впадают в оцепенение и оставляют его тотчас, как только животворная теплота восстановит отправления тела». Найти эти норы якобы нелегко, отсюда и поговорка.

Толкование, на первый взгляд, логичное, но не совсем точное. Ведь, собственно говоря, раки и не зимуют. Зимой они точно так же забираются в свои норы, как и летом, и точно так же ползают по дну реки в поисках пищи. Более того, нередко они размножаются именно в самое холодное время, когда большинство обитателей животного мира погружается в зимнее оцепенение. Вероятно, именно этот факт и подмстил сочинитель оригинальной, чисто русской поговорки. Он-то наверняка знал, «где раки зимуют», — вернее, что они и не зимуют вовсе. И потому смело сулил по-

казать их «зимовки»: ведь это исполнимо лишь тогда, «когда рак на горе свистнет».

МЕЖ ВОЛКОМ И СОБАКОЙ

Зоологический институт Академии наук в своё время выпустил уникальные труды: сто томов серии «Фауна СССР» и столько же — серии «Определители по фауне СССР». В этих книгах даётся скрупулёзное описание способа жизни, повадок и т. д. различных животных на огромной территории.

Представьте себе, что и Институт лингвистических исследований Российской Академии наук поставил бы перед собой подобную задачу — создать книгу «Фауна России в языках, мифах, фольклоре народов нашей страны». Можно смело сказать, что этот труд был бы не менее объёмистым. О судьбе многих животных в лексике и фразеологии можно написать целые монографии. Так и сделали, впрочем, лингвисты Анджело де Губернатис, Рихард Риглер, Шарль Розен, к трудам которых автор обращался за английскими, итальянскими, немецкими и французскими параллелями. На славянском материале подобную задачу недавно взял на себя ученик академика Н. И. Толстого московский славист А. В. Гура. В объёмистой монографии (свыше 900 страниц) «Символика животных в славянской народной традиции» (М., 1997) он описывает народные представления славян о животном мире, давая пластическую «портретную галерею» образов животных в верованиях, обрядах, фольклоре и языке. Имея столь ценную научную базу, можно было бы написать книгу не меньшего объёма и об отражении этой «портретной галереи» в славянской фразеологии.

Но поскольку перед вами не специальное исследование по данному вопросу, а лишь отдельные рассказы о том, как в русской фразеологии отразился внешний мир, ограничимся ещё одним наблюдением над «фразеологическими» повадками животных. Выражение *меж волком и собакой* (французский оборот *entre chien et loup*) А. С. Пушкин дословно перевёл в «Евгении Онегине»:

Люблю я дружеские враки
И дружеский бокал вина
Порою той, что названа
Пора меж волка и собаки,
А почему, не вижу я.

Поэт, как видим, не знал истории этого странного выражения, означающего «в сумерки». Он даже подчеркнул его странность, оторвав буквальным переводом от родной французской среды.

Впрочем, и на родине фразеологизма его происхождение вызывает споры. Одни считают, что его надо понимать почти буквально: в сумерки трудно отличить собаку от волка. Другие прибавляют к этому объяснению рассказ о пастухе, который в сумерках перепутал волка с собакой. Третьи утверждают, что под этой порой следует иметь в виду время между сумерками, когда волки выходят из своих нор в поисках добычи. Наконец, четвертые полагают, что волк и собака в древнем выражении — это символические обозначения света и тьмы, положительного и отрицательного начал, воплощённых в образах верного друга человека и его заклятого врага.

Именно в этом, последнем смысле древние говорили, что гисна (т. е. ночь) заставляет собаку (т. е. день) замолчать.

Конечно, вряд ли вас устраивает такое обилие противоречивых ответов на вопрос, поставленный А. С. Пушкиным. Но ничего не поделаешь: время закодировало самые простые и бесхитростные рассказы о животных, ставшие прообразами современных фразеологизмов.

Поре меж волка и собаки ещё очень повезло: всё-таки слово *волк*, хотя и переосмысленное, сохранилось в этом фразеологизме. А вот в русском выражении *лёгко на помине* волком уже и не пахнет. Тем не менее серый хищник в нём — главный герой. Наши предки искренне верили, что слово не расходится с делом и что достаточно вслух произнести имя грозного зверя, как он тут же появится. Поэтому на названия многих хищных животных, а также злых духов, ведьм и чертей налагались строжайшие запреты — табу. *Помяни волка, а волк тут как тут; Мы о волке, а он за гумном* — подобные поверья оставили пословичный след в языках многих народов. И нет ничего странного в том, что в двух русских поговорках этого типа — *лёгко на помине и не к ночи будь помянут* — волк исчез вовсе.

Роль табуистических и суеверных представлений в «животной» фразеологии трудно переоценить. Тем не менее заповедь: «Не поминай имя волчье всуе» — лишь одна из частных причин активного фразеологического процесса — упрощения, сокращения сочетаний.

Мы видели, как мифы, легенды и сказки постепенно сокращаются, готовясь стать пословицами и поговорками. Сюжет легенды или сказки, а нередко лишь их осколок становится основой басни и побабенки. Последние в свою очередь конденсируются в

пословицы, поговорки и устойчивые образные обороты. Наконец, частое употребление может привести к максимальной речевой экономии — тогда словосочетание превращается в слово.

Знание этого постоянного процесса помогает историкам фразеологии раскрывать первоначальный смысл многих образных выражений. Так, например, трудно было бы понять, почему сочетание *журавль в небе* означает ненадёжное обещание, не будь русских пословиц *Журавль в небе не добыча* и *Лучше синица в руках, чем журавль в небе*. Нелегко было бы догадаться, отчего *вертеть вола* — это 'бездельничать', если бы не было продолжения этого фразеологизма *вертеть вола за хвост*. Наконец, вовсе невозможно было бы «раскусить» этимологический смысл выражений *убить бобра* 'допустить досадный промах, просчитаться', если бы мы не знали, что у него есть рифмованная вторая часть: *Убить бобра — не видать добра*.

Под влиянием сужающегося фразеологического окружения постепенно меняется и смысл слов, входящих в устойчивый оборот. Название животного всё больше удаляется от животного мира, пока вовсе не порывает с ним. Нам не кажется, например, странным превращение мухи в зайца в повести С. Лема «Несчастный случай»: *Что-то, въедливо жуужжа, легонько стукнуло Пиркса в лоб — какая-то муха, пробравшаяся зайцем на корабль...* Ведь *заяц* здесь вовсе не «заяц», а незаконно просежающий пассажир — безразлично, муха или слон.

Именно тогда, когда подобное превращение мухи в зайца становится закономерным и не вызывает никакого недоумения у читателей, для историка фразе-

ологии наступает пора меж волком и собакой — пора этимологических сумерек. Процесс утраты внутренних связей слова с другими, родственными словами в этимологии так и называется — затемнение внутренней формы. Этимологические словари в таких случаях беспомощно констатируют: «тёмное слово», «неясно», а то и просто: «темно».

Прояснить эту «тьму» бывает часто не легче, чем протащить верблюда через игольное ушко. В поисках истины приходится обращаться к мифам и преданиям древних народов, перечитывать с детства знакомые сказки, изучать знахарские заговоры и рецепты, выискивать забытые и переиначенные значения слов в самых отдалённых уголках нашей страны, а потом сопоставлять их с синонимами в других языках, изучать повадки верблюда или козла, а потом убеждаться, что для объяснения фразеологизма важны вовсе не повадки животных, а случайное звуковое подобие слов.

И лишь после всех этих лингвистических операций сумерки начинают рассеиваться и силуэты животных, вошедших в наши пословицы и поговорки, вырисовываются всё яснее и яснее.

Имена, вошедшие в поговорку

Онегин, Ленский, Татьяна, Зарцкий, Репетилов, Хлестова, Тугоуховский... разве все эти собственные имена теперь уже не нарицательные? И Боже мой! Как много смысла заключает в себе каждое из них!.. Целый мир в одном, только в одном слове!

В. Г. Белинский

К Какое разноцветие ассоциаций порождают названия животных, мы уже видели. Это и понятно: никакая другая группа слов не подготовлена многовековой народной жизнью к аллегорическим метаморфозам так, как эта. «Животные» сравнения и метафоры — это застывшие образы древней жизни, тесно связанной с природой. А образ — это и есть сущность фразеологизма. Подавляющее большинство устойчивых оборотов, к истокам которых мы добирались в предыдущих главах, образовано именно путём переосмысления свободных сочетаний слов.

Переосмысление — это один из видов смыслового раздвоения слова, расщепления его исходного значения на несколько оттенков, имеющих шансы стать впоследствии самостоятельными значениями. Учёные называют эту способность полисsemией или многозначностью.

«ЗНАЧИТЕЛЬНО» ЛИ ИМЯ?

А что, если слово такой способностью не обладает? Если его значение всегда остаётся неделимым и цельным? Или, более того, у него вообще нет значения? Может ли сочетание с таким словом стать фразеологическим?

«Конечно, нет, — ответят одни. — Ведь образность — это смысловая двуплановость, многозначность. Значит, без многозначности нет образности, а без образности — какое же образное сочетание?!» Другие возражат: «Разве могут быть слова без значений?»

Некоторые учёные считают, что могут. Вот что писала, например, известная московская исследовательница Е. М. Галкина-Федорук: «...имена собственные не заключают в себе ни понятия, ни значения. Они являются только различающим знаком»¹.

Действительно, попробуйте сопоставить два слова: *собака* и *Шарик*. Первое — имя существительное нарицательное, второе — собственное. О первом мы можем рассказать многое: это и 'род хищных млекопитающих', и 'четвероногое домашнее животное', и 'хищник, насильник вообще', и 'негодяй, презренный человек' и т. д. Как эти характеристики слова *собака* отражались во фразеологии, мы видели.

А какую информацию даёт нам слово *Шарик*? Мы знаем только, что это кличка собаки, и только. Даже факт, что это имя «говорящее», ничего нам не говорит: вряд ли каждый Шарик оправдывает то «основание для сравнения», какое заложил в эту кличку пер-

¹ Галкина-Федорук Е. М. Слово и понятие. М., 1956, с. 53.

вый человек, окрестивший так своего четвероногого друга за привычку свертываться клубком. Да и — более того — в последнее время этимологи начали даже оспаривать исконность этой русской собачьей клички и предполагать, что она заимствована из немецкого или из тюркских языков (ср. чувашское *sārta* 'красить', *sārä* 'краска'). В таком случае *Шарик* первоначально не 'круглая', а 'пятнистая', 'пёстрая' собака, подобно сербскому *Шарац* — кличке коня пегой масти.

Повадки каждого Шарика, его масть, «комплексция», цвет глаз, форма ушей и т. д. — дело индивидуальное, не обобщённое словом *Шарик*.

Многие учёные выделяют именно это «назывное» качество имени собственного, его способность различать предметы в ряду однотипных предметов, не указывая прямо на их свойства и признаки. Это действительно одна из самых ярких характеристик имени собственного в отличие от имени нарицательного.

Но как же тогда объяснить механику происхождения большой группы образных сочетаний с именем собственным, которые входят во фразеологический фонд всех языков мира? Как понять метафоричность выражений *ахиллесова пята*, *гордиев узел* или *показать кузькину мать*, если за именами *Ахиллес*, *Гордий* и *Кузьма* не может скрываться никакой образ, никакая качественная ассоциация, если эти имена суть лишь знаки для различения «однотипных предметов» — в данном случае людей?

Итак, вопрос о том, имеет ли собственное имя значение, тесно связан с проблемой образности или безобразности фразеологизмов типа *ахиллесова пята* или *показать кузькину мать*.

На примере фразеологизма *влять ваньку* мы видели, что образность сочетаний этого типа принци-

пиально не отличается от образности выражений, состоящих из имён нарицательных. Слово *ванька* лишь заменяет нарицательное *дурак*, так же как слово *бенки* заменяет игровой термин *баклуши* в ряду фразеологизмов со значением 'бездельничать'. Возможность такой замены обычно обеспечивается способностью слова обобщать какое-то качество.

Выходит, учёные, отрицающие способность имени собственного иметь значение, неправы? Значит, нет принципиальной разницы между именем собственным и нарицательным?

Именно так ставит вопрос группа лингвистов, признающих за собственным именем право иметь значение (А. А. Потебня, Л. В. Щерба, Н. И. Толстой, П. А. Дмитриев, В. П. Проничев, Л. М. Щетинин и др.). Способность собственного имени подвергаться переосмыслению в составе фразеологизмов — лишь один из убедительных аргументов в пользу лингвистов, отстаивающих эту точку зрения.

Спор между учёными ведётся уже не одно столетие, но однозначного ответа пока получить не удалось. Дело здесь в различном подходе к этой проблеме. Учёные, отвергающие наличие значений у имён собственных, подходят к ней функционально. Их интересует прежде всего, как употребляется этот тип существительных в конкретный отрезок времени в конкретном языке. Этот подход оправдан и объективен, именно он и даёт возможность провести границу между нарицательным и собственным именами, выявляя функциональную «бескачественность» последних.

Но слова, как и всё, что нас окружает, постоянно изменяются. Эта старая истина относится и к имени

собственному. «Следует помнить, что содержание, вкладываемое в индивидуальное имя, при ближайшем рассмотрении оказывается абстракцией. Каждая конкретная вещь и каждое лицо непрерывно, с каждым мгновением изменяется»¹, — пишет известный датский лингвист О. Есперсен, один из убеждённых поборников идеи о наличии значения у имени собственного. Именно с этой, исторической точки зрения границы между собственным и нарицательным именами не существуют.

Нет имени собственного, которое когда-то не было нарицательным. У одних имён это видно сразу (*Вера, Надежда, Любовь, Светлана*), у других это можно раскрыть лишь под «этимологическим микроскопом» (*Никита* — от греческого *nikāō* 'побеждать', *Марфа* — от арамейского *mārtā* 'госпожа', *Фекла* — от греческого *theos* 'бог' и *kleos* 'слава').

Хулиганы, разгильдяи и хамы

Немало в языке и обратных случаев. По подсчётам лингвистов Д. С. Мгеладзе и Н. П. Колесникова, в русском языке около 2,8% слов — бывшие имена людей. Об именном происхождении большинства из них вы, вероятно, и не догадаетесь.

Никому, например, не придёт в голову писать слово *хулиган* с большой буквы. Между тем это имя, причём имя не из такой уж седой древности. Есть предположение, что около века назад в трущобах юго-восточной части Лондона жила ирландская семья Хулиганов (*Houlihan*), прославившаяся своей драчливостью. О проделках Хулиганов сочинили

¹ Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958, с. 75.

озорную песенку. Песенка и закрепила «фамильную» традицию. Имя *Хулиган*, фонетически оформившись как английское (*Hooligan*), стало в лондонском арго обобщённым названием бандита, подкарауливающего одиноких прохожих.

Попав в Россию, слово *хулиган* первоначально употреблялось не в том значении, к которому мы привыкли. Царская охранка, например, называла *хулиганами* политически неблагонадёжных лиц, не принадлежащих ни к какой партии. Постепенно это слово, однако, приобрело знакомый нам смысл 'нарушитель общественного порядка'. Употребляя слово *хулиган*, мы не вспоминаем о драчливой ирландской семье. Ниточка, связывающая собственное имя и имя нарицательное, в русском языке оборвалась.

Точно так же оборвались эти нити у слов *франт* — бывшего чешского имени *Франтишек*; *разгильдяй*, восходящего к тюркскому имени *Уразгильди*; *ирод*, образованного от имени царя Иудеи *Ирода*, который, согласно евангельской легенде, велел убить одиннадцать тысяч младенцев, надеясь, что в их числе окажется Христос. Стало нарицательным имя *Хама*, сына библейского Ноя, спасшегося от всемирного потопа в своём ковчеге. Хам надсмеялся над наготой отца, за что и был им проклят. Лингвистическим же проклятием ему остаётся значение 'грубый, наглый человек', которое характерно для слова *хам* во многих языках. Имя древнегреческого духа мщения — *Мегеры* — превратилось в символ злой и сварливой женщины. Имя героя романа С. Ричардсона — *Ловелас* — стало символом волокиты. Имя друга Одиссея, советника его сына Телемака — *Ментор* — приобрело значение 'мудрый и опытный наставник, учитель'.

Ещё больше слов — обозначений различных предметов, в основе которых лежит собственное имя. *Бойкот и гильотина, грог и мансарда, гобелен и силуэт, сэндвич и шрапнель, реглан и никотин* — всё это бывшие имена людей, так или иначе участвовавших в создании этих предметов или понятий.

Обыкновенная «история»

Таким образом, способность имён собственных превращаться в нарицательные — способность «историческая». Впрочем, «историчность» такого перехода весьма относительна, ибо история совершается порой на наших глазах. Популярность имени молниеносно делает его символичным. *Бывает, что и Яшин мячи пропускает; Чего идёшь, как Олег Попов на арене цирка*, — такие украинские поговорки записала фразеолог из Киева Л. г. Скрипник. Русские футболист и клоун стали некогда частью украинской фразеологической истории.

Ещё молниеноснее превращают имя собственное в нарицательное писатели-пародисты.

Вот, например, пародия Б. Кежуна, в которой на читателя обрушивается поток новых русских глаголов:

Ты можешь так или совсем иначе
Свои стихотворения ковать —
Мартынить, евушленить, пастерначить,
Молчанить, рудерманить, слущковать!

Я всё, мой сын, могу тебе позволить!
Ты можешь, если кратко говорить,
Рыленть, безыменить, антоколить,
Хелемить, винокурить, инберить!..

«Мой буланый Пегас»

Любители поэзии легко узнают в этих глаголах имена советских поэтов. Новые слова, рождённые шуткой, нам понятны именно потому, что принцип перехода имени собственного в нарицательное здесь тот же: прежде чем образовать от фамилий глаголы, поэт сделал их обобщённым символом поэтического почерка, манеры писать стихи, пристрастия к определённым темам. История имени нарицательного здесь намного короче, чем та, которая обычно происходит в языке, но всё же это история.

Проходя по кругу имя нарицательное → имя собственное → имя нарицательное и т. д., существительные вступают в различные связи с другими словами. Чем устойчивее эти связи, тем ближе сочетание к обратному обороту.

Кощей Бессмертный и Баба Яга Костяная нога

Образ костлявого, злобствующего старика, который «над золотом чахнет», знаком нам с детства. Это сказочное чудовище живёт в своём подземном царстве, во дворце, выстроенном из «карбункула-камня», и не боится смерти. Не случайно постоянным его эпитетом является слово *бессмертный*: ведь душа его запрятана в утином яйце, добыть которое может лишь сказочный богатырь. Скупость Кощея вошла в поговорку так же, как и его бессмертие: *Михаил Зотыч был скуп, как Кощей*, — пишет Мамин-Сибиряк, — *и держал солдата впроголодь («Хлеб»)*. Это имя в составе фразеологизма может символизировать, таким образом, сразу два отрицательных качества. Третьей характеристикой Кощея, не отражённой во фразеологии, является его худоба: *Называют они своего хозяи-*

на кощеем за его худобу, сутулость и неуживчивость (Ф. Гладков. Клятва). Для Ф. Гладкова *кощей*, как видим, уже не имя собственное, а имя нарицательное.

Худоба и сутулость кажутся нам самыми естественными чертами Кощея: ведь его имя так похоже на слова *кость*, *костлявый* и т. п. На эту связь указывают и все русские этимологические словари. Выходит, первичное значение этого имени 'костлявый старик'.

Несколько своеобразно связывал имя *Кощея* с *костью* этнограф Л. В. Лошевский, видевший в этом имени целый комплекс мифических символов. «Роль похитителей или пленителей солнца в наших сказках, — писал он, — играют тучи, олицетворённые в виде *Кащея*; как тучи затемняют солнце и таким образом как бы похищают его, так *Кащей* уносит в свои владения красную девицу — солнце и разлучает её с возлюбленным — землёй, с которым она вступила в плодотворный союз. Основываясь уже и на том, что самое имя *Кащей* должно происходить от слова *кость*, откуда производится глагол *косте-неть*, т. е. замерзать, сделать твёрдым, как кость... следует принять, что *Кащей* — похититель красной девицы-солнца олицетворяет собою зимние тучи, которые в это время года, как бы окованные холодом, не дают дождей и заслоняют собой солнце, вследствие чего цепенеет и самая земля в тоске от разлуки со своей возлюбленной...»

И такое «поэтическое» и прозаическое сопоставление *Кощея* или *Кащея* с *костью* вызывает сомнение. Кажется странным, что в имени такого неприятного существа не заложено отрицательной характеристики: ведь древние имена обычно были «говорящими».

Уже это сомнение заставляет вернуться к нстрадиционной этимологии имени *Кощея*, предложенной академиком А. А. Соболевским, связывающим его с глаголом *костить* 'бранить' (ср. *костерить*). Характерно, что именно это сопоставление помогает объединить два русских слова — *кощей* и *кощун*. Последнее имеет значение 'насмешник, ругатель' и образует другие слова: *кощунство*, *кощунствовать* и т. п. Этимологи разъединяют эти два слова, связывая лишь *кощун* с *костить* 'ругать'. Значение слов *костить* и *кастить* в славянских языках и диалектах, однако, более широкое: они означают, как показал академик В. В. Виноградов, не только 'хулить, поносить', но и 'портить, наносить вред'. Ср. польское *kazić* 'портить', чешское *kazit* с тем же значением, русское *проказа* и др. Это значение ещё сохранилось и в литературном языке: слово *пакость* — 'причинённый кому-либо умышленный вред'. Связь с этим древним корнем лучше проясняет внутреннюю сущность Кощея, чем сопоставление с костью: ведь во всех сказках этот старый скряга только и делает, что «костит» — творит пакости положительным героям.

Бабу Ягу роднит с Кошесем не только народный эпитет «костяная нога», который вызывает прямую ассоциацию со смертью. Характер этой безобразной старухи, любящей ночные прогулки в ступе и заматающей свои следы помелом, под стать характеру пакостника Кощея. *Баба Яга*, *Яга Бура*, *Яга Бова*, *Ога Бова*, *Ягая баба* — так называют её жители русских деревень. Имя это общеславянское: словаки называют свою Бабу Ягу *Яга-баба* и *Лежи-баба*, чехи — *Ежи-баба* и *Езинка*, поляки — *Ендза*, *Ендзина*. Корень этого имени **jeǵь* означает 'злой, мерзкий'. Он известен

не только славянским языкам, но и латышскому, литовскому, готскому, древнеиндийскому... Вот как древен корень зла, веками хранимого в этом имени, и как созвучен он внутреннему смыслу слова *Кощей*.

Мамай, Калин-царь и кайзер

Имя собственное, входя в фразеологический оборот, делает решительный шаг в сторону имени нарицательного. Конкретные, индивидуальные черты имени отступают на задний план. Оно приобретает способность обобщать.

Имя татарского хана Мамай известно каждому русскому. Разгромом его орды войсками Дмитрия Донского в 1380 г. кончилось на Руси татаро-монгольское иго. Однако, употребляя выражение *Мамай воевал*, беломорская сказительница Таисия Ивановна Махилёва явно не имеет в виду это историческое событие: *В избу зашла, дак батюшки, там Мамай воевал: всякого места накладена — кашня и бук, и всё вдруг*. Здесь оно значит 'большой беспорядок'. В таком же значении употребляет устойчивое сравнение с этим именем одна из героинь пьесы Горького «Дети солнца»: *Как Мамай прошёл по дому..., пате-ка, поглядите. Разбросано всё, растворено...* Ближе к нарицательному имя *Мамай* и в русской пословице *И Мамай правды не съел*.

Если попытаться обобщить тот комплекс нарицательных ассоциаций, который вызывает имя Мамай в этих фразеологизмах, то получится нечто вроде 'грубый и нахрапистый человек, чинящий беспорядок'. Любопытно, что это «русское» значение весьма близко к его татарской нарицательной трактовке: слово

мамай в тюркских языках значит 'чудовище, которым пугают детей'

Не менее «лестную» характеристику получил другой татарский «герой» русского фольклора — *Калин-царь*. Былинные сказители постоянно прибавляют к его имени серию нелестных эпитетов:

Подымался вор-собака да злодей Калин-царь
Да на наш на хорош да на столне Киев-град
Он по три года, собака, да по три месяца,
Не доехал он до города до Киева.

Это начало былины «Камское побоище». Ни в одной из былин вы не встретите этого имени без эпитета *собака*. Поэтому можно говорить об устойчивом фольклорном штампе — *собака Калин-царь*. Если же расшифровать татарское имя, то это тройное прозвище станет ещё обиднее: ведь в тюркских языках слово *калин* означает 'жирный, толстый, глупый' Ну и царь — жирная и глупая собака!

А не расшифровать ли нам заодно и нарицательное существительное *царь*, раз уж мы взялись за древних правителей? Теперь вы уже не удивитесь, узнав, что на поверку оно оказалось собственным именем.

«Ну уж если это имя, то навсрняка какого-нибудь русского царя», — скажете вы. Ведь даже французы, англичане и немцы заимствовали это слово из нашего языка: *tsar, tsar, Zar*. Да и само понятие 'царь' как-то трудно оторвать от царской России.

Тем не менее за именной основой этого слова придётся отправляться в Римскую империю. Слово *царь* связано с именем Гая Юлия Цезаря (100–44 гг. до н. э.) — могущественнейшего полководца и диктатора Древнего Рима. Ему принадлежат и многие кры-

латые слова, передаваемые из одного языка в другой. Это он воскликнул «Жребий брошен!» при переходе реки Рубикон, что послужило началом гражданской войны, завершившейся провозглашением диктатуры Цезаря. Не случайно выражения *Жребий брошен* и *Рубикон перейдён* до сих пор означают, что окончательное решение принято, пути назад нет. Юлий Цезарь — автор афоризма *Пришёл, увидел, победил*. Эти слова, по рассказам историков, были написаны на доске, которую несли во время триумфального возвращения диктатора в Рим после победы над понтийским царём Фарнаком. *Лучше быть первым в деревне, чем вторым в городе* — изречение, также принадлежащее Цезарю.

Цезарь жаждал славы, и он её получил. Но вряд ли подозревал он, что его славное имя, превратившись в символ царского могущества, будет так исковеркано в языках варваров. Первоначально оно звучало как «кэсар» (Caesar). В церковно-славянском афоризме *Воздадите кесарево кесарю, а Божие Богу* мы найдём слово, близкое к этой латинской первооснове. Уже здесь слово *кесарь* употреблено как нарицательное: эта евангельская фраза — ответ Иисуса посланникам фарисеев, которые спрашивали его, следует ли платить налоги кесарю, т. е. римскому императору.

Веска и закономерности языков, в которые попадало имя Цезаря, меняли его, придавая национальное звучание: немецкое *кайзер* и чешское *цисарж*, верхнелужицкое *кейжор* и турецкое *часар* 'австрийский император', латышское *кьейцар* и венгерское *цáсар*. Русское *царь* — одна из таких фонетических метаморфоз. Церковно-славянское *кесарь* превратилось в древнерусское *цьсарь* и далее — в *царь*.

Форма слова менялась, но нарицательный смысл имени римского диктатора оставался таким же, как и две тысячи лет назад.

Подобные истории происходили и с именами других древних властителей. Так, имя легендарного правителя острова Крит Миноса стало титулом крито-микенских царей — *миносов*, а имя Карла Великого (латинского *Carolus*), короля Франкской империи и римского императора, стало синонимом слова *царь* у славян: русское *король*, чешское *král*, польское *król*.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕЗБОЖИВАНИЕ МИФИЧЕСКИХ БОГОВ

Переход имени собственного в имя нарицательное очень важен для понимания специфики образования фразеологических оборотов, включающих собственные названия. Без этого перехода или приближения к нему создание такого фразеологизма невозможно. Имя индивидуально, но чем большую способность обобщать оно приобретает, тем ближе становится к нарицательному, тем больше оснований, как в случаях со словами *царь* и *король*, писать его с маленькой буквы.

Чем шире обобщение, тем расплывчивее контуры реальных лиц, событий, фактов, связанных с именем. Появляется необходимость в историческом комментарии слова или выражения. Приходится искать мотивы и источники такого обобщения.

Какую же историческую информацию несут имена, значения которых обобщены в составе образных выражений? Из каких кладезей черпает наш язык эту именную премудрость?

Одним из самых глубоких колодцев является мифология и литература античности. Из него не уставали черпать писатели старого и нового времени, вызывая к жизни звучные имена древних героев, богов, добрых и злых духов, которыми язычники греки и римляне заселили всё, что их окружало.

За что страдают Тантал и Сизиф?

Местом, где обитали греческие боги, была гора Олимп. Здесь жил в золотом дворце бог богов Зевс, повелевающий судьбами богов и людей. Время боги проводили в роскошных пирах. Право посещать божественные пиршества имели и полубоги — герои, — и даже смертные, правда, не простые, а царского происхождения. Удостоился такой чести и лидийский царь Тантал. Однако, возгордившись, он оскорбил богов, подвергнув сомнению их основное достоинство — всеведение. За это разгневанные боги прокляли Тантала и низвергли его в царство смерти. Гомер так описывает в «Одиссее» муки Тантала:

Видел потом я Тантала, казнимого страшною казнью:
В озере светлом стоял он по горло в воде и, томимый
Жаркою жаждой, напрасно воды захлебнуть порывался.
Только что голову к ней он склонял, упоая напитокъ,
С шумом она убегала; внизу ж под ногами являлось
Чёрное дно, и его осушал во мгновение демон.
Много росло плодоносных дерев над его головою,
Яблонь, и груш, и гранат, золотыми плодами обильных,
Также и сладких смоковниц и маслин, роскошно
цветущих.
Голодом мучась, лишь только к плодам он протягивал
руку,
Разом все ветви дерев к облакам подымались тёмным.

(Пер. В. А. Жуковского)

На многих языках выражение *танталовы муки*, или *муки Тантала*, означает 'невыносимые страдания от неисполнимости желания'

Гомеровское описание мучений коринфского царя Сизифа вы уже читали в главе о бездельниках. За что же пострадал этот хитрый и коварный правитель? За ту же человеческую гордыню. Сизиф пожелал стать бессмертным, как боги. Перехитрив богиню смерти, он заточил её в оковы. И тогда всё смешалось в земном и небесном царстве. Всё живое перестало умирать, люди стали богоравными.

Естественно, что больше всего от заточения Смерти пострадал бог войны Арей (Арес). Именно его Зевс послал освободить Смерть. Сизиф был побеждён, но не окончательно. Хитроумный коринфец договорился с женой, что после смерти она откажется совершать над ним погребальные обряды. Не успев попасть в царство Аида, он начал жаловаться на это неслыханное бесчестье и просить, чтобы его отпустили «на побывку» для наказания жены. Вернуть Сизифа из царства смерти было ещё труднее, чем заключить его туда. Для этого Зевсу пришлось отправить в Коринф своего сына, «посланника богов» Гермеса — самого хитрого и коварного бога Олимпа, покровителя торговцев и воров. За хитрость, причинившую всем так много беспокойства, боги и осудили Сизифа столь жестоко.

Миф о Сизифе попал даже в современную зоологическую терминологию. Энтомологи называют *сизифом* один из видов навозных жуков, отличающихся необычайным трудолюбием. Характерно, однако, что, став термином, имя Сизифа потеряло существенную часть своей символики — мучитель-

ность и бесплодность труда. «Сизиф-жук не знает страданий, — пишет энтомолог Жан Анри Фабр. — Проворный и упрямый, он карабкается по крутизне, всюду таща свой груз — то хлеб для себя, то хлеб для своего потомства». Такова зоологическая быль древней сказки.

Морфей и «гипнотическое» семейство

Так имена героев превращаются в будничные наименования. А бывает и того хуже: имя древнего бога вдруг примут за имя простого смертного. Именно в таком «обезбоженном» виде употреблено выражение *в объятиях Морфея* в пьесе одного современного автора «Воскресный визит бабушки». Молодой человек говорит в этой пьесе буфетчице: *Вы крепко спали в объятиях Морфея*. Буфетчица: *Чего треплетесь. Ночь не спала, на минуточку уснула, а вы уж «в объятиях Морфея»*. *Какой такой Морфей, когда у меня свой жених есть в Москве*.

Фразеологизм *в объятиях Морфея* имеет значение «предаваться сну» и давно уже является застывшим образом, который понятен без расшифровки. Морфей, как и его два брата Икел и Фантас и их отец Гипнос, были богами сна. Братом Гипноса был сам Фанат (Танатес), бог смерти. А родным домом этого сонного семейства было подземное царство смерти.

ЗДОРОВЫЕ АДАМЫ И БОЛЬНЫЕ ЛАЗАРИ

Древние греки и римляне были язычниками, «многобожниками». Они имели право выбирать себе бога.

Христиане потеряли это право. Их Бог един и вездесущ. Христианство — это не только догмат веры, но и грамотность и просвещение, которых несли такие

миссионеры-проповедники, как Кирилл и Мефодий, давшие славянам кириллическую азбуку. Библия, переводимая миссионерами, стала щедрым источником афоризмов, крылатых слов и образных выражений во многих языках. Имена многих библейских персонажей стали нарицательными: Авель, Каин, Ной, Авраам, Иов, Иисус, Иуда.

Право первородства, однако, принадлежит Адаму. Именно с него, как рассказывает Библия, начинается история человечества. Это было давно — в *адамовы веки*. Бог создал Адама лишь на шестой день, предварительно сотворив мир, в котором Адаму предстояло жить. Любопытно, что имя *Адам* «говорящее»: на древнесврейском языке оно означает 'человек'. Видимо, патриарх Моисей — предполагаемый автор Ветхого Завета, — давая это имя первому человеку земли, сознательно сделал его столь символическим.

Все мы — адамовы дети, — гласит русская поговорка, отражающая притчу о сотворении мира и Адама. Многие детали райской жизни отражены в библейской фразеологии. До наших дней, например, дошло выражение *ходить в костюме Адама и Евы*, что значит 'ходить голым'

Жизнь в раю способствовала долголетию; так, согласно Ветхому Завету, Адам прожил 930 лет. Впрочем, и его потомки, изгнанные из рая, прожили не меньше. Легендарный Ной, например, дожил до 950 лет. Рекордного возраста достиг патриарх Мафусаил — дед Ноя: 969 лет! Немного не дотянул до него другой ветхозаветный патриарх — Иаред (Аред, Арид), проживший «всего» 962 года. Тем не менее он, так же как и Мафусаил, вошёл в поговорку: выражения *прожить мафусаиловы веки* и *прожить*

аридовы веки — синонимы. Помните щедринскую сказку о премудром пскаре? *И отец и мать у него были умные: помаленьку да полегоньку аридовы веки в реке прожили.*

Зная о долголетию Адама, легко понять, почему в русских говорах это имя стало символом здоровья и силы. Выражение *Здоровая барыня* — просто *Адам Адамом* было записано в 1901 г. под Москвой.

Выражения *болен как Лазарь*; *беден как Лазарь*; *прикидываться Лазарем* 'притворяться больным и несчастным' восходят к имени евангельского нищего. Ослабевший от голода, больной проказой, Лазарь лежал у ворот дома богача, напрасно умоляя о подавании. Тот отказал ему даже в остатках, падавших с переполненного стола. Но зато после смерти, как и полагается по библейским законам, богач угодил в преисподнюю, а Лазарь — в «лоно Авраамово», т. е. в рай.

На Руси духовный стих о Лазаре был любимой песней бродячих нищих. В ней богач неожиданно оказывался братом бедного Лазаря, что усиливало бесчеловечность его поступка. Заунывный мотив песни, распеваемой далеко не бескорыстно, и вызвал к жизни чисто русское выражение *петь лазаря* 'прикидываться несчастным, жаловаться на свою судьбу, стараясь разжалобить'

Имя этого евангельского нищего мы найдём и в слове *лазарет* 'военная больница'. В средние века так называли больницы для прокажённых, которые напоминали своим названием о страшной болезни, мучившей Лазаря.

Таких лазарей Церковь после смерти нередко производила в святые, с их именами связывали леген-

ды о чудесных исцелениях, их мощам приписывали магическую силу. Так складывались святцы — христианский месяцеслов, список святых и праздников в календарном порядке. По этим святцам и давались имена на Руси.

Свадьба Маланьи со святым Василием Кесарийским

Бывали случаи, когда имя какого-нибудь конкретного лица, хорошо известного в округе, приобретало такую популярность, что выражение, связанное со святцами, начинало трактоваться по-мирскому.

В 1822 г. на страницах журнала «День» печатались «Заметки о жизни донских казаков». Их автор, описывая нравы и обычаи казаков, толковал и некоторые местные выражения. Вот, например, как объяснялось происхождение одного из них:

А вот што, бывало, как порасскажут про атамана Данилу Ефремовича да про супругу его Маланью Карповну. Такие-то они были простые да хлебосольные. Бывало, поедет казак в город да повезёт Маланье Карповне в гостинец крут (масляные лепёшки), севрюжины, икры свежей — всё принимала, не гнушалася. И угостит, бывало, всякого и наградит. Ажно теперь по народу гуторют: «наварила-де на Маланьину свадьбу».

Эту легенду повторяли позднее немало авторов. В свой сборник включил её и петербургский фразеолог М. И. Михельсон.

Выходит, пословичная Маланья — реальное лицо, тороватая черкасская казачка Маланья Карповна, свадьба которой с атаманом Данилой Ефремовым

состоялась в 1795 г. Об этом пунктуально сообщает «Опыт областного великорусского словаря».

Историк фразеологии, однако, привык с недоверием относиться к таким «правдоподобным» объяснениям. Ему подавай языковые факты.

В Библиотеке Российской Академии наук в Санкт-Петербурге хранится рукописный сборник пословиц, принадлежавший Петру I. Его датируют как «свиток исхода XVII века». В этом свитке мы находим и нашу Маланью: *наряжается как Маланья на свадьбу*. В другом рукописном сборнике XVII в. встречается пословица *Онанья плачет, а Маланья скачет*. Выходит, что это не Маланья Карповна, вышедшая замуж в 1795 г.

Языковая летопись свидетельствует и против казачьего колорита Маланьиной свадьбы. Выражение *наготовить как на Маланьину свадьбу* широко известно в севернорусских, среднерусских и сибирских говорах. В последних, например, мы уже встречаем такие варианты этой поговорки, как *расклада как Маланья с ящиком 'о том, кто разложил свои малоценные вещи напоказ, мешая этим другим', носитя как Маланья с ящиком 'о человеке, который носитя с ничтожной вещью и даже гордится сю' и т. д.*

Где же искать подлинный смысл этой поговорки?

Оказывается, в церковном календаре. В нём мы найдём и день Мелании Римляныни, именины которой приходятся на канун Нового года — 31 декабря по старому стилю. Вечер этого дня до сих пор во многих христианских странах называют «щедрым». И на Руси когда-то «на Маланку», т. е. в день святой Мелании, ряженая (т. е. переодетая как на маскараде) молодёжь ходила по домам, угощаясь блинами, ола-

дьями, пампушками и прочими щедротами, которыми оделяли их хозяйки. За щедрость молодёжь расплачивалась шуточными песнями и представлениями. На Украине, например, разыгрывали шуточную свадьбу Василя и Меланки. Имя Маланьиного жениха тоже не случайно: день святого Василия Кесарийского приходится на 1 января по старому стилю, поэтому и крещенские морозы называют иногда в шутку *Васильчачами*.

Маланьина свадьба, следовательно, — это нечто вроде символической встречи старого и нового года. А выражение *наготовить как на Маланьину свадьбу* первоначально значило 'заготовить столько еды, сколько готовит хорошая хозяйка в канун Нового года' Ведь от этого, по суеверным представлениям, будет зависеть благополучие семьи в течение всего года.

К такому выводу независимо друг от друга пришли В. И. Чернышёв, тончайший знаток русской речи, и Т. Н. Кондратьева, автор глубоких работ по фразеологии с именем собственным. Характерно, что в 1995 г. такое объяснение записала и фольклорист А. С. Сатыренко в одной из деревень близ Вятки. В книге «Вятский фольклор. Народный календарь» о дне святой Маланьи (13 января по новому стилю) так прямо и говорится: «К этому дню готовили много еды, отсюда и поговорка: *наготовить как на Маланьину свадьбу*».

Этот вывод можно подтвердить и активностью модели с именами святых в подобном временном значении: *Наварила, напекла Акулина на Петра* (т. е. на день св. Петра — 29 июня); *Пришёл Евсей* (24 апреля) — *овсы сей*; *Не отсеялся до Бориса* (2 мая), с

Бориса сам боронися (т. е. запрягайся в борону), *а не то, как и на Афанаса* (18 января), *не поешь хлеба на Спаса* (1 августа); *Кто сеет после Фита* (св. Вита, 15 июня), *тот прост бывает жита*; *На святого Пуда* (15 апреля) *вынимай пчел из-под спуда* и т. д.

ПОТЁМКИНЫ И ДОНКИХОТЫ

Забываются и переосмысляются не только имена христианских святых. Это происходит и с именами реальных исторических лиц, законсервированными фразеологией.

«На экзамене я услышал от студентки, смущённой вопросом, на который она не рассчитывала, такой ответ: «Это для меня потёмкинская деревня!» — пишет в «Очерках по фразеологии» профессор Б. А. Ларин. Студентка ассоциирует это выражение с «потёмками» или «тёмной деревней». Между тем и форма и значение этого выражения несколько иные. Его обычно употребляют во множественном числе — *потёмкинские деревни*, а значит оно 'обман, очковтирательство, пускание пыли в глаза'.

История его возникновения связана с реальным историческим фактом. *Потёмкинские деревни* — первоначально — дёрсвни-дскорации, которые приказал выстроить светлейший князь Потёмкин-Таврический на пути следования в Крым царицы Екатерины II. Потёмкин гордо показывал императрице и иностранным посланникам, её сопровождавшим, склады хлеба (в которых мешки были набиты песком), стада скота (которые ночью перегонялись по маршруту царицы), пышные парки (которые после отъезда Екатерины сохли, ибо это были воткнутые в землю стволы де-

ревьев), мощные крепости (которые разваливались во время первой же грозы)...

И всё же обмануть общественное мнение не так-то легко. Иностранцы, вернувшись на родину, с насмешкой рассказывали о гигантском маскараде, устроенном скатерининским вельможей. Поэтому выражение *потёмкинские деревни* до сих пор известно во многих европейских языках.

Шведы, французы, Шемяки и Годуновы

Немало исторических событий хранят фразеологические летописи. Поговорки о Мамас, как мы видели, — это хроника татарского ига. О результатах других попыток покорить нашу родину говорят выражения *пропал как француз в Москве* и *пропал как швед под Полтавой*.

Поговорка *Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!* рассказывает о несправедливости Бориса Годунова, отменившего право крепостных крестьян переходить от одного помещика к другому за неделю до Юрьева дня (26 ноября, день великомученика Георгия, покровителя земледельцев). Об этом праве говорят и древние русские пословицы: *Крепки ряды* (договорённость, соглашения. — В. М.) *Юрьевым днём*; *Мужик — не тумак, знает, когда живёт Юрьев день*.

Вот другое «историческое» выражение — *Шемякин суд*, служащее синонимом несправедливого суда. Оно связано с личностью корыстного самовольного феодального князя Дмитрия Шемяки, который и правых и неправых приказывал бросать в Сухону, привязав им камень на шею. *От негоubo времени в Великий Рубин на всякого едди и возничника во Укорнзнах прозвала Шемякин едд,* — пишет об этом летописец.

История Шемякина суда попала в литературу: о ней рассказывает старинная русская сатирическая повесть, популярность которой во многом способствовала известности этого выражения.

Донкихоты XX века

Многие «именные» фразеологизмы восходят и к литературным образам. Все знают первоисточники таких выражений, как *демянова уха*, *тришкин кафтан*, *кивать на Петра*, *помпадуры и помпадуриши*, *Аннушка уже разлила масло*, *остров Крым*. Понятна нам и символика литературных имён, принадлежащих мировой классике; *Монтекки и Капулетти*, *Ромео и Джульетта*, *Фигаро*, *барон Мюнхгаузен*, *Тартюф*. Каждое из этих имён вызывает в памяти десятки образов. Несравненная Дульсинея, тощий Росинант, неистощимый весельчак Санчо Панса — постоянные спутники Рыцаря Печального Образа, неутомимого борца с ветряными мельницами Дон Кихота.

Герой романа Мигеля Сервантеса «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» во многих языках стал символом бесплодного мечтательства и фантазёрства. «Его имя, — по словам И. С. Тургенева, — стало смешным прозвищем даже в устах русских мужиков». В современном русском языке, однако, намечается тенденция к более положительной оценке «донкихотства». Сравним два толкования слова *донкихот* в наших словарях. «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова объясняет его как «фантазёр, вызывающий насмешки бесплодной борьбой за свои идеалы». Новейший 20-томный Академический словарь русского языка пишет о *донкихоте* с большой симпатией: «Бескорыстный, наивный мечтатель,

бесплодно стремящийся приносить пользу людям во имя неосуществимых идеалов' Бескорыстие и честность героя Сервантеса, его постоянная готовность к самопожертвованию во имя пусть неосуществимых, но благородных идеалов заставляют забыть о его слабостях. Может быть, поэтому слово *донкихот* приобретает в современном употреблении всё более положительные оттенки, а число производных от него постоянно растёт; в уже названном Академическом словаре, например, зарегистрированы *донкихотизм*, *донкихотишка*, *донкихотский*, *донкихотовский*, *подонкихотски*, *донкихотство*, *донкихотствовать*...

Многочисленные потомки племени донкихотов, этих чудаков и мечтателей, могут казаться смешными, беспомощными и непрактичными, но без них, как ни странно, не обходится ни одно «практическое» мероприятие.

У рассудка — трезвые заботы. У мечты — неведомые страны.

Называли люди донкихотом первого на свете Магеллана. Первого на свете капитана, первого на свете морехода, уплывающего в океаны, называли люди донкихотом.

У рассудка — точные расчёты. У мечты — туманные идеи.

Называли люди донкихотом первого на свете Галилея. Первого на свете Птоломея, первого на свете звездочёта, негодуя или сожалея, называли люди донкихотом.

Для Феликса Кривина, написавшего эти строки, понятие донкихотства, как видим, гораздо древнее романа Сервантеса. Известность образа надолго обеспечивает популярность крылатых слов, с ним связанных.

НА ВСЯКОГО ЕГОРКУ ЕСТЬ СВОЯ ПОГОВОРКА

Итак, источники фразологизмов с именем собственным — это и древние народные мифы и легенды, и христианские притчи, часто по-своему переосмысленные, и реальные события, и образы художественной литературы. Большинство этих выражений, как мы видели, восходит к какому-нибудь сюжету, историческому или псевдоисторическому факту. Развитие образного выражения и обобщение имени собственного, входящего в него, идёт, как правило, путём сгущения этого сюжета — путём, указанным А. А. Потсбнсей. Всякое ли обобщение собственного имени движется, однако, по этому пути? За каждым ли именем стоит конкретный исторический или мифологический прототип? Языковой опыт подсказывает, что нет.

Сергей-воробей и «мельник» Емеля

Одним из видов обобщения имени, например, является его рифмованное употребление в детских дразнилках: *Сергей-воробей, Гаврило — свиное рыло, Иван-болван, Мишка — еловая шишка, Татьяна-сметана* и т. д. Вряд ли кому-нибудь придёт в голову искать сюжеты этих «устойчивых сравнений»: ясно, что они обусловлены случайными ассоциациями под влиянием рифмы.

Рифма иногда становится отправным пунктом целого повествования, в котором действия персонажей обусловлены лишь подобными ассоциативными возможностями имени. Вот отрывок из сатирического стиха XVII в.:

Пришёл Мещеря, поставил котёл в пещеру,
Пришёл Абросим да ерша в котёл бросил,
Пришёл Ерёма, принёс дров беремя,
Пришёл Клим, подложил под котёл юнн.

Таких случаев немало и при создании пословиц. Так, в беломорских говорах весьма популярна рифмованная поговорка с именем Пестя (Пистимея): *У нашей Пести всё в тесте, а про обед нет вести.*

При частом повторении подобные ассоциации, вызванные рифмой, могут стать постоянной характеристикой имени: *Алеха не подвоха; Афонька-тихонька; Афонасьи беспоясны; наш Фома пьёт до дна; Зинаразия; И на Машку бывает промашка* и т. п. Для большинства русских имя *Емеля* ассоциируется с характеристикой «болтун, краснобай». Она обусловлена чисто формальным сходством с глаголом *молоть*, вошедшим в прибаутку: *Мели Емеля — твоя неделя.*

Иваны, Кузьки и Егоры

Обобщение имени путём обработки рифмой весьма произвольно. Гораздо закономернее его социальная, общественная типизация. Хотя имя в принципе и индивидуально, но мы можем говорить о типично русских именах (*Татьяна, Иван, Маша*). Это уже шаг к обобщению, который приводит к таким нарицательным употреблением, как русские *Иваны*, немецкие *Фрицы* и *Гансы*, английские *Джоны Булли* и т. д. Можно было бы вполне написать эти имена с маленькой буквы, потому что они синонимичны словам *русский, немец, англичанин.*

Примерно такое же социальное «расслоение» имён происходит и по оси «богатый/бедный». Одни

имена прежде вызывали представление о родовитости и благородстве, другие — о «чёрной кости». Для имущих классов России было характерно стремление отгородить себя от народа не только образом жизни, но и именем.

Социальная оценка многих имён глубоко осела в языке. Нередко знание этой оценки помогает понять фразеологизм. Нельзя, скажем, правильно передать смысл английских сочетаний Tom, Dick and Harry или Brown, Jones and Robinson, значащих 'простые, заурядные люди', не учитывая того факта, что эти имена и фамилии типичны для рядового англичанина.

Социальная оценка имени часто перерастает в оценку качеств человека. Не случайно столько имён, приписывавшихся «подлому» сословию, имеют значение 'глупый': *Ванька, Агафон, Алуферий, Ананья, Аноха, Арина, Варлаха, Ерёма, Максим, Мартын, Митька, Пантелей (Пантюха, Пентюх), Пахом, Стёха, Стёша, Шура, Фома, Фока*. Народные выражения *Аноху строить* 'валять дурака'; *бесплодная Арина* 'безнадёжная дура'; *с одной стороны Ульяна, с другой Фома* 'не в своём уме'; *Алёха сельский, Алёша бесконвойный* 'сумасбродный, неуравновешенный, с причудами, чрезмерно хвастливый человек'; *идёт как Мартын с балалайкой* 'неловко и неловко идёт' — это фразеологическое развитие подобных отрицательных характеристик.

Филькина грамота и Сидорова коза

Выражение *филькина грамота* значит 'пустая, ничего не стоящая бумажка', 'не имеющий никакой силы документ'. Первоначально это грамота, напи-

санная безграмотным человеком, человеком «подлого сословия», а потому не имеющая веса. Словом, грамота, составленная простофилей. Слово *простофиля*, как показал В. В. Виноградов, образовано в итоге от греческого имени *Филипп*, превращённого русскими в *Филю*, *Фильку*, *Филюху*. Этим именем бары часто называли своих слуг. Помните фамусовское обращение к своему Фильке?

Ты, Филька, ты прямой чурбан,
В швейцары произвёл ленивую тетерю...

Не удивительно, что типизированное имя слуги пополнило синонимический ряд со значением 'глупый и ленивый человек'. Этому способствовало и употребление имени *Филья* в русских пословицах, где его обладатель выступает в роли простака и неудачника: *У Фили тили да Филю и побили*.

Любопытно, что имя *Филипп* в чешской фразологии вызывает совершенно противоположные ассоциации. Здесь *mit filipa* (буквально 'иметь Филиппа') означает 'быть умным и проницательным'

Столь же глубокое противоречие заключено в имени *Сидор*. Оно восходит к древнесегипетской богине земледелия Исиде. Греческое *Исидор*, превращённое у нас в *Сидора*, значит 'дар Исиды', т. е. обильный, щедрый дар. Но в русских пословицах и поговорках *Сидор* — обычно богатый, но скупой и мелочный человек. В сибирских говорах, например, записана рифмованная поговорка *Сидор и Борис об одной дрались* — «о мелкой ссоре», отражающая крохоборный характер Сидора. Может быть, поэтому, как гласит пословица, *На Сидора ни одна беда не пришла*, ведь у него на любой голодный год припасена копеечка.

Зная социальные ассоциации, связанные с именем *Сидор*, легко понять мотивировку выражения *драть как Сидорову козу*: скряге-хозяину даже мелкая порода кажется большим бедствием. Шкодливым же характер козы постоянно тянет её в огород. Упорное стремление хозяина отучить её от этой привычки и вошло в поговорку.

Впрочем, известна и другая трактовка этого выражения. Т. Н. Кондратьева считает, что в нём «сказалось стремление мести Сидору: если он сам недостижим, то пусть хоть его козе достанется основательно».

За что на Макара валяются шишки?

За скверный характер Сидора отдувается его коза. Бедному же Макару, как правило, приходится самому быть козлом отпущения. Русские пословицы дают подробную характеристику этому горемыке. Он беден (*У Макара лишь возгрей* (т. е. соплей. — В. М.) *пара*; *Не рука Макару калачи есть*) и бездомен (*Грядёт Макар к вечерне от собак в кабак*), незнатен (*Не рука Макару с боярами знаться*), послушен и почитителен (*Макару поклон, а Макар на семь сторон*), а главное — безответен (*На бедного Макара все шишки валяются*). Пословицы подчёркивают, что он обычно занимается тяжёлым крестьянским трудом: *Доселева Макар огороды (гряды) копал, а нынче Макар в веводы попал*.

Не удивительно, что имя *Макар* уже давно в русском языке считается не более лестным, чем *Аноха* или *Филька*. Отрицательное отношение к имени *Макар*, сложившееся в русской среде, закрепились и лубочными картинками, где Макарка изображался в смешных базарных сценках вместе с сатирическими

героями рынка Захаркой, Назаркой, Фомой и Еремой, Пантюхой и Филатом.

Так постепенно складывался образ бедного простака и неумехи Макара, вошедший в одну из самых загадочных русских поговорок — *куда Макар телят не гонял*. Она означает 'очень далеко' и нередко употребляется как угроза сурового наказания. Обычно пытаются объяснить это выражение какой-нибудь народной легендой о реальном Макаре, некогда пасшем реальных телят. Вот, например, объяснение поморской сказительницы Т. И. Махилевой: «Макар, наверно, был хороший пастух: везде пас, дальше его никто не пас. Так вот, даже туда, где и Макар не мог гонять телят, кого-то и посылают».

Наблюдения над нарицательным значением имени *Макар* свидетельствуют, однако, о другом. Макар — это нищий, безземельный крестьянин, вынужденный пасти своих телят на самых заброшенных и запустелых выгонах. Более того, возможно, что Макаровы телята — фикция, и в этом выражении заключён такой же скрытый юмор, как во фразеологизмах *показать где раки зимуют* или *сделаю когда рак на горе свистнет*. Такой трактовке, на первый взгляд, противоречит отрицание *не*. Однако необходимо учитывать, что уже в рукописных сборниках XVIII в. эта поговорка зафиксирована и без отрицания, например: *Пошёл к Макару телят пасти*. Найти такое пастбище столь же трудно, как и отыскать рачью зимовку.

Кузькина мать, титовы дети и объегоренный Егор

Один из героев неоконченного романа Н. Г. Помяловского «Брат и сестра» задумывается над проис-

хождением выражения *показать кузькину мать*: *Что такое кузькина мать, мы не можем объяснить читателю. У нас есть много таких присловий, которые от времени утратили смысл. Вероятно, Кузькина мать была ядовитая баба, если ею страцают захудалый род.*

Действительно, когда мы думаем о происхождении фразеологизмов с собственными именами, нам поневоле хочется связать эти имена с конкретными лицами.

Характерно, что представление о реальной Кузькиной матери всегда окрашено юмором. Это персонаж весёлых народных частушек:

Ох, Кузькина мать — хуже лихорадки:
Щи варила, sproлила прямо на запятки.

Такие частушки поют на Белом море. Там же рассказывают и историю происхождения выражения *показать кузькину мать*. У Кузьмы было много детей, был он беден. Но ещё беднее была его мать, которая едва могла прокормить своих детей. Вокруг образа Кузькиной матери, как видим, разворачивается широкий круг ассоциаций: «ядовитость», бедность, неряшливость и неловкость.

Примерно такие же качественные ассоциации характерны и для имени *Кузьма* в русских пословицах. Кузьма злой и драчливый: *Наш Кузьма всё бьёт со зла; Не грози, Кузьма, не дрожит корчма*. Он беден, и поэтому ему достанется всё самое плохое и негодное: *Что хромо, что слепо, то Козьме и Демьяну* (речь идёт о домашней птице, жертвусмой в день святых Козьмы и Дамиана). Он несообразителен: *Эта пословица не для Кузьмы Петровича*. Происхождения он

такого же «подлого», как и Макар: *Прежде Кузьма огороды копал, а нынче Кузьма в воеводы попал. Словом, Горькому Кузенъке — горькая и песенка.*

В те же тона окрашено имя Кузьмы и в украинских пословицах и поговорках: *Не знаю, чи є в Кузьми грóші, Вискочив як Кузьма з маку 'перепуганно'.*

Быть сыном драчливого и бедного неудачника не особенно приятно. Разве что крайняя нужда заставит признать такое родство: *Поживёшь — и Кузьму отцом назовёшь.* Видимо, выражение *показать кузькину мать* и обобщает такое нелестное представление о родителях и близких неудачника Кузьмы.

Существует и другое предположение о происхождении этого оборота. Т. Н. Кондратьева видит в нём метафорический образ: *кузькина мать* — это плеть, которой пороли «кузек», т. е. голодных и озлобленных на помещика крепостных крестьян.

Какая из этих двух версий верна, может показать лишь надёжный материал. А пока следует признать вслед за героем Помяловского, что мы не можем объяснить читателю, что такое *кузькина мать*, с гарантией достоверности.

Зато в родословной *титовых детей* можно не сомневаться. Т. Н. Кондратьева сообщает год рождения их отца. Впрочем, сначала следует объяснить значение этого сочетания, бывшего популярным в прошлом веке. Оно означало 'идiotы и тупицы'.

Как ни странно, фразеологическим отцом таких детей был коллега Цезаря, Миноса и Карла Великого римский император Тит — герой русской трагедии «Титове милосердие», написанной Я. Б. Княжнинным в 1778 г. Тит — добродетельный и мудрый правитель. Имя его в XVIII — начале XIX в. становится нарица-

тельным и приобретает значение просто 'император', как в случаях с *царь* и *король*.

В дальнейшем этот литературного происхождения фразеологизм не избежал народной обработки. В нём развилось отрицательное значение, подкреплённое пословичной репутацией имени *Тит*. Ведь в народном языке *Тит* испокон веков — прожжённый лоботряс и дармоед:

— Тит, поди молотить! — Брюхо болит.

— Тит, поди кисель есть! — А где моя большая ложка?

Так значение слова *Тит* сузилось до 'злой, несправедливый царь', 'глупый и недалёковидный правитель', а *Титовы дети* стали тупицами и идиотами.

Но вернёмся к *кузькиной матери*. Вернее, к её сыну, имя которого вошло в популярный русский глагол *подкузьмить*. Не является ли он «сгущением» выражения *показать кузькину мать*?

Значение этого слова, однако, совсем иное — 'обмануть, надуть кого-нибудь'. Его никак нельзя объяснить теми «злыми» и «бедными» качествами, которыми обладает вошедший в поговорку Кузьма. Оказывается, глагол *подкузьмить* образован примерно так же, как фразеологизм *на Маланьину свадьбу*. Это память о дне свв. Кузьмы и Дакциана, так называемых *кузьминках*, которые праздновались на Руси 17 октября. В этот день хозяева рассчитывались с работниками. Немудрено, что этот день был и днём большого обмана: хозяева всеми правдами и неправдами старались урвать кусок от каравая, заработанного «кузьмами» за лето. Это и называлось *подкузьмить*.

Полностью расчёты сельских богатеев с батраками заканчивались 26 ноября, в день св. Егория. Поэтому

слова *подкузьмить* и *объегорить* — двойняшки. В лсковских говорах последний глагол известен даже без приставки *об-*: *егорить* значит 'обманывать'. А на вятском наречии *Егорами* называют проходимцев.

Забылись церковные праздники и святые, которых чествовали в эти дни. Но языковой календарь сохраняет отнюдь не «святые» представления об этих датах.

ГОВОРЯЩИЕ ИМЕНА

До сих пор мы имели дело с двумя типами имён, входящих во фразологизмы. Первый тип — имена-факты, имена, чётко привязанные к конкретной личности — мифологической или исторической (*танталовы муки, мамеево побоище*). Второй тип — имена — общие знаменатели, концентрирующие определённые человеческие качества и свойства (*куда Макар телят не гонял, филькина грамота*).

Имена первого типа отражают «назывную», «индивидуализирующую» функцию собственного имени. Имена второго типа показывают относительность этого свойства, отражая способность собственного имени обобщать. Случаи, когда имя в результате переплетения языковых обстоятельств образует выражения типа *наготовить как на Маланьину свадьбу*, наглядно демонстрируют диалектическое единство этих диаметрально противоположных свойств.

Во всех этих случаях образование фразеологизмов совершалось в языке, но обуславливалось в основном внесязыковыми факторами: историческими, этнографическими, фольклористическими и т. д. Между тем язык, как мы видели на примере рифмованных дразников, может сам подсказывать определённые качества и свойства имени. Академику Б. М. Ляпунову

даже казалось, что мы недооцениваем чисто звуковые ассоциации имён, а они нередко и являются причиной нашего к ним отношения. Узкие закрытые гласные в именах *Алексей, Елисей, Дмитрий*, по его мнению, ассоциируются с худощавостью и хитростью, а имена *Антоний, Епифаний, Феодосий, Евстигней* «производят впечатление чего-то более длинного, худого, тонкого, чем их восточно-славянские переделки *Антон, Епифан* и под.».

Это свойство звуков влиять на восприятие имени всем нам знакомо. Действительно, почему имя *Сергей* имеет «срыс» ассоциации в его вариантах *Серёня, Серенький*? Никаким развитием значения этих вариантов не объяснить, как не объяснить и других его «полуговорящих» форм: *Гуля — Сергуля, Гуня — Сергуня, Гуся — Сергуся, Гуша — Сергуша*.

Возможна и обратная связь нарицательных слов и имён собственных. Звуковые ассоциации, ложное сходство преобразует иногда устаревшие слова в собственные имена.

Мы часто считаем «человечьи» имена животных случайной прихотью первого охотника или хозяина, окрестившего их так. Однако за *Мишкой-медведем* скрывается древнее нарицательное название медведя (древнерусское *мечка*, болгарское *мечка*, литовское *пеёка* 'медведь'), за *Петей-петушком* — древнее *потя* или *потка* 'птица' (тот же корень вы найдёте в словах *птица* и *куропатка*), за кошкой *Машкой* — древнее славянское наименование кошки (болгарское *маче, мачка*; сербскохорватское *мачка*; польское *tasiek* и чешское *tasck* 'кошка', 'кот'), а за поросёнком *Борей* — нарицательное *боров*. Подобные примеры — не такая уж редкость.

Близкие по звучанию, но разные по смыслу и происхождению слова могут сталкиваться друг с другом, и тогда одно из них должно уступить место другому. Именно так и случилось со словами *мечька* и *Мишка*, *потя* и *Петя*, *мачка* и *Машка*. Как видим, победа этих собственных имён над нарицательными в русском языке не была абсолютной: отнесение их к одним и тем же животным всё же выдаёт их нарицательную сущность.

Микитки, Митьки и Миньки

Подобные процессы, имеющие чисто языковую основу, не могли не отразиться и на фразеологии с собственными именами.

Выражение *толкнуть кого-нибудь под микитки* 'ударить под ребра', 'в поддыхало' употребляется и в прямом и в переносном смысле. В «Рассказе неизвестного человека» А. П. Чехова оно означает 'силой завоевывать себе место под солнцем': *Наши свет и поил и пуст, но зато мы с вами... кое-что почитываем и не толкаем друг друга под микитки*.

Форма слова *микитки* явно именная. Более того, В. И. Даль приводит его и как *никитки* 'пах, подвздошь, подреберье'. Казалось бы, фразеологу тут же следует приняться за поиски того Микиты или Никиты, который первый кому-то двинул «под микитки». Тем более что греческое имя *Никита* значит 'победитель'.

Однако такое формальное понимание этого выражения сослужит нам плохую службу. Совсем недавно Т. В. Горячева убедительно доказала, что оно не имеет ничего общего с *Микитой*. *Микита*, *микитка* — это

лишь русский вариант праславянского слова со значением 'мягкие части тела'. В русском языке оно должно было звучать как *мякита*, *мякитка*. Но ни в одном говоре этой формы мы уже не найдём: ассоциация с *Микитой* и *Никитой* вытеснила её.

Ещё более удивительная метаморфоза произошла с именами *Митька* и *Минька*. Они образованы от разных имён: первое — от *Дмитрий*, второе — от *Михаил*. Но их сблизил фразеология.

Митькой звали значит то же, что и *след простыл* или *и был таков*, т. е. 'исчез безвозвратно'. Но в отличие от последних оборотов оно употребляется лишь по отношению к людям.

— *Дедушка, а где твой крестник-то? — Митькой звали! Как ушёл в город на заработки, так с тех пор про него и не слыхивали* (С. В. Максимов. Питерщик).

Было бы довольно трудно разгадать происхождение этого оборота, если бы в народной речи не было его синонима с именем *Минька*. Он известен давно, на что указывает его употребление в сказке о Перекати-Горошинке: *И вот, братцы мои, вылез Перекати-Горошинка на свет Божий, а богатырёв и след простыл, Минькой звали*. Примерно в таком же контексте его записали диалектологи в Псковской области: *Пришли с покоса, а вас уже и Минькой звали*.

Какое же имя — *Митька* или *Минька* — первым попало в поговорку с таким значением?

На этот вопрос помогает ответить фразеологизм *пропасть как в Минькин мех* 'бесследно исчезнуть', который также записан на Псковщине. Не кажется ли вам, что и *Минькой звали*, и *пропасть как в Минькин мех* подозрительно похожи на всем извест-

ные выражения *поминай как звали*, *и помин простыл*, *и помину нет*, *нет и в помине* и т. д.? Значение последних точно такое же: 'исчезнуть без следа'. Формально же их объединяет корень *-мин-*. Это один из древнейших корней в индосвропейских языках. Русские слова *помнить*, *память*, *мнить*, *мнение*, *сомнение*, включающие его, имеют многочисленных родственников: литовское *minėti* 'вспоминать', латышское *minēt* 'упоминать', древнеиндийское *mānuatē* 'думает, помнит', латинское *meminī* 'вспоминаю'. Везде, как видим, сохранилось значение мыслительного процесса, запоминания.

'Исчезнуть так, что никто больше и не вспомнит' — не это ли значение является общим смысловым стержнем всех выражений, которые мы рассматриваем? Первичной основой оборота *Минькой звали*, таким образом, оказываются конструкции типа *и помин простыл*, *поминай как звали*.

Глагол *звать* в последнем выражении естественно вызвал представление о каком-то названии, имени. Эта ассоциация быстро получила языковое воплощение, благо имя *Минька*, сходное по звучанию с *мнить*, *помнить*, было под рукой. Переход же от *Миньки* к *Митьке* — дело позднейшее. Он обусловлен, во-первых, определённым созвучием этих имён и, во-вторых, возможностью замены имени во фразеологизмах.

Так *Дмитрий* и *Михаил* стали фразеологическими побратимами.

Столкновение различных по происхождению имени собственного и имени нарицательного может и не приводить к таким плодотворным фразеологическим результатам. Нередко оно остаётся лишь ка-

ламбуром-однодневкой, созданным искусством писателя. Такова, например, судьба крылатого слова *узы Гименея* 'брачные узы' в устах обер-кондуктора Стычкина из чеховского рассказа «Хороший конец»: *Я человек образованного класса, — говорит он, — но ежели взглянуть на меня с точки зрения, то кто я? Бобыль, всё равно, как какой-нибудь ксёндз. А потому я весьма желал бы сочетаться узами Игуменея, т. е. вступить в законный брак с какой-нибудь достойной особой.*

Соединение слов *игумен* 'настоятель монастыря' и *Гименея* 'древнегреческое божество брака, освящённого религией и законом' не только создаёт юмористический эффект, но и метко характеризует «образованного» Стычкина.

Хмельницкий, Храповицкий и Могилёвская губерния

Узы Игуменея — фразеологическая шутка, искусно и искусственно созданная в лаборатории писателя, созданная путём искажения имени в составе оборота, не имеющего первоначально шуточного значения.

Но есть фразеологизмы, которые уже в момент рождения были шуточными. Имя, образующее их, — фикция с самого начала.

Пётр Первый говорит охмелевшим боярам «после пятой перемены блюд, когда уже было изрядно выпито»: *Вижсу — зело одолевает нас Ивашко Хмельницкий, не было бы конфузии.*

Ни у одного из читателей романа А. Н. Толстого не возникает сомнения, что речь здесь идёт не о реальном лице, а о хмеле, одолевающем именитых

пьяниц. Имя *Хмельницкий* здесь фиктивно, оно гораздо ближе по значению к фразеологизму *быть под хмельком*, чем к этимологии самой фамилии. Ведь последняя расшифровывается так: 'человек родом из местечка Хмельницы' или 'дворянин, владеющий им'. Название же местечка связано с украинским словом *хмельница* 'поле, на котором выращивают хмель' (ср. *Винница* — от *винница* 'виноградник'). Даже от этого хмеля, растущего на украинских хмельницах, ещё довольно далеко до хмеля, одолевавшего русских бояр.

Язык, однако, все эти далёкие расстояния, измеряемые формально-звуковыми и смысловыми ассоциациями, преодолевает за мгновение. Противоречие между именной формой слова *Хмельницкий* и его неименным содержанием и рождает юмористический эффект.

Это противоречие заложено и в старом восточнославянском фразеологизме *здать Храповицкого*, столь близком к «неименному» *здать храпака*, также образованному от глагола *храпеть*.

Географические названия как разновидность имён также весьма активно участвуют в образовании шуточных оборотов. Поскольку географические масштабы несравненно больше, чем шкала личных имён людей, то здесь возможны целые каскады фразеологического остроумия народа. Вот, например, точные географические координаты, которые давали на Руси, повествуя о кулачных «подвигах»: *Я съездил его в Харьковскую губернию, Зубцовского уезда, в город Рыльск, да прямо в Рождественский приход!* Надеюсь, вам понятны адреса этих несколько устаревших «административных центров».

Не удивительно, что после таких путешествий некоторые драчуны тут же отправлялись в *Могилёвскую*

губернию. Это выражение, означающее 'умереть', до сих пор не отражено в литературном языке, но живёт активной жизнью на огромной территории — от Украинского Полесья до Белого моря.

Праздновать труса или праздновать Струся?

Стоит ли уделять столько места этим фразеологическим шуткам, понятным без комментариев? Стоит ли заострять на них внимание, если они лишь отвлекают от основных свойств имени, входящего во фразеологизмы? Ведь и в *Миньках*, и в *Хмельницких* тенденции к индивидуализации и к обобщению, можно сказать, патологически переплетены. Не случайно французский лингвист Жюль Жильерон, впервые занявшийся серьёзным изучением подобных омонимических «курьёзов», назвал их «патологией языка». Нужно ли останавливаться на патологических явлениях?

Слово *патология* в переводе с греческого означает 'наука о болезнях'. Знать эту науку — значит уметь лечить. Историки фразеологии должны постоянно держать в поле зрения «патологические» явления языка: это помогает установить объективный этимологический источник образного выражения.

Нарочито омонимический характер выражений типа *отправиться в Могилёвскую губернию* или *здать Храповицкого* лежит на поверхности. Но трудно себе представить, сколько фразеологизмов, образованных подобным способом, мы уже не воспринимаем как шутки. Или, наоборот, видим двойной, омонимический план там, где его никогда не было.

Выражение *праздновать трусу* или *труса* имеет значение 'бояться, трусить'. Употребляя его, мы

не усматриваем в нём никакого имени. Между тем историки фразеологии уже давно связывают его с именем польского полковника Струся, наголову разбитого войсками Минина и Пожарского 22 октября 1612 г. Языковое перевоплощение польской фамилии *Струсь* во фразеологического *труса* якобы произошло под влиянием нарицательного имени *трус* 'нехрабрый человек'. *Праздновать Струся* — это «ужастая» конструкция *праздновать победу над Струсем*.

Итак, вновь омонимия, искажившая форму собственного имени?

Вероятность такой трактовки как будто подтверждается реальным историческим фактом и реальным историческим лицом: польский полковник Струсь действительно был взят в плен войсками князя Трубецкого, а полк его был уничтожен казаками.

Давайте, однако, ещё больше углубимся в этимологию имени этого реального лица. Слово *струсь* (*struś*) означает 'страус'. Удивительное совпадение, не правда ли? Разбитый наголову польский военачальник под «этимологическим микроскопом» оказался трусливой птицей.

Любопытно, что слово *струсь* известно не только в польском языке. Оказывается, русские писатели XVIII в. его также употребляли. *Пернатые*, — писал Карамзин Дмитриеву, — *есть нечто весьма неопределённое. Слыша это слово, ты ещё не знаешь, о чём говорится: о трусе или о колибри*.

Существование этого слова в языке может натолкнуть на заманчивую мысль: зачем связывать выражение *праздновать труса* (т. е. *струся*) с польским именем, если есть свой, русский *струсь*? Чем, спрашивается, трактовка «вести себя, как страус» хуже

«праздновать победу над Струсем»? По смыслу ведь празднование победы гораздо дальше от трусости, чем поведение, подобное страусиному. Да и предполагаемая форма фразеологизма — *праздновать труся* — ещё не засвидетельствована ни одним источником.

Снова в решение проблемы происхождения фразеологизма врывается проблема омонимии собственного имени и нарицательного.

Известно и более простое, «ненсторическое» объяснение выражения *праздновать трусу*. Оно принадлежит профессору Б. А. Ларину: «Раньше, ещё в XVIII и XIX веках, говорили: “Трусу праздновать”, т. е. “справлять праздник (святому) Трусу” (иронически), а теперь: “Труса праздновать”». К сожалению, Борис Александрович не развернул свою аргументацию, но он обратил внимание на два очень важных момента.

Во-первых, на форму *трусу* как на первичную, которую прежде вообще не учитывали при толковании. А между тем данные Картотеки Академического словаря русского литературного языка убедительно показывают, что *труса праздновать* — это позднейшая литературная обработка формы *трусу праздновать*. В русских народных говорах — в вологодских, казанских, новгородских и ярославских — этот оборот встречается лишь в такой форме.

Во-вторых, на иронический характер самого выражения. Действительно, и в народном и в литературном употреблении шутовость этого оборота постоянно ощущается. Она, вероятно, исконна.

Слабость «исторического» объяснения оборота *труса праздновать* рождает попытки его новой этимологической интерпретации. Профессор Н. А. Ме-

церский в 1977 г. предложил расшифровать его на основе церковно-славянского слова *трус* 'землетрясение' и переводной фразы из так называемого месяцеслова (календаря) — «память великому трусу», т. е. память о большом землетрясении. Появление в русском языке омонимичного слова *трус* 'трусливый человек' (XVIII в.) и привело, по его мнению, к ироническому переосмыслению выражения *трус* *праздновать*, которое, возможно, впервые было употреблено в речи церковников или семинаристов.

Пример этимологического анализа фразеологизма *бить баклуши* показывает, что объективная гипотеза может быть подтверждена языковой моделью. Поиски такой модели для оборота *праздновать трусу* приводят всё-таки к иной его расшифровке, близкой к толкованию Б. А. Ларина.

Ироническая модель «несвятых» праздников известна в говорах. Так, у В. И. Даля встречаем целый каскад таких «торжеств»: *Трифона гуслиста, Харлампия бандуриста и матери их Хныхны голландских чудотворцев праздники*. А в Гдовском районе известен *праздник [святым] заливуцим*, говоря нашим языком, «день утопленника» — так называют грибной дождь, т. е. дождь при солнце.

Но самым убедительным подтверждением гипотезы Б. А. Ларина является, пожалуй, диалектное сочетание *праздновать Лытусу* 'убежать, улизнуть' Имя «святого» *Лытуса*, образующее его, столь же говоряще, как и имя *Ивашки Хмельницкого* или *Труса*: оно восходит к глаголу *лытать* 'бежать'. Этот глагол не только даёт в говорах ряд производных (*улытнуть* 'улизнуть', *пролытать* 'прошататься' и т. п.), но и ряд «неименных» фразеологизмов с тем же значением,

что и *праздновать Лытусу*: *дать лытка, лызка, лызгача* и др.

Есть в русских говорах и выражение *дать лыку* с тем же значением. Ему соответствует имя «святого» *Лыкуса*, известное по великолукской поговорке: *Сегодня Лыкусу святому, скиляге преподобному*. Здесь и *Лыкус*, и *скиляга* — синонимы бездельников, праздношатов. Не случайно глагол *лыку́сничать* до сих пор в псковских говорах значит 'бездельничать'.

Словом, с выражением *праздновать трусу* произошла та же история, что и с фразеологизмом *гонять лодыря*: нарицательным существительным в обоих случаях учёные приписали «историческое» значение, связав их с именами реально известных лиц. В том, что такие ошибки могут уходить в седую древность, нас убеждает и пример древнегреческой пословицы *При нужде и Рак достигает почести*, которую мы рассматривали в прошлой главе: значение 'рак' в ней, как вы помните, совпало с греческим именем *Каркин* так же «удачно», как слово *трус* с именем польского восначальника.

Родословное древо царя Гороха

Индивидуальность имени обеспечивает его способность накапливать объемную историческую информацию. Мы убедились в этом на многих примерах. Но представьте себе, что связь слов *царь*, *минос* или *король* с личными именами монархов оказалась бы на поверку фикцией. Самые увлекательные и аргументированные рассказы историков о Цезаре или Карле Великом были бы тогда излишни и уводили бы нас от чисто лингвистических проблем, связанных с происхождением фразеологизмов.

Стремление подменять историческими легендами лингвистическую быль довольно характерно для популяризаторов фразеологии. Особенно повезло в этом отношении царю Гороху.

Известный фольклорист А. Н. Афанасьев связывал фразеологического царя Гороха с мифическим богатырём Покати-Горошком, родившимся из горошины, которую проглотила царица. По его мнению, это имя символично — оно означает Перуна, т. е. гром и молнию.

И. Е. Тимошенко отвергает эту гипотезу, справедливо отмечая малую распространённость у славян этого фразеологизма. Предложенная им связь имени *Горох* с греческим именем *Кодрос*, однако, ещё менее вероятна: такое искажение трудно аргументировать фонетически. Н. С. Ашукин и М. Г. Ашукина — авторы одного из лучших сборников русских крылатых слов — осторожно ссылаются на возможность сказочного происхождения этой поговорки. Вот зачин одной из таких сказок: *В то давнее время, когда мир Божий наполнен был лешиями, ведьмами да русалками, когда реки текли молочные, берега были кисельные, а по полям летали жареные куропатки, в то время жил-был царь по имени Горох.*

Давайте посмотрим, насколько эти фразеологические гипотезы соответствуют фактам народного языка. В нём мы найдём немало выражений со значением 'в незапамятные времена, очень давно'. Приведём лишь те из них, в которых есть имена царей.

Вот фразеологизм *при царе Копыле, когда грибы с опёнками воевали*, т. е. 'очень давно'. Он точная копия выражения *когда царь Горох с грибами воевал*. Слово *копыл*, как вы помните, может в говорах значить 'де-

ревянная перекладина в санях' или просто 'деревянная палка'. *Царь Копыл*, следовательно, это нечто вроде *царя Чурбана*.

Вот *царь Косарь*, вошедший в поморскую поговорку с тем же значением: *Этот амбар стоял ещё при царе Косаре*. Диалектное значение слова *косарь* 'тяжёлый нож для расщепления лучины, сделанный из обломка косы' сближает этого царя с *царём Копылом*. При образовании выражения, однако, сыграла свою роль рифма *царь — косарь* и, возможно, ассоциация с церковно-славянским словом *кесарь*, по-народному осмысленным.

К «растительным» царям можно отнести *Ботуту*, который употребляется в присказке: *Жил царь Ботут, и вся сказка тут*. Пожалуй, здесь мы имеем дело с изменённым диалектным названием лука-сеянца *ботуна* (багуна). Его вариантом, видимо, является имя *Тофута* в подобной присказке: *Жил-был царь Тофута — и сказка вся тут*.

А вот и стопроцентно растительный царь — *Овёс*: *Жил-был царь Овёс, он все сказки унёс*.

Наконец, намёк на подобного царя встречаем в народном выражении *Алыса время* ('очень давно'), где *алыс* — название сорняка *алиса*.

К этому же типу выражений относится и шутовское *до морковкиного заговенья*, т. е. до времени, которое никогда не наступит.

Русские цари с нецарскими именами — это лишь начало славянской генеалогии царя Гороха. Кстати говоря, и в украинском и в белорусском языках этот фразеологизм сохраняет своё гороховое имя. Меняется лишь предлог: *за царя Гороха* и *за царóm Гарóхам*, да в белорусских говорах ближе к Польше

царский титул меняется на королевский: *за каралём Горохам*.

В украинских говорах имя царя Гороха может заменяться названиями другого растения, например *за царя Хмеля*, или именами простых смертных «подлого» происхождения: *за царя Тимка* (некто вроде нашего Тимошки) и *за царя Панька* (Павлушки). Характерны и шуточные рифмованные прибавки к этим выражениям: *за царя Гороха — як було людей трохи*; *за царя Тимка — як була земля тонка*.

Не менее забавны фразеологические имена государей в других славянских языках. Вот буквальный их перевод: польское *при короле Сверчке*, *при короле Гвоздике*; чешское *при короле Сверчке*; *при короле Голыше*, *когда была за грош овца*; *при Марии Теремтете* (т. е. никогда не существующей королеве); словацкое *при святом Виде* (нарочитое искажение имени святого Вита).

«Родственников» царя Гороха можно встретить и за пределами славянского мира. Немецкое выражение *Anno Tabak* дословно переводится 'во времена царствования Табака'. Французское *du temps du roi Guillemot* — 'во времена короля Гильемо' — это то же, что *при царе Горохе*. Причём имя французского короля вы напрасно будете искать в энциклопедиях. Это имя «говорящее»: значит оно 'сойка'. Выходит, и здесь нечто вроде польского и чешского короля Сверчка.

Как видим, почти все фразеологические цари и короли — плод народной шутки. Царь Горох в качестве исторического лица столь же неправдоподобен, как говорящие звери, молочные реки с кисельными берегами или летающие жареные куропатки. Именно

неправдоподобность реального существования таких правителей и создаёт значенис «очень давно», которое объединяет все эти выражения.

И всё-таки нельзя считать, что слово *горох* случайно оказалось самым популярным именем в ряду русских, украинских и белорусских фразеологизмов, повествующих о допотопных временах. С горохом связаны «обидные» ассоциации, отражённые в поговорах и поговорках: *Горох да репа обидное семя; Обидные семена в поле горох да репа, а в мире — вдова да девка*; украинское *Роди, Боже, жито гоже, а без гороху проживем по троху*.

Чем объяснить такие ассоциации? А тем, что *Завидны в поле горох да репа: кто ни пройдёт — щипнет*. Потому *Репа да горох и сеются про воров*. Не случайно слово *гороховый* стало синонимом чего-то плохого, слабого и т. д.: *гороховая память 'слабая'*, *гороховые слова 'пустые'* и т. д. А назвать кого-либо *гороховым чучелом* или *пугалом* — прямое оскорбление.

Возможно, именно таким гороховым пугалом и представлял себе наш остроумный предок восточнославянского царя Гороха.

Обращение к историческим именам и фактам необходимо исследователю фразеологии. В именах античных героев, христианских святых, исторических деятелей он нередко находит ключ к происхождению образных выражений. Но эти исторические экскурсы нужно делать с оглядкой на чисто лингвистического царя Гороха. Иначе имена могут направить историка фразеологии по ложному следу.

Устойчивая неустойчивость или неустойчивая устойчивость

Семантика — вот та область, которая даёт возможность достичь предельной точности исследования.

Б. А. Ларин

Наш разговор о фразеологии подходит к концу. Это не значит, что исчерпаны все вариации на фразеологическую тему. Фразеология за последние 50 лет выросла в обширную ветвь науки о языке. Учёные, работающие в этой области, исследуют фразеологизмы различными методами, сопоставляют образные обороты родственных и неродственных языков, изучают грамматические и формальные свойства этих оборотов, подсчитывают частоту их употребления, выявляют особенности использования фразеологизмов отдельными писателями.

Если бы мы с вами решились отважно пуститься в плавание по необозримому морю фразеологической проблематики, не поставив перед собой конкретной цели, нам неминуемо пришлось бы скользить по поверхности этого моря. Цель нашего фразеологического путешествия была поэтому ограничена: окунуться в глубину устойчивых сочетаний, измерить их до-

фразеологическое дно, выявить историю, причины и условия их возникновения. Вы видели, сколько трудностей стоит перед историком фразеологии, сколько данных — лингвистических, исторических, фольклорных, этнографических и других — требует от него измерение фразеологического дна.

Может возникнуть вопрос: а не праздное ли это любопытство? Какое нам дело до того, как и когда образовалось выражение, что лежит на его дне, размытом волнами столетий? Ведь в речи, в повседневном обиходе мы пользуемся этими выражениями независимо от их истории.

Грозь кому-то наказанием, мы не задумываемся над генеалогией кузькиной матери; нам безразлично, была ли зарыта в действительности собака, когда мы выражаем радость по поводу раскрытия сути дела; нам неважно, почему некто дал дуба, а не, скажем, клёна или просто сыграл в ящик, — главное, мы понимаем, что он скончался. Если бы мы постоянно задумывались над смыслом отдельных слов, входящих в образные выражения, то создавалось бы противоречие между прямым и переносным их значением. Наша речь стала бы двусмысленной, и мы перестали бы понимать друг друга.

Такое противоречие нередко используют писатели для достижения юмористического или сатирического эффекта. Вот, например, диалоги из пьесы М. Горького «Егор Булычов».

Башкин. Я всё-таки полагаю, что без царя — нельзя!
Звонцов. Царь должен быть не в Петрограде, а — в голове.

Или:

Варвара. Она [Шура] предпочитает говорить дерзости и пускать мыльные пузыри с Антониной...

Шура. Ну и пускай. Я люблю пускать мыльные пузыри. Что тебе — мыла жалко?

Таким образом, понимание сочетания целиком, а не по частям — вот что делает его устойчивым, фразеологическим сочетанием. А целостное понимание сочетания слов — это значит отвлечение от его истории. Так стоит ли прилагать столько усилий, чтобы докопаться до происхождения фразеологизма, которое лишь мешает его правильному пониманию в речи?

Фразеологическая гладь и «фразеокрушения»

Чтобы ответить на этот вопрос, придётся снова вернуться к сравнению фразеологии с морем. Современная жизнь устойчивых оборотов — это поверхность моря, которую всюду эксплуатируем мы, мореходы — потребители языка. Глубина моря, его разнотемпературные и разноцветные слои, его дно, на которые мы не обращаем внимания, бороздя его поверхность, — это фразеологическое прошлое. Можно, конечно, беспечно скользить по морской глади, не зная её глубин, т. е. употреблять фразеологизмы автоматически, не вникая в их прошлое.

Такое плавание, однако, может окончиться кораблекрушением. Морское дно вдруг окажется не так уже и далеко от водной глади, как мы рассчитывали, и наше судно безнадежно сядет на мель или напорется на подводные рифы. Раскроем несколько сочинений поступающих в вузы:

Аркадий Кирсанов был лёгкого поведения.

Анна Каренина бросилась под поезд, и он долго влачил её жалкое существование.

Наташа Ростова росла нескладной девочкой, с большим ртом и выпирающими из-под платья костями.

Луч света в тёмном коридоре.

В стране идёт восстановление разрухи.

Защищая свою честь, Лермонтов сначала стрельнул в воздух.

Анна Керн — это девушка Пушкина.

Хозяйство у Манилова заброшенное.

Ранее неизлечимые болезни становятся доступны моему современнику.

Солдаты, погибая, приказали долго жить нашему поколению.

Крестьяне трудом своих рук поднялись на ноги.

Дон Кихот и его верная лошадь Ренессанс запомнились мне ещё с детских лет.

Глаз вопиющего в пустыне.

Корабли, на которых плыли в университет абитуриенты, писавшие эти строки, не дошли до цели. Разве мог будущий студент спутать слова *глаз* и *глас*, зная, что последнее — церковно-славянское, соответствующее русскому *голос*, что выражские *глас вопиющего в пустыне* — библейское изречение; что в его основе лежит яркий образ человека, обращающего слова свои в пустоту и не надеющегося на ответ? Именно в этом древнем образе и скрыто современное переносное употребление оборота *глас вопиющего в пустыне* 'напрасный, тщетный призыв'. Не зная глубины этого выражения, лучше и не касаться его поверхности.

Лингвисты не только исправляют такого рода ошибки, но и объясняют психические, общеобразовательные и чисто языковые причины, их породив-

ших. В этих ошибках, как показал минский профессор Б. Ю. Норман в главе «Сочинение» своей книги «Лингвистика каждого дня» (Минск, 1991), есть свои «ошибочные» закономерности, которые достойны самого пристального внимания.

Как прошлое человека формирует его характер, так и прошлое фразеологизма накладывает неизгладимую печать на его настоящую жизнь. Многоцветные слои фразеологического моря постоянно смешиваются, мощное течение неожиданно выносит какой-нибудь глубинный пласт на самую поверхность, происходит второе рождение фразеологизма. Разве нельзя назвать вторым рождением, например, активизацию термина игры в бабки — *сак, сачок* — в просторечном употреблении: *бить сачка, давить сачка, сачковать, сачковать?* Пока эти выражения и слова почти не попали в литературный язык. Но вряд ли найдётся русский, которому они были бы неизвестны именно в этом переносном, фразеологическом употреблении. Более того, в живой речи они постоянно обыгрываются, забытое содержание постоянно требует обновления, обычно намеренно шутливого. У студентов моего поколения, например, выражение *давить сачка* приобрело нарочито трудовой смысл: 'работать сачковой лопатой'. Кто знаком с такой работой, тот понимает, какое глубокое противоречие лежит в основе этого студенческого каламбура. Тем не менее и это неожиданное, свежее восприятие «профессии» *сачкодава* (это слово тоже придумали петербургские студенты) было бы невозможно, если бы в глубине сочтаний *бить, давить сачка* не теплились угольки переносного значения игровой терминологии. Столкновение

фразеологического прошлого и настоящего производит здесь взрыв, называемый каламбуром.

Умение точно ориентироваться в безбрежном фразеологическом море, как видим, немислимо без хорошего знания его глубин. Но грамотное, правильное и остроумное употребление слов и выражений — это ещё далеко не всё, что даёт историческая фразеология. За фразеологической глубиной открывается громадная толща материальной и духовной культуры, которую надёжно хранит язык. Древнейшие представления об окружающем мире, религиозные взгляды и обычаи, народные обряды и профессиональные занятия, память об исчезнувших городах и великих деятелях прошлого, законы и обыденная жизнь наших предков — вот что кроется за многими выражениями, которые мы употребляем, не задумываясь над их прошлым.

Фразеологическая поэзия и фразеологическая быль

Именно эта, внеязыковая информация, лежащая в основе многих устойчивых выражений, и вызывает поистине всенародный интерес к истории фразеологии, к её этимологизированию. Нет, пожалуй, человека, который хоть однажды не остановился бы в раздумье перед загадкой кузькиной матери или зимующего рака, не пытался бы самостоятельно проникнуть внутрь выражения или слова. Мысль человека, естественно, ищет разгадок в хорошо знакомых ему понятиях, в созвучии понятного и непонятного. И стоит явиться такому созвучию, как водоворот ассоциаций

подхватывает нас, случайное становится закономерным, непонятное — понятным, как у В. Брюсова:

Созвучья слова не случайны!
Пусть связь речений далека,
В ней неразгаданные тайны
Всегда живого языка.

Это поэтическое в широком смысле, ассоциативное восприятие слова. Историк языка, этимолог обязан, однако, постоянно удерживать себя от таких поэтических соблазнов. Иначе его наука грозит превратиться в пустое жонглирование словами, подобное «глубокомысленным» экскурсам дворника Тихона Вялова из горьковского «Дела Артамоновых». *Скука от людей*, — объясняет он, например, — *скучатся они в одну кучу, и начинается скука*.

Объяснения слов и выражений случайными звуковыми ассоциациями в лингвистике называют народной этимологией. Этот термин, разумеется, не значит, что такие ошибки совершаются лишь «в народе». На ложный путь часто может стать и маститый учёный. Где же объективные критерии верности предлагаемой фразеологической гипотезы?

На примере этимологического анализа выражений, описанных в этой книге, вы видели, что их в основном два — языковой критерий и критерий исторический, «материальный». Внеязыковая, историческая информация, хранимая фразеологией, — это более глубокий пласт, дофразеологическое дно сочетания. Начинать изучение моря с решительного погружения на дно небезопасно: в спешке можно принять за дно какой-нибудь плотно сросшийся слой морских водорослей. Таким зыбким дном оказалась на повер-

ку старая этимология выражения *бить баклуши* или трактовка устойчивого сравнения *пьян как зюзя* от зюзя 'губка' или имени святого Зосимы. Начальным этапом анализа происхождения фразеологизма должно поэтому стать всестороннее изучение его языковых особенностей. Наблюдения над народной фразеологией показывают, что большинство устойчивых сочетаний образовалось на базе синтаксических и смысловых моделей, характерных для нашего языка. Поэтому очень важно установить принадлежность выражения к той или иной модели, констатировать факт его моделируемости. Именно широкая сочетаемость названий бабок, городков, шаров с глаголом *бить* в русских, украинских и белорусских говорах и типичность ассоциаций игры в бабки, городки и шары с бездельем и привели нас в конце концов к прощупыванию твёрдого дофразеологического дна выражения *бить баклуши*. Им оказалось значение 'сбивать городки'. В то же время сведения о правилах этой и подобных игр, о представлениях, связанных с ней, и её оценки окружающими стали важными внеязыковыми аргументами вероятности этой гипотезы. Языковые и этнографические факты представляют систему, частью которой является и бывший некогда свободным сочетание *бить баклуши*.

Немоделируемые модели?

Именно к системному анализу истории слов и выражений призывал один из основоположников фразеологии как науки — Б. А. Ларин. К сожалению, широкая программа исторического изучения фразеологии, намеченная в его работах, до сих пор почти не осу-

ществлена. Основным этимологическим авторитетом продолжают оставаться фразеологические сборники С. В. Максимова и М. И. Михельсона, написанные ещё в XIX веке. Может быть, именно поэтому многие лингвисты весьма скептически относятся к истории фразеологии, считая её принципы весьма субъективными. Может быть, именно поэтому около пятидесяти тысяч работ, написанных о фразеологии, — это в основном работы об употреблении устойчивых сочетаний, об их свойствах, об их типах или о том, как эти сочетания используются писателями или переводятся на другие языки. Словом, фразеологов интересует прежде всего современная жизнь образных оборотов.

Чем же объяснить настойчивое внимание к верхним фразеологическим слоям и нежелание погружаться в исторические толщи?

Многих исследователей останавливает тот факт, что корни фразеологии уходят в мир материальной и духовной культуры. Фразеология — это фольклор в широком смысле слова; значит, полагали они, им должны заниматься историки народных обычаев и быта — этнографы. (Не случайно С. В. Максимов, столько сделавший для исторической фразеологии, был именно этнографом.) Языковеды же должны ограничиться чисто языковой проблематикой устойчивых сочетаний.

Характерно, что историков слов, а не фразеологизмов такой аргумент остановить не может. Конечно, признают они, связь между словом и понятием, между словом и вещью несомненна, но при этимологическом анализе следует оперировать прежде всего языковыми данными. Язык — это система связанных

между собой единиц, и если рассуждения об истории слова верны, то они должны строго соответствовать реальным фактам этой системы. Признание системности языковых изменений привело этимологов к выработке математически точных и объективных критериев исторического анализа слова. Для доказательства любой гипотезы о происхождении слова необходимо установить закономерность звуковых, словообразовательных и смысловых моделей, по которым оно было образовано.

Так, связь слов *сохатый* 'лось' и *соха* 'плуг' может быть доказана прежде всего фонетическим тождеством их основ (*сох-*) и словообразовательной моделью (ср. *борода* — *бородатый*, *нос* — *носатый*, *хвост* — *хвостатый*, *горб* — *горбатый*). Но этого недостаточно. Необходимо найти и смысловую модель, которая подтвердила бы это сопоставление. Древняя соха — это развилистый сук (ср. русское *посох* 'палка', литовское *šaka* 'ветвь, сук'). Эти значения корня *сох-* и учёт фонетических и словообразовательных соответствий дают основание трактовать *сохатый* как 'животное, имеющее ветвистые, развилистые рога'. Такое предположение подтверждается наличием русских диалектных слов *рогáтик*, *рогáстик*, *рогáч* 'рогатое животное' или известного сочетания *рогатый скот*. Эта смысловая модель находит аналогию и за пределами славянского мира: древнепрусское *ragingis* 'олень' буквально и значит 'рогатый'.

Этот пример — одна из множества математически точных этимологий, которые приводит петербургский профессор Ю. В. Откупщиков.

Историки фразеологии долгое время не могли пользоваться таким методом. Этому препятствовали

теоретические взгляды на устойчивое сочетание как специфическую, индивидуальную, оригинальную и неповторимую языковую единицу. Фразеологизм рассматривался как некое исключение из системы языка, отклонение от обычных языковых моделей. А если так, то как можно требовать анализа немоделируемых языковых фактов на основе принципа моделируемости?

В самом деле, фразеологизм — особая языковая единица уже потому, что он диалектически соединяет два качества — качество слова и качество сочетания. Формально он состоит из нескольких слов, а по смыслу равен одному слову. Вопрос о том, как происходит это слияние слов, и был сюжетом этой книги.

Устойчивая современность и неустойчивая история

Естественно, что слитые неделимым смыслом слова обладают большей устойчивостью, чем свободные сочетания. Устойчивость фразеологических сочетаний, «нежелание» слов, их составляющих, вступать в связи с другими словами — одно из основных свойств фразеологизма. Это свойство отражено самим термином *устойчивое сочетание*, принятым для фразеологизма. Выходит, устойчивость и обуславливает ту самую обособленность, специфичность, о которой говорилось выше.

Классификация фразеологизмов, более полувека назад предложенная В. В. Виноградовым, опирается именно на эту особенность. По степени устойчивости слов, образующих фразеологические сочетания, учёный делит последние на три группы.

Фразеологические сращения — это обороты типа *бить баклуши*, целостное значение которых для говорящего не соотносится с отдельными значениями составляющих их слов. В состав такого оборота входит слово, не употребляемое вне фразеологизма.

Фразеологические единства — это обороты типа *закинуть удочку*, целостное значение которых говорящий может вывести из составляющих фразеологизм слов. Цельность оборота здесь возникает путём слияния значений составляющих его слов.

Фразеологические сочетания — это обороты типа *расквасить нос, кромешный мрак*, в которых имеются как слова со свободным употреблением (*нос, мрак*), так и слова, сочетаемость которых предельно ограничена (*расквасить, кромешный*). Отличием этого типа фразеологизмов от предыдущих является возможность замены составляющих их слов синонимами: *расквасить нос — разбить нос, кромешный мрак — непроглядный мрак* и т. д.

Легко заметить, что эта классификация исходит из строго современного восприятия устойчивых сочетаний. С исторической точки зрения два первых типа сочетаний были когда-то свободными, не имели переносных значений, а сочетаемость третьего типа не была так ограничена. *Бить баклуши* входило в тот же ряд, что и *бить (сбивать) городки, рюхи, шары* и т. д.; *закинуть удочку* — в ряд *закинуть перемёт, донку, жерлицу, сети, невод* и т. д. Третий же тип и в современном языке не имеет переносного значения, а ограничение сочетаемости даже для современного употребления весьма относительно: *расквасить* мож-

но не только *нос*, но и *физиономию*, *кромешным* может быть не только *мрак*, но и *ад*.

Исторический подход, таким образом, возвращает эти три типа сочетаний в систему языка, снимает с них налёт оригинальности и индивидуальности, обусловленный ограничением сочетаемости и устойчивостью, и вновь делает их моделируемыми.

Значит, от историка фразеологии можно с полным правом требовать такой же строгости чисто языковой аргументации предлагаемых гипотез, как и от историка слова.

С точки зрения современного «потребителя» языка любые изменения устойчивого сочетания грозят разрушить его как таковое. Так, уже по одной фразе *Я одинок как палец*, которую в романе Бруно Ясенского «Человек мняет кожу» произносит диверсант Мурри, можно изболочить иностранца. Замена слова *перст* синонимом нарушила устойчивость и уничтожила фразеологизм. О невозможности подобных замен писал В. В. Виноградов: «Подстановка синонимов или замена слов, являющихся семантической основой фразы, невозможна без полного разрушения образного и экспрессивного смысла фразеологического единства»¹.

Это подход строгого стилиста, беспокоящегося об абсолютной чистоте фразеологического богатства литературного языка. В жизни, однако, мы постоянно сталкиваемся с нарушениями этой устойчивости. Более того, то, что с чисто стилистической точки зрения нам кажется недоступным и ошибочным, нередко

¹ Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке. — Сб. в честь акад. А. А. Шахматова. Л., 1947, с. 357.

уходит своими корнями, как это ни странно, в далёкое, дофразеологическое прошлое образного оборота.

Можно ли развешивать нюни?

В одном из первых сборников стихов М. Исаковского «Провинция» (1927) есть стихотворение «Шуба». В нём молодой поэт, не имея денег, чтобы выполнить наказ жены — купить ей новую шубу, успокаивает себя тем, что это пустяки по сравнению с гигантскими делами современности, например со строительством Волховской ГЭС:

Ты веришь — она [заря Волховской ГЭС]
загорится в веках,
Как южное солнце в июне.
Зачем же грустить о таких пустяках,
Зачем же развешивать нюни?

Редакторам последующих изданий оборот *развешивать нюни* показался именно той недопустимой подстановкой синонимов (*развешивать* можно только *уши*), против которой так решительно выступал В. В. Виноградов. И в собрании сочинений М. Исаковского эта фраза звучит иначе: *И зря распускаешь ты нюни!*

Между тем поэт отнюдь не перепутал *уши* с *нюнями* (к значению этого слова мы ещё вернёмся). Он, пожалуй, лишь точно отразил один из народных вариантов литературного выражения. В сибирских говорах диалектологи, например, записали сочетание *развесить нюни* в значении 'расплакаться'. То же значение имеют на Псковщине народные обороты *развесить губы* или *грибы развесить*, причём *гриба* здесь

означает то же, что «губа». В древних тверских говорах давно уже записано сочетание *брынды развесить* в том же значении.

Такое широкое распространение глагола *развесить* со словами *нюня*, *губа*, *гриба* и *брында* не может быть случайным. Следовательно, вопрос о том, какое сочетание — *развешивать нюни* или *распускать нюни* — древнее, не так уж и прост, как кажется человеку, привыкшему к литературному языку. Материал народной речи, как видим, и здесь даёт возможность поставить вопрос о происхождении фразеологизма *распустить нюни* на модельную, системную основу.

Уже в литературном языке довольно трудно говорить об устойчивости оборота *распустить нюни*, раз его синонимический вариант *распустить слюни* столь известен. Кроме того, эту устойчивость нарушает и факт, что глагол *распускать* может свободно спрягаться: *распустил*, *распустишь*, *распускает* и т. д.

Но поистине впечатляющее количество вариантов этого выражения даёт народная речь. Вместо слова *нюни* мы можем встретить здесь и *брылы*, *брыле*, *брылы*, *брюли*, *брюни*, *возгри*, *грибы*, *губы*, *рюмы*, *сопли*, *хальки*. Большинство этих слов имеет значение 'губы'.

Ещё более активно заменяется глагольная часть этого сочетания. Кроме глагола *развешивать*, в говорах записаны глаголы *выставить*, *оттоурить*, *надуть*, *развесить*, *отвесить*, *распускать*, *оттянуть*, *растопырить*, *отквасить*, *выставлять*, *натянуть*, *набутусить*, *отквашивать* и т. д.

Замена слов, составляющих этот «устойчивый» оборот, может привести к полной перестройке его

первоначального смысла. В этом случае в действие вступают ложные ассоциации, подобные тем, которые превратили *бить баклуши* в курское *бить лягушек*. Так, псковский оборот *грибы распустить* превратился в шутовское выражение *сделать грибу солёную 'расплакаться'*. Дело в том, что в деревне Кулье, где эта фразеологическая шутка записана, слово *гриба* значит не только 'губа', но и ассоциируется со словом *гриб*, который, кстати сказать, в псковских говорах может обозначаться и словом *губа*. Параллелизм значений 'губа'/'гриб', намеренно соединённых в этом выражении, и создаёт юмористический эффект.

Ещё дальше отрывается от значения 'губа' олонекское сочетание *бирюка тянуть* 'хныкать, ныть', где слово *бирюня*, *бирюня* 'губа' под воздействием ассоциации с *бирюк* 'волк' фактически разрушается. Подобная ложная ассоциация со зверем может возникнуть и при попытке изолированного объяснения сибирского выражения *норку тянуть* 'капризничать', которое на деле, видимо, отталкивается от *норка* 'ноздря', 'морда животного', возможно, 'губа' (ср. русское *губа* и чешское *hüba* 'морда').

Широкие сопоставления выявленной диалектной фразеологической модели со славянскими оборотами такого же типа позволяют реконструировать значение слова *нюня*, утраченное современным русским языком, — 'губа'

Единство противоположностей «по-фразеологически»

Итак, при ближайшем рассмотрении фразеологическое сращение *распускать нюни* стало свободным

сочетанием. В живой речи все признаки формальной его устойчивости исчезли: и глагол, и существительное, которые его образуют, заменяются другими словами, искажаются и переосмысливаются. Можно ли, однако, на основании неустойчивости такого рода поставить безнадежный диагноз: фразеологизм скончался?

Конечно, нет. Форма сочетаний *распускать нюни*, *отквасить брылы* или *оттоурить грибы* действительно различна, как различна форма русского выражения *бить баклуши* и украинского *бити байдики*. Но есть всё-таки два очень важных признака, которые объединяют весь этот ряд фразеологизмов, — общность переносного значения 'плакать, хныкать, капризничать' и заметная регулярность синтаксической конструкции: глагол (в определённом значении) + существительное (в значении 'губа'). Эти два признака и составляют ту фразеологическую модель, на которую можно опереться при этимологическом анализе всех перечисленных выражений. Эту модель можно выразить лишь в виде условной схемы: 'расслаблять' + 'губу' = 'плакать, хныкать, капризничать'

Как видим, несмотря на самые разнообразные изменения формы и синонимические замены, фразеологизмы всё-таки сохраняют два признака, которые можно считать устойчивыми. Это устойчивость общего значения и устойчивость конструкции. Именно такая, конечно, в какой-то мере относительная устойчивость, а не незаменимость отдельных частей фразеологизма и незыблемость их формы и делает фразеологизм устойчивым сочетанием. Поистине неустойчивая устойчивость, если от неё можно ждать

сюрпризов вроде *бить лягушек, тянуть бюрока* или *сделать грибу солёную!*

Итак, анализ фразеологического ряда с общим значением 'плакать, хныкать' помогает вскрыть весьма парадоксальное свойство устойчивых выражений, которое мы уже не раз наблюдали и на других примерах. Конкретная форма отдельных сочетаний оказывается неустойчивой, но целостное содержание и общая их формальная схема — стабильной. В самом деле — единство устойчивой неустойчивости и неустойчивой устойчивости!

Этот вывод отражает реальную картину развития многих устойчивых сочетаний. Он одновременно показывает, какова специфика исторического анализа фразеологизма по сравнению с этимологией слова. Если при этимологическом анализе слова, как мы видели, важно, чтобы были аргументированы три модели его образования — фонетическая, словообразовательная и смысловая, то при подобном анализе устойчивого сочетания фонетика и словообразование будут играть лишь вспомогательную роль. Ведь слова, составляющие фразеологизм, в результате тесного слияния друг с другом теряют самостоятельную форму и значение и поэтому подвержены различным искажениям. Значит, историку фразеологии следует больше доверять устойчивости общего значения оборота и относительно постоянству его синтаксической конструкции. На этом строилась этимология фразеологизма *бить баклуши*.

Покажем, какие результаты даёт такой метод в случаях, когда форма выражения изменилась до неузнаваемости.

Какого арапа заправляли наши предки?

Выражение *брать на арапа* или *делать что-нибудь на арапа* известно всем. Кто из нас не судачил о товарище, который сдал на арапа все экзамены, не очень к ним готовясь? В действии *на арапа* непременно есть грубый обман, уловка, ухищрение и нахальство.

Форма слова невольно заставляет искать связи со словом *араб*, подозревая переносное значение. Названия народов нередко используются как обобщённое обозначение различных качеств: германское племя *вандалов*, опустошившее в V в. Римскую империю, дало многим языкам синоним невежественного и жестокого человека, слово *каннибал* 'людоед', 'жестокий человек' когда-то употреблялось лишь по отношению к людоедам Антильских островов и т. д. Именно в таком направлении, как предполагают авторы большого Академического словаря, и шло развитие значения слова *арап* 'картёжный шулер', от которого могло быть образовано выражение *брать на арапа*.

Такое значение действительно известно. В литературу оно попало из профессиональной речи картёжников вроде Васеньки Штольдера, описанного в рассказе А. И. Куприна «Кислород». *Арап* — это не крупный картёжный махинатор, а лишь такой, который играет «на арапа», т. е. не имея при себе денег: выиграл — забирает деньги, проиграл — не отдаёт.

Почему же, однако, таких картёжных мошенников называли именно *арапами*, а не, скажем, *греками* или *турками*? М. И. Михельсон так отвечает на этот вопрос. В игорных домах висели чёрные доски, на кото-

рых были записаны имена неплательщиков. Тёмный цвет доски и породил ассоциацию с арапом, арабом. Ведь *арапами* в XIX веке называли любого чернокожего человека.

Как будто бы такое объяснение кажется логичным. Но давайте всё-таки проверим его нашим методом, так сказать, «на модель». Есть ли в русском языке конструкции с предлогом *на*, имеющие примерно такое же значение, как фразеологизм *братъ на арапа*, и при этом связанные с названиями народов?

Такие поиски не увенчались успехом. Автор этой книги не встретил ни в русских, ни в славянских материалах сочетаний типа *братъ на цыгана*, *на грека*, *на турка* и т. п. Зато в русском языке нашлось два фразеологизма с такой же конструкцией, но без «арабской» линии: *взять на шарап* 'грубой силой', 'нагло' и древнерусское *побѣтити на воропъ* 'отправить в стремительный налёт, набег с разведывательными целями'.

Близость значений и конструкции этих трёх оборотов при звуковой близости может натолкнуть на мысль об их общем происхождении. Но какой из них тогда считать изначальным, а какой — вариантным?

Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся прежде всего к самому древнему из наших сочетаний — *побѣтити на воропъ*. Последнее слово — *вороп*, а чаще *навороп*, *наврон* — встречается довольно часто в древнерусских летописях как военный термин. Комплекс его значений ещё в большей степени приближает нас к оборотам *на арапа* и *на шарап*: 'налёт, нападение, натиск, как правило, неожиданный и грубый', 'наглый грабёж', 'добыча, полученная путём такого грабежа', 'насилие и сила'. Сугубо военное значение слов *навороп*, *наврон* 'разъезд', 'разведыва-

гельный отряд' тесно связано со значением древнерусского слова *воропъ* 'налёт, нападение'. По мнению историка языка Ф. П. Филина, осмысление этих слов как военных терминов «произошло у южных восточно-славянских племён, живших на границе леса и степи, вероятно, ещё до появления в южнорусских степях половцев»¹.

Приставка *на-* в *навороп*, *навороп* — не что иное, как бывший предлог, постепенно сросшийся со словами *враге*, *вороп*. Об этом свидетельствует материал летописей, где *на* может быть отделено от *воропа* другими словами: **Вамилька же поѣхти на на вороп, идѣже бяху Ладове, и ѹбьши многыя.**

Захват добычи, грабёж, обман и коварство, как нетрудно догадаться, лишь закономерные смысловые оттенки, которыми обростало военное значение слова *вороп* в процессе его фразеологического освоения.

Постепенно слово *вороп* забывалось и вследствие этого искажалось монастырскими писцами. В одном из списков Ипатьевской летописи, например, вместо **аша азыкъ въ воропцѣхъ** «захватили языка в разсзде» переписчик уже копирует «творчески»: **аша азыкъ въ воротцѣхъ**, т. е. 'в воротцах'.

Древнерусский материал, следовательно, наталкивает на заманчивую мысль: не являются ли сочетания *на шарап* и *на арапа* такими же формальными искажениями, вызванными забвением слов **воропъ**, **врапъ** и оборота **поѣхти на воропъ (врапъ)**?

Незакономерное появление звуков *х* и *ш* для усиления экспрессивности слов отмечалось учёными,

¹ Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1974, с. 692.

а отпадение *в* для оборота *на арапа* можно было бы объяснить аналогией процессу присоединения звука *в* в словах, где его исконно не было (диалектное *вольха* вместо *ольха*, украинское *вікно* вместо нашего *окно* и т. п.).

Но всё-таки основной аргументацией общего происхождения сочетаний *на ворон*, *на шарап* и *на арапа* являются те фразеологические закономерности, которые мы наблюдали при анализе оборота *распускать нюни*. Как бы формально ни изменялся этот оборот, его значение оставалось почти неизменным. Именно с таким случаем мы имеем дело и сейчас. *На ворон* — *на шарап* — *на арапа* связаны единой смысловой цепью: 'грубо, нахально, нагло', 'путём обмана'. Более того, многие современные тексты доносят в полной сохранности военное значение этих выражений: *Он швырнул несколько медяков. Ребята заорали: «На шарап! На шарап!» Этот клич означал, что разрешается вольная борьба за добычу* (Вс. Вишневский. Песнь человеческая). В этой устойчивой формуле детской игры, как видим, сохранилась та военная, вернее, военизированная характеристика, которая известна летописному *на ворон* 'стремительной атакой', 'неожиданным нападением'.

Один из самых крупных козырей против «шуплерской» гипотезы происхождения фразеологизма *братъ на арапа* — валентность слова *арап*. С понятия фразеологической валентности, т. е. меры сочетаемости частей выражения, как вы помните, начиналась эта книга. Какова же фразеологическая валентность «арапа» и совпадает ли она с сочетаемостью древнерусского «воропа»?

Для последнего был характерен глагол **побѣгити**. Этот же глагол — только с приставкой *за-* — в современном языке охотно сочетается со словом *арап*: *Ты мне арапа не запускай*.

От древнерусского **побѣгити** [*на*] **воропъ** 'послать разведывательный отряд для получения сведений о противнике' до *запускать арапа* 'обманывать' — один шаг. Ведь разведчику без обмана и хитрости задания не выполнить.

Одним из глаголов-спутников слова *арап* является *заправлять*. *Заправлять арапа*, так же как и *запускать арапа*, значит 'врать, рассказывать нсбылицы' Это выражение встречается у многих писателей. Так, типично его употребление И. Э. Бабелем в пьесе «Закат»:

Маруся: Кавуны купите, бутылку вина, копчёной скумбрии полдесятка... Дай ей рубль.

Потап: Не хватит рубля.

Маруся: Арапа не заправляйте... Хватит, ещё сдачи будет.

Править, или *заправлять, арапа*, видимо, — одна из древних замен глагола **побѣгити** в сочетании и **побѣгити на воропъ**, подобная случаю с *распускать, оттоурить, надуть* и т. п. *губы*. И это сочетание свободно расшифровывается как 'совершить налёт, нападение в разведывательных целях' Ведь глагол *правити* в старину означал именно 'делать, совершать, выполнять что-нибудь'. Наши предки, например, *правили царскую службу* или *посольство*. О возможности замены глагола в сочетании **побѣгити на воропъ** свидетельствует его древнейший вариант,

сохранный Ипатьевской летописью: **взраднѣти въ нѣворопѣ** 'послать в разъезд'.

На этом, собственно, и кончается история выражения *братъ на арапа*, такого древнего и такого юного. Точнее говоря, кончается его военная история, которую довели до нас русские летописи и современная разговорная речь. Может возникнуть вопрос:

а откуда же взялось это загадочное древнерусское выражение — **побѣгнѣти на воропѣ**, от которого остались лишь эти разнокалиберные фразеологические «дребезги»?

Ничего удивительного, что и поиски истоков этого сочетания приведут нас, как обычно, к роднику народной речи. Военный термин наших предков, видимо, тесно связан с сельскохозяйственным народным термином *вороб*, *вороба*, *воробы* 'орудие для разматывания и наматывания ниток, пряжи в виде крестовины из вращающихся деревянных планок, укрепленных горизонтально на стойке'. Это слово до сих пор ещё помнят старики в русских деревнях, хотя реалия, обозначаемая им, уже забыта. Древность этого слова подтверждается литовскими, латышскими, древнерусскими, древневерхненемецкими и другими языковыми параллелями, которые отыскиали этимологи. Как же этот *вороб* превратился в *воропѣ*?

И за этим превращением лежит фразеологическое употребление слова. С быстрым круговым вращением воров в народе связано устойчивое представление о внимательном и зорком бегающем взгляде. В тамбовских, ярославских и костромских говорах известно устойчивое сравнение *глаза как на воробах*: *У него глаза как на воробах, так во все стороны и вертятся*. Это народное сравнение, уходящее корня-

ми в древнюю производственную терминологию, и могло стать источником древнерусского *поустити на воробъ*. **Быть* [как] *на воробе* первоначально значило 'находиться в постоянной боевой готовности, быть настороже, начеку'. В этом сравнении и заложены все смысловые оттенки фразеологической шкалы *на воробъ — на шарап — на арапа*.

В своё время А. С. Пушкин, разбирая не совсем удачные толкования слов *араб*, *арап*, *аратка* и *аратник* в современных ему словарях, писал князю П. А. Вяземскому: «А право, не худо бы взяться за лексикон или хоть за критику лексиконов». Эти слова можно отнести и к современным толковым словарям, уверенно связывающим древнее русское выражение *братъ на арапа* с заимствованным в конце XVI в. словом *арап* 'негр'.

История фразеологизма *братъ на арапа* может показаться весьма оригинальным и причудливым рядом метаморфоз слова *вороб*. Но на самом деле перед нами всего лишь типичная линия «соединенья слов» в устойчивые сочетания. Сначала — употребление основного слова *вороб* в переносном смысле. Затем — «обкатка» этого переносного значения и переключение его в иную, военную сферу употребления. Наконец, второе, «гражданское» осмысление этого военного термина. Заключительным аккордом процесса превращения свободного сочетания слов в устойчивое было «старение» слова *вороб* и его исчезновение из современного языка, что привело к разрушению его формы и различного рода ложным переосмыслениям. Народное слово *вороб*, как разменная монета, переходило от одного словесного «коллектива» к другому, пока вновь не вернулось в сферу про-

сторечную, народную. Впрочем, может быть, оно её никогда и не покидало.

В своих «Очерках по фразеологии» Б. А. Ларин выявил четыре главных этапа превращения свободных сочетаний слов во фразеологизмы:

- 1) «утрату реалии», т. е. предмета, который обозначался словом;
- 2) «семантическое обогащение» при исходной метафоризации, т. е. употребление этих слов в переносном значении;
- 3) «утрачивание подробностей» и «деформацию нормального состава предложения», т. е. обобщения смысла сочетания;
- 4) «нарушение первичной грамматической структуры» оборота, т. е. возможность искажений его формы.

Далеко не все устойчивые сочетания проходят все эти этапы. Большинство из них останавливается на одном или двух. Фразеологизму же *братъ на арапа* «повезло»: им пройдены все четыре этапа.

Но вот что характерно: переходя из одной сферы в другую, претерпевая самые прихотливые формальные метаморфозы, это сочетание всё же невероятно цепко хранило своё целостное переносное значение. Эта цепкая устойчивость основного смысла сочетания *братъ на арапа* была, по сути дела, единственным надёжным звеном, которое позволило вытащить всю цепь этих удивительных превращений. Именно это свойство значения, семантики фразеологических оборотов и оправдывает их наименование «устойчивые сочетания».

Афоризм профессора Б. А. Ларина о предельной точности исследования, которой позволяет достичь

семантика, вот уже более полувека подтверждается научными трудами по истории слов. Но ещё большее значение упор на семантику имеет для изучения истории «соединений слов» — фразеологизмов. В этой области устойчивой неустойчивости именно семантика является тем точным лотом, которым можно измерять фразеологические глубины.

УКАЗАТЕЛЬ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И СЛОВ

Фразеологизмы и сочетания слов

А

- Алёха сельский *диал.* 191
Алёша бесконвойный
диал. 191
Аноху строить *диал.* 79, 191
арапа
- заправлять арапа 236
- запускать арапа 236
- на арапа 232–235,
237–239

Б

- Баба Яга 170, 172
бабки сшибать *диал.* 99
барашек в бумажке 43, 44
белая ворона 126
беньки бить *диал.* 100
бесполденная Арина
диал. 191
бирюка тянуть *диал.* 229
бить баклуши 3, 21, 71,
80–84, 87, 97–100, 103,
104, 147, 208, 221, 225,
229–231
бить балды *диал.* 100, 104
бить сачка *диал.* 102, 218

- бить смертным боем 58
болтать пустое 91
болтать языком 90
Большая Медведица 113,
114, 143
большая шишка 66
брынды развесить 228
быть на духу 49
быть под хмельком 204
быть под ярмом 35

В

- в адамовы веки 180
в объятиях Морфея 179
в переборочку играть
диал. 85
в сердцах 21
валять ваньку 78, 79, 165
валять дурака 3, 79, 80, 191
вертеть вола 92, 161
вешать собак 105
взять на шарап 233
витать в облаках (в эмпиреях, между небом и землёй) 9, 12
Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! 186

Г

глаза как на воробях
диал. 237
глас вопиющего в
пустыне 217
глядэць на паповы сани
белорусск. 37
голубь мира 53
гонять лодыря 104, 209
гонять собак 96, 103–105

Д

давить раков 155
давить сачка 218
дать дрозда 23, 96
дать лыку 209
дать лытка (лызка, лызгача)
диал. 209
дать стрекача 22
дворянское гнездо 28, 119
делать из мухи слона 129
Демьянова уха 22
до морковкиного заговенья
диал. 211
долгий ящик 45–48
драть как Сидорову
козу 193
драть козла 138

Ж

жить бюрюком 118
жребий брошен 175
журавль в небе 5, 161

З

за царя Панька *укр.* 212
за царя Тимка *укр.* 212
за царя Хмеля *укр.* 212
забить козла 147
задать Храповицкого 204,
205
закинуть удочку 225
заправлять арапа 243
здоров как бык 122

И

и никаких 53, 54
играть в бирюльки 95, 98
идёт как Мартын с
балалайкой *диал.* 191

К

как от козла, ни шерсти, ни
молока 137
как от козла молока 141,
151
как с гуся вода 125
Калин-царь 173, 174
калиф на час 33, 34
канцелярская крыса 44
козёл отпущения 137, 145
кормить (ловить) раков 152
корчить шута 79, 80
кот в мешке 126
кочка зрения 26, 28
Кошей Бессмертный 170,
173
крапивное семя 44

красный как рак 149
куда Макар телят не
гонял 194, 198

Л

легче верблюду пройти
сквозь игольное
ушко 129, 132
лёгко на помине 160
лежащего не бьют 57
ломать копы 60
львиная доля 30, 31

М

Мамай воевал *диал.* 173
медвежья услуга 24
меж волком и собакой 159,
162
если Емеля — твой
неделя 190
мелкая сошка 42
Минькой звали 201, 202
Мигькой звали 201
Мишка-медведь 199
Млечный Путь 140–143
молоть языком 90

Н

ні до холодної води *укр.* 86
на бедного Макара все
шишки валятся 193
на ~~сантех~~ ~~суда~~ *др.-*
русск. 36

наготовить (наварить) как
на Маланьину свадь-
бу 182–184, 197, 198
не к ночи будь помянут 160
небо коптить 94, 95
несм как рыба 119
ни в зуб (ногой) 40–42
ни пїжи ни ёжи *диал.* 86
ни пава ни ворона 22, 25
ни рыба ни мясо 151
норку тянуть *диал.* 229
Ну и гусь! 125

О

одержать верх 54
одним миром мазаны 49, 50
Олух Царя Небесного 75,
76, 78
отделять овец от
козлиц 138
отложить в долгий ящик 45,
47, 48
отправляться в
Могилёвскую
губернию 204, 205
отставной козы
барабанщик 139

П

палец о палец не ударить 85
петь лазаря 181
Петя-петушок 199
под игом 35
под микитки 200

под эгидой 141
подлинная правда 64
поднять всё вверх
 копылом 35
поймать леща 154
показать кузькину мать 165,
 195–197
ползти по-пластунски 68,
 69
поминай как звали 202
попался как ворона в
 суп 125
попасть впросак 38
попрыгунья стрекоза 133
Потёмкинские деревни 185
ПОБИТИ НА ВОДОПІ др.-
русск. 233, 234, 236–238
праздновать Лытгусу
 диал. 208, 209
праздновать трусу
 (труса) 205, 207–209
при царе Горохе 209–213
при царе Копыле *диал.* 36,
 210
при царе Косаре *диал.* 211
приказной крючок 44
продавать шаты 96
прожить аридовы веки 180
прожить мафусаиловы
 веки 180
пропасть как в Минькин
 мех *диал.* 201
пускать пыль в глаза 58
пускаться во все тяжкие 49,
 50
пустить козла в огород 137
пьёт как сапожник 39

пьян как зюзя 117, 118, 221
пятиться как рак 156

Р

работать в бригаде Ваньки
 Шаталова *диал.* 96
работать как вол 122
работать не покладая
 рук 70, 87
разбить вдребезги 68, 83
развесить грибы (губы)
 диал. 227–230
развешивать нюни
 диал. 227, 228
разводить антимонии 50–52
раків печуть *укр.* 149
раки зимуют
 - знать, где раки
 зимуют 157, 194
 - показать, где раки
 зимуют 157, 194
раковая шейка 155
распустить нюни 228
распустить слюни 228
рачыи глаза 154, 155
робити як віл у ярмі
 укр. 122
рог изобилия 141
Рубикон перейти 175
руки в боки 87, 88
рыцарь на час 34

С

с копылов долой 36, 37
с копыт долой 37

с одной стороны Ульяна, с
другой Фома *диал.* 191
Сарынь на кичку! 64, 65
сделать грибу солёную
диал. 229, 231
сидеть Богородицей
диал. 87
сидеть сложа руки 87
Сидор и Борис об одной
дрались *диал.* 192
сизифов труд 92, 177–179
сию минуту 20, 22
сказки сказывать
(говорить) 29
скул, как Кошей 170
слово и дело 63
слонов слонять
(продавать) 95, 96
собак гоняют 103
спит как пожарник 39
стоять как вкопанный 61, 62
стоять фертотом 87
страусовая политика 119
схватить краба 152, 153
съездить в Харьковскую
губернию 204

Т

танталовы муки 178, 198
Титовы дети 197
трепать языком 20, 90
трудиться в поте лица 72
трудиться до седьмого пота
(до кровавого пота) 73
трудюлюбив как пчела 120,
121

тянуть канитель 21, 38
тянуть ляжку 66, 70

У

убить бобра 161
узнать всю подноготную 64
узы Гименея 203
утирать пот 72

Ф

Филькина грамота 191

Х

хватить дроздов 23
химери гонити *укр.* 144
ходить в костюме Адама и
Евы 180
ходить гоголем 89
хоть святых выноси 49

Ц

цёмцюр Цара Небеснага
белорусск. 78

Ч

чернильная душа 44

Ш

шайка-лейка 67
Шемякин суд 186
шибалки сбивать *диал.* 100
шишка на ровном месте 66

A

Anno Tabak *нем.* 212
 avoir les mains dans les
 poches *фр.* 87

B

boire comme une grenouille
фр. 124
 Brown, Jones and Robinson
англ. 191
 być góra *польск.* 56

C

crava l' à mangià la fojã *итал.*
(диал.) 140

D

den Bock melken *нем.* 141
 die Hände in den Schoß legen
нем. 87
 die Hände in die Taschen
 stecken *нем.* 87
 dolce far niente *итал.* 84, 85
 du temps du roi Guillemot
фр. 212

E

echar agua en el mar *исп.* 94
 entre chien et loup *фр.* 159
 estar con manos cruzadas
исп. 87
 estar con mano sobre mano
исп. 87

F

faire cuire son homard
фр. 149

H

Holz in den Wald tragen
нем. 94
 Htt na ně! *чешск.* 57

I

in silvain ligna ferre *лат.* 94

J

jeter de la poudre aux yeux de
 qn *фр.* 58

L

łamać kopię, kruszyć kopię
польск. 59
 Lanze brechen *нем.* 59
 la parte del leone *итал.* 30
 lion's share *англ.* 30
 llevar leña al monte *исп.* 94
 Löwenteil *нем.* 30

M

mít filipa *чешск.* 192

N

night owls *англ.* 124

P

pást mravence *чешск.* 96

portare i cavoli a Legnaia

итал. 93

portare legna al bosco

итал. 94

portar acqua al mare

итал. 94

porter de l'eau à la mer

фр. 94

Q

Quia nominor leo *лат.* 31

R

rosso come un gambero

итал. 149

rot wie ein Krebs *нем.* 149

rouge comme une écrevisse

фр. 149

S

se croiser les bras *фр.* 87

se tourner les pouces *фр.* 85

T

Ti mangi il canchero!

итал. 152

Tom, Dick and Harry

англ. 191

to be drunk as an owl

англ. 124

to bring owls to Athens

англ. 94

to carry coals to Newcastle

англ. 93

to carry leaves to the wood

англ. 93

to catch a crab *англ.* 154

to fold one's hands *англ.* 87

to throw dust in somebody's
eyes *англ.* 58

to twiddle one's thumbs

англ. 85

W

Wasser in den Brunnen tragen

нем. 93

Z

zdravý jako dub (buk)

чешск. 21

Слова

Арктика 114

артикуль 18

бестия 110

верблюд 112, 126, 127, 129,
130–134

газета 107

дармоед 74, 75, 197
донкихот 187, 188
ермолафия 48
ерунда 52
здоровый 21
зодиак 115
ирод 168
кабрюлет 144, 145
каналья 109, 110
каприз 144
каприччио 144
кожа 144
король 176, 197, 209
лазарет 181
Ловелас 168
Мегера 168
Ментор 168
небокопнитель 94
нехранимайка 86
ничегонеделание 84, 85
объегорить 198
осоветь 124
пингвин 111
подкузьмить 197, 198
простофиля 75, 88, 192
пядиться 20
разгильдяй 168
ракалия 109, 110
сачковать 101, 103, 218
сачкодав 218

сачок 71, 101, 103, 218
сейчас 20, 21
сердиться 21, 125
скалиться 20
скопываться 37
тарашиться 20
торпеда 107
трепаться 20
туняедец 74, 75
ура 54, 55, 56, 57
фетюк 88
фесфёла 88
франт 168
хам 168
хулиган 167, 168
царь 31, 50, 136, 173, 174,
175, 176, 177, 197, 209,
210, 211
bestia 110
canaglia 110
hurra 55
Hurá 56
hurra 54, 55
hurrah 55
Kamel 131
Ochs 121
pecivál 77
racaille 110
Vzhûru! 56, 57

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ АВТОРА	3
Глава первая ЯЗЫК НЕИСТОЩИМ В СОЕДИНЕНИИ СЛОВ	8
Как жмурятся цветы и витают звери	9
Можно ли собрать дребезги?	13
Преступны ли границы слова?	15
Деревянное здоровье и сердитое сердце	19
Почему дают стрекачей и хватают дроздов	22
Кто создаёт образы?	24
В поход за львиной долей	29
Глава вторая ДЕЛО И СЛОВО.....	32
Калифы и выдвиженцы	33
С копыт или с копылов?	35
Секреты производства и производственные травмы	38
Кто кого толкал в зуб ногой	40
Канцелярские крысы и судейские брехунцы	43
Вынос святых, разведение антимоний и прочая ермолафия	48
ВОЕННЫЕ СЛОВА НА ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЕ	52
Кто первый крикнул «ура»?	54
Смертный бой и пыль в глаза	57

Когда ломали копья?.....	58
ЗАБЫТЫЕ ПРОФЕССИИ	60
Слово и дело государево	61
Сарынь на кичку!.....	64
Шишки на ровном месте, чайки и шайки-лейки.....	66
Кто такие пластуны?	67
Глава третья ЧТО ДЕЛАЮТ	
БЕЗДЕЛЬНИКИ?	70
Оболтусы и пустогрязи.....	70
Трудовой пот и лоботрясение.....	72
Что делал олух Царя Небесного?.....	75
За что валяли Ваньку?.....	78
ПОЛЕЗНА ЛИ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	
БЕЗДЕЛЬНИКОВ?	80
Баклуши — самый небьющийся товар.....	80
Бить баклуши или бить лягушек?.....	82
Ничего неделание, или <i>dolce far niente</i>	84
Ферты, фетюки и гоголи	86
«Жесты» языка.....	90
Сизифовы труды и афинские совы	92
Небокоптителы, бирюльщики и продавцы слонов	94
КАКИЕ ЖЕ БАКЛУШИ БЬЮТ	
БЕЗДЕЛЬНИКИ?	97
Бабки и беньки.....	99
Сачки и шахматы	100
Каких собак гоняют лентяи?	103

Глава четвертая ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ «ЗООПАРКЕ»	106
ЛЮДИ И ЖИВОТНЫЕ И	
ЛЮДИ-ЖИВОТНЫЕ	108
Бestia, каналья и ракалия	109
В НЕБЕСНОМ «ЗООПАРКЕ»	112
Большая Медведица	113
Под знаком зодиака	114
КАК КАК И КАК НЕ КАК	116
Зюзя и бирюк	117
Немые рыбы, говорящие на общем языке.....	119
Трудолюбивая положительная пчела и трудолюбивый отрицательный вол.....	120
Грациозный слон	123
Отчего советует сова?.....	124
Ворона в супе и вода с гуся	125
КАК ВЕРБЛЮД ПРОШЁЛ СКВОЗЬ ИГОЛЬНОЕ УШКО	126
Верблюд или слон?.....	127
Через что же прошёл верблюд?.....	129
ПРЫГАЕТ ЛИ СТРЕКОЗА?	132
ЗАБЬЁМ КОЗЛА!	135
«Забивание» козлов и «зарезание» коз.....	135
Козёл отпущения	137
Козлиные грехи.....	137
Отставной козы барабанщик	139
Козлиное молоко, эгида и Млечный Путь.....	140
Козлиные химеры	143
Козьи капризы и «козлёнок» без козёл.....	144

Кого же «забивают» в домино?	145
ГДЕ ЗИМУЮТ РАКИ	148
Почему краснеют раки	149
Пятится как рак.....	150
Рак и безрыбье	151
Кормить раков, хватать крабов и ловить лещей.....	152
Рачьи глаза и рачьи клешни.....	154
На рачьих зимовках	156
МЕЖ ВОЛКОМ И СОБАКОЙ	158

**Глава пятая ИМЕНА, ВОШЕДШИЕ В
ПОГОВОРКУ.....163**

«ЗНАЧИТЕЛЬНО» ЛИ ИМЯ?.....	164
Хулиганы, разгильдяи и хамы	167
Обыкновенная «история»	169
Кощей Бессмертный и Баба Яга Костяная нога	170
Мамай, Калин-царь и кайзер	173
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕЗБОЖИВАНИЕ МИФИЧЕСКИХ БОГОВ	176
За что страдают Тантал и Сизиф?.....	177
Морфей и «гипнотическое» семейство	179
ЗДОРОВЫЕ АДАМЫ И БОЛЬНЫЕ ЛАЗАРИ	179
Свадьба Маланьи со святым Василием Кесарийским	182
ПОТЁМКИНЫ И ДОНКИХОТЫ	185
Шведы, французы, Шемяки и Годуновы.....	186
Донкихоты XX века.....	187

НА ВСЯКОГО ЕГОРКУ ЕСТЬ СВОЯ	
ПОГОВОРКА.....	189
Сергей-воробей и «мельник» Емеля.....	189
Иваны, Кузьки и Егоры.....	190
Филькина грамота и Сидорова коза.....	191
За что на Макара валяются шишки?.....	193
Кузькина мать, титовы дети и объсгоренный Егор.....	194
ГОВОРЯЩИЕ ИМЕНА.....	198
Микитки, Митьки и Миньки.....	200
Хмельницкий, Храповицкий и Могилёвская губерния.....	203
Праздновать труса или праздновать Струся?.....	205
Родословное древо царя Гороха.....	209

Глава шестая УСТОЙЧИВАЯ НЕУСТОЙЧИВОСТЬ ИЛИ НЕУСТОЙЧИВАЯ

УСТОЙЧИВОСТЬ.....	214
Фразеологическая гладь и «фразеокрушения».....	216
Фразеологическая поэзия и фразеологическая быль.....	219
Немоделируемые модели?.....	221
Устойчивая современность и неустойчивая история.....	224
Можно ли развешивать нюни?.....	227
Единство противоположностей «по-фразеологически».....	229
Какого арапа заправляли наши предки?.....	232

УКАЗАТЕЛЬ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И СЛОВ	241
Фразеологизмы и сочетания слов	241
Слова	247
ОГЛАВЛЕНИЕ	249

Мокиенко Валерий Михайлович

В глубь поговорки

*Рассказы о происхождении
крылатых слов и образных выражений*

Редактор *К. Б. Васильев*

Верстка и дизайн обложки *М. К. Васильев*

Корректор *Н. П. Колдина*

Издательство «Авалон».

190005, Санкт-Петербург, а/я 83.

Издательство «Азбука-классика».

196105, Санкт-Петербург, а/я 192.

Подписано в печать 09.04.2005. Формат 76×100¹/₃₂.

Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 8. Тираж 5000 экз. Заказ № 1700.

Отпечатано с диапозитивов в ФГУП «Печатный двор»
Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций.

197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

**ПО ВОПРОСАМ ПРИОБРЕТЕНИЯ
КНИГ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЗБУКА» ОБРАЩАТЬСЯ:**

- С.-Петербург:** Издательство «Азбука»
Тел. (812) 327-04-56, факс 327-01-60
Книжный клуб «Снарк»
Тел. (812) 103-06-07
ООО «Русич-Сан»
Тел. (812) 589-29-75
- Москва:** ООО «Азбука-М»
Тел. (095) 150-52-11, 792-50-68, 792-50-69
ООО «ИКТФ Книжный клуб 36,6»
Тел. (095) 265-81-93, 261-24-90
www.club366.ru, club366@aha.ru
- Екатеринбург:** ООО «Валео Книга» Тел. (3432) 42-07-75
- Новосибирск:** ООО «Топ-книга» Тел. (3832) 36-10-28
www.opt-kniga.ru
- Калининград:** Сеть магазинов «Книги и книжечки»
Тел. (0112) 56-65-68, 35-38-38
- Хабаровск:** ООО «МИРС» Тел. (4212) 29-25-65, 29-25-67
sale_book@bookmirs.khv.ru
- Челябинск:** ООО «ИнтерСервис ЛТД»
Тел. (3512) 21-33-74, 21-26-52
- Казань:** ООО «Танс» Тел. (8432) 72-34-55, 72-27-82
tais@bancorp.ru

ЗАРУБЕЖНЫЕ ПАРТНЕРЫ

- Украина:** ООО «Азбука-Украина», 04073 г. Киев
Московский пр., 6 (2 этаж, офис 19)
Тел. (+38044)-490-35-67
e-mail: sale@azbooka.net
- Израиль:** «Спутник» (Тель-Авив)
Тел. (03) 6872261, 056-479931
sputnic@zahav.net.il

INTERNET-МАГАЗИН

Все книги издательства в Internet-магазине «ОЗОН»
<http://www.ozon.ru/>

КНИГА — ПОЧТОЙ

ЗАО «Ареал», СПб., 192236, а/я 300
Тел. (812) 268-90-93
www.areal.com.ru
e-mail: postbook@areal.com.ru

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ

В. М. Мокинко

В глубь поговорки

